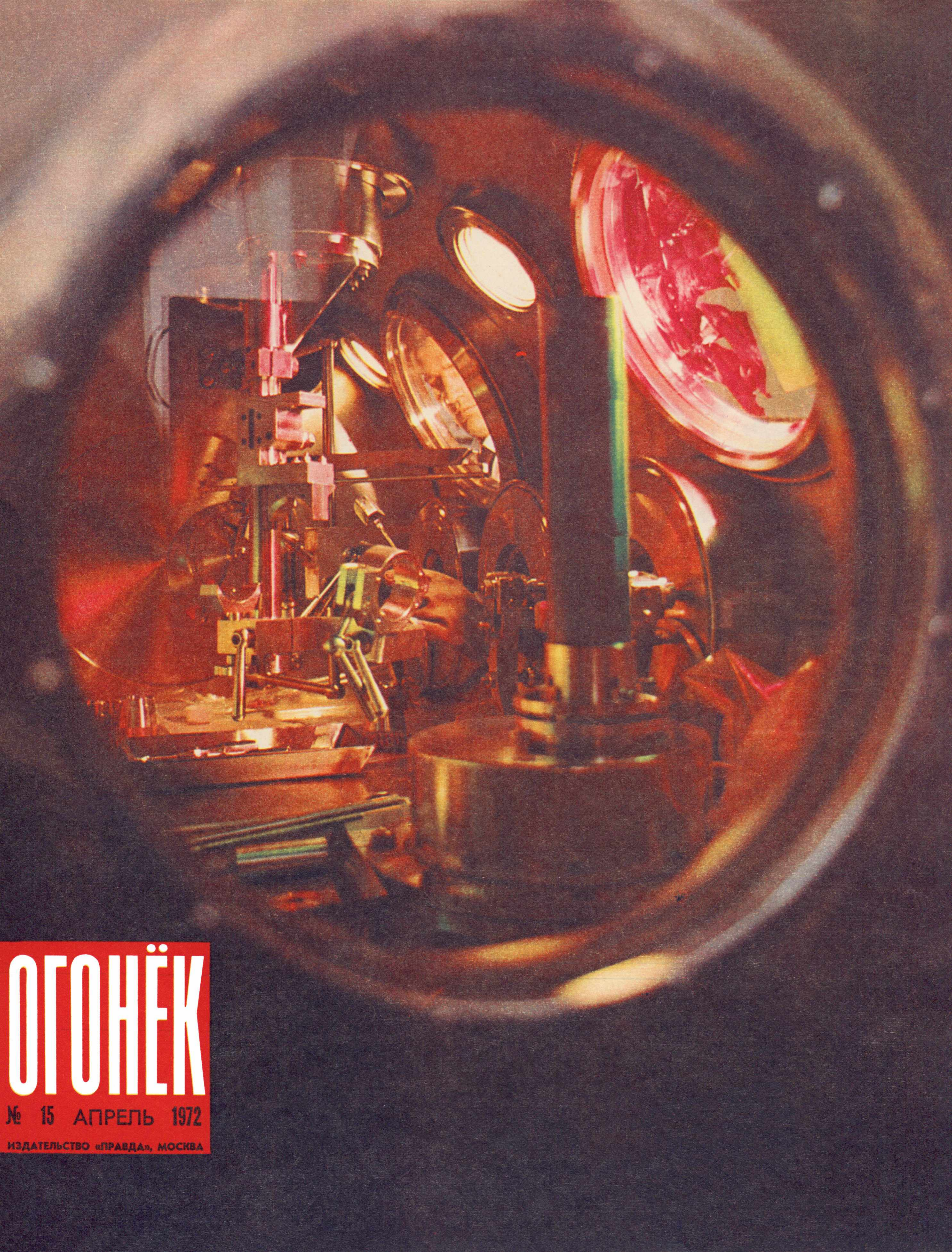

ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Керимбюбю Шопокова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

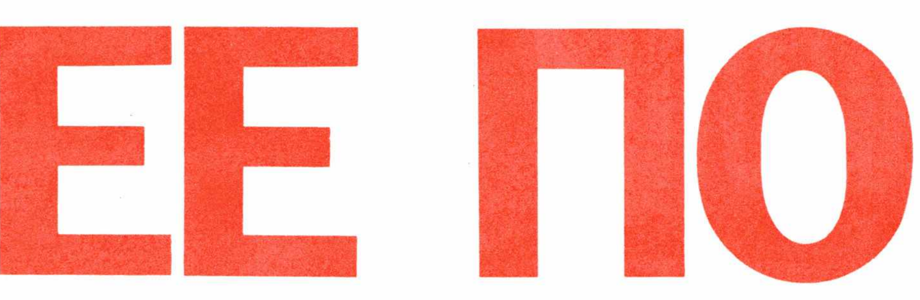
Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (2336)

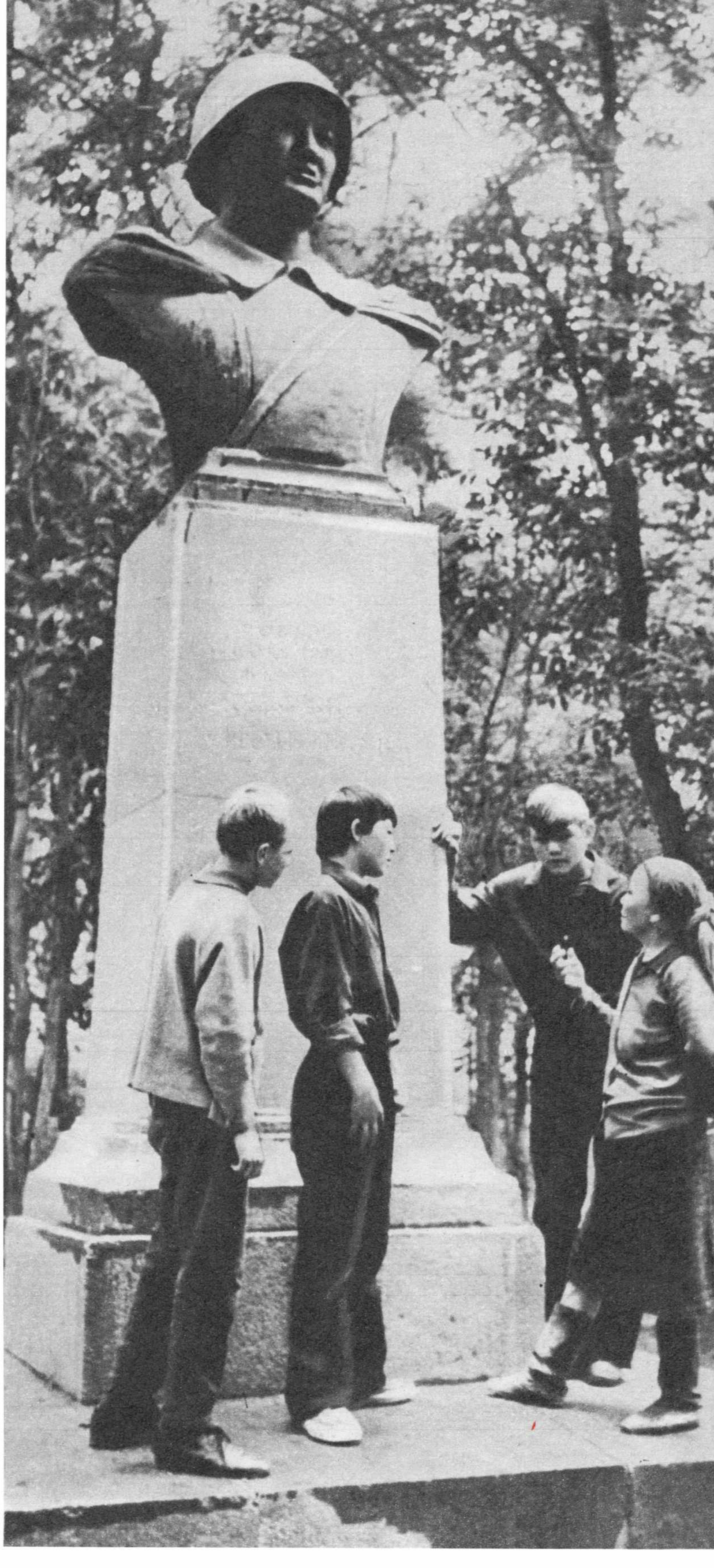
8 АПРЕЛЯ 1972

ЗА ЧТО УВАЖАЮТ ЧЕЛОВЕКА...

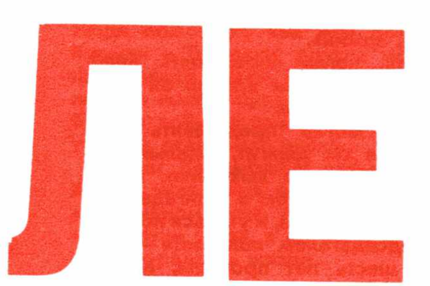

Здесь начинается колхоз

У памятника Герою Советского Союза Дуйшенкулу Шопокову.

«Мать-земля, почему не падают горы, почему не разливаются озера, когда погибают такие люди, как Суванкул и Касым! Оба они — отец и сын — были великими хлеборобами. Мир извечно держится на таких людях, они его кормят, поят, а в войну они его защищают, они первые становятся воинами... Скажи мне, мать-земля, скажи правду: могут ли люди жить без войны!..»

Ч. Айтматов «Материнское поле»

Л. МАКСИМОВА

Фото Э. ВИЛЬЧИНСКОГО.

Пять с половиной тысяч гектаров — владения колхоза имени Шопокова, объединяющего четыре села — Романовку, Гавриловку, Шалта и Чапан. Это сочетание русских и киргизских названий характерно: из-

давна киргизы живут в дружбе с русскими поселенцами.

Колхоз носит имя Героя Советского Союза Дуйшенкула Шопокова. А сам он, Дуйшенкул, оставшийся навсегда двадцатисемилетним, в каске и солдатской шинели, с добрым лицом, застыл, высеченный из камня, на постаменте памятника в зеленом тенистом парке Сокулукского районного центра.

Отсюда совсем недалеко до его родного села Шалта. И несут ему ветры родной земли и прохладу гор и запахи луговых цветов.

Коммунист Шопоков погиб в сражении под Волоколамском, где он, боец знаменитой Панфиловской дивизии, защищал Москву.

...Мы долго разговаривали с Керимбюбю, вдовой Дуйшенкула Шопокова. Она вспоминала мужа, вспоминала, сколько его русских друзей не вернулось с войны домой. Когда-то русские братья помогали киргизам создавать первые колхозы. А потом они вместе ушли на фронт, плечом к плечу — русские и киргизы, украинцы и узбеки — сражались за Родину...

Керимбюбю — звеньевая-свекловод, все ее трудовые заботы связаны с полем, со свеклой. Летом с утра до вечера Керимбюбю в поле, зимой готовится к весеннему севу.

Пожалуй, она такая же жадная до работы, как и Толгонай из «Материнского поля» Айтматова, думается мне. И у той и у другой нелегко сложилась судьба.

Всего один год и один день (только мать может вести такой счет) прожил на свете маленький сын Керимбюбю. «Такой полный, крепенький был мальчик, тяжело было носить на руках. Уже что-то понимать стал. Подойду к портрету отца — это ата, он на фронте, говорю. Тянется ручонками, улыбается. Кто знает, откуда беда придет? Может, не усмотрела, поднялся жар, задыхаться стал, не могли спасти мальчика и в больнице. И я его потеряла. Я не хоронила его: у нас женщины, по обычаю, не хоронят мужчин. А Дуйшенкул говорил, когда уезжал на войну: «Береги сына. Воспитай хорошо. Меня не будет — сын останется».

— В семье было девять человек: брат, сестра, мать старая, дочка четырехлетняя, еще родственники на моих руках. Главная работница — я. «Ты старайся, Керимбюбю,— писал муж,— не плачь обо мне, хорошо работай, этим ты поможешь армии».

А как не плакать, когда через пять дней после смерти сына почтальон вручил ей «похоронку» — погиб Дуйшенкул.

— Никогда я не могла представить его мертвым. Лихой был он джигит, смелый. За что ни брался — все у него выходило. И на тракторе работал, и учетчиком в бригаде механизаторов, и в Осоавиахиме, и учиться пошел. «Я еще буду председателем колхоза!» — шутил. Дружно мы шесть лет прожили. Как в

ВЕЛИКОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Белопанельный район новой московской новостройки на Ленинградском шоссе напоминает стаю крупных гордых птиц, возвратившихся весной на родное гнездовье. Такое впечатление, очевидно, отнюдь не субъективное, да к тому же и называется этот микрорайон «Лебедь»! Легкое, песенное имя— это прежде всего особое настроение души тех, кто строит. Веселое название да и самое это дело веселое—высотное строительство! День за днем растут этажи — и в столице и в иных городах. Год от года хорошеет страна. И раз в год по старой — революцией рожденной — традиции один из дней апреля трудящиеся проводят как праздник активного, бескорыстного труда на общее благо: апрельский ленинский субботник. Кто не знает, что первый день такого коммунистического по своей сути труда Владимир Ильич назвал Великим почином. За почином последовало Великое продолжение.

15 апреля вся страна выйдет на ленинский коммунистический субботник. Об этом же говорит и алое полотнище, взметнувшееся над новостройкой «Лебедь».

15 апреля, в день коммунистического субботника, бригада монтажников Ивана Константиновича Дробязко намеревается внести в фонд пятилетки 3 800 рублей.

Фото Михаила САВИНА.

песне. Нравилось ему, что я в комсомоле, что меня уважают, что ЦК комсомола наградил Почетной грамотой.

И вот смерть. Вторая смерть постучалась в дом. Ушла я ото всех в степь и пролежала на земле не помню сколько. «Возьми меня, земля, жить не хочу»,— говорила я. А был май. Земля сил набиралась, готовилась зацвести. А мне так было плохо.

Откуда силы берутся у человека? Не знаю. Люди помогают, как мне помогли подружки Курман и Toктосун, другие мои односельчане не оставили в горе. В сердце все горькое осталось, а жизнь продолжалась. Да и не одна я была в войну в таком положении. Всем было тяжело, всем было плохо...

Сейчас Керимбюбю пятьдесят четыре года. Время, испытания оставили морщинки на ее миловидном лице. А глаза... Я не часто встречала такие глаза, в которых и боль, и огонь, и мука, и радость жизни...

Подошел главный агроном Семен Максимович Шимберов. И разговор пошел о весне, о поле — красивое оно у Керимбюбю, это поле. Широкое и просторное, будто разлеглось до подножия дальних гор. Для меня только простор, а звеньевая и агроном, киргизская колхозница и опытный русский специалист, которым эта земля, ее красота давно привычны, сообща обсуждали насущные для них вопросы: готовы ли семена, какова их всхожесть, как лучше организовать сев...

— За нас-то не беспокойтесь, все сделаем, все успеем,— говорила Керимбюбю.

Когда-то это поле возделывали только руками. Теперь и сеют и копают сахарную свеклу машины. Страна, народы-братья позаботились о том, чтобы киргизские свекловоды получили хорошие машины. Труд на поле стал легче. Но по-прежнему много забот у коммунистки звеньевой Керимбюбю. Она Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета своей республики. Звание Героя она получила в 1957 году за высокий урожай свеклы — тогда в звене накопали более семисот центнеров с гектара! Слава совсем не изменила женщину: так же скромно оденется утром для работы в поле и повяжется косынкой, так же открыто ее сердце людям, как тогда, когда она стала вместе с дочерью растить и воспитывать племянника Курманбека (сейчас он заканчивает политехнический институт). И подруги у нее все те же — Курман и Токтосун.

Дуйшенкул Шопоков когда-то мечтал быть председателем колхоза. Теперь артельное хозяйство носит его имя.

Керимбюбю приходит к памятнику своему мужу и в День Победы, 9 Мая, и в другие дни. Она приходит сюда с друзьями и с родными. Приходит и одна. То, о чем в мыслях разговаривает она с любимым человеком,— это ее. Самое святое.

ВЕРОЛОМСТВО СИЛЫ

Даниил КРАМИНОВ

Почти одновременно в Вашингтоне было объявлено о начале «недели военнопленных» и о прекращении переговоров в Париже между представителями четырех сторон по мирному урегулированию во Вьетнаме. Оба шага правительства США, подготовленные заранее, сопровождаются большим пропагандистским шумом, рассчитанным на то, чтобы вызвать вражду американцев к народу Вьетнама и возложить вину за продолжение и даже расширение войны в Индокитае на правительства Демократической Республики Вьетнам и Республики Южный Вьетнам. Государственные и политические деятели США, слова которых подхватываются мощными разнообразными средствами массового воздействия — печать,радио, телевидение, кино,— расписывают самыми черными красками положение американских военнопленных, главным образом летчиков — воздушных пиратов, сбитых во время разбойничьих налетов на мирные города и деревни ДРВ, стремясь вызвать не только жалость, но и негодование американского населения. В Вашингтоне намеренно и злостно умалчивают о том, что эти пленные давно могли быть со своими семьями на родине, если бы правительство США не использовало их судьбу для пропагандистских кампаний, а приняло ясное и честное предложение правительства ДРВ прекратить агрессию и уважать право народа Южного Вьетнама на самоопределение, как это изложено в программе мирного урегулирования из семи пунктов.

Чтобы придать антивьетнамской кампании еще большую эмоциональность, довести ее до истерии, Вашингтон не постеснялся использовать в роли пропагандистов жен, детей, родителей военнопленных, заставив их выступать с душераздирающими жалобами и призывами, совершать поездки как по Соединенным Штатам, так и по другим странам. Особый упор делается на то, чтобы вызвать вражду не только к правительству и народу ДРВ, но и к тем, кто симпатизирует им, морально поддерживает их. Американские военнопленные служат нынешнему правительству США как средство давления на те слои внутри страны, которые осуждают продолжение и расширение агрессии в Индокитае.

В то же время американский представитель на переговорах в Париже некий Портер с грубостью, присущей скорее держиморде, нежели дипломату, прервал переговоры, ультимативно объявив, что дальнейших заседаний не будет, пока вьетнамские партнеры по переговорам не проявят готовность приступить к «серьезному обсуждению», то есть пока они не будут вести себя так, как угодно Вашингтону.

Саботируя переговоры в Париже, Вашингтон осмеливается обвинять правительства ДРВ и РЮВ в том, что они якобы мешают ему выполнить обещание «положить конец войне» во Вьетнаме, которое было дано еще летом 1968 года. Позднее Вашингтон обещал разработать «новую политику» на переговорах в Париже, но вместо нее объявил «гуамскую доктрину», воплотившуюся затем в так называемой «вьетнамизации». На практике «вьетнамизация» означала лишь замену американских наземных войск армиями наемников, подготовленных и вооруженных США. Подготовка наемников требует времени, и представители Вашингтона намеренно, изобретательно и цинично затягивали переговоры в Париже. Новое правительство уже трижды меняло руководителей своей делегации, отзывало их из Парижа на длительный срок. На заседаниях — а их состоялось 147— американские представители занимались декламацией о «стремлении к миру», поднимали вопросы, рассчитанные на пропагандистский успех, и мешали деловому обсуждению путей мирного урегулирования во Вьетнаме.

Опыт «вьетнамизации», то есть ведение войны в Индокитае руками подготовленных и вооруженных американцами наемников, не оправдал надежд Вашингтона. Армии наемников потерпели ряд сокрушительных поражений, показавших, что без американского соучастия и самой широкой американской военной поддержки марионеточные режимы, созданные Вашингтоном, не удержатся у власти. И Соединенные Штаты, нарушив свои собственные обещания и обязательства, возобновили воздушную войну против Демократической Республики Вьетнам и расширяют ее с возрастающим ожесточением. За последние три года США сбросили на мирные города, поселки и деревни Индокитая более 7 миллионов тонн бомб — значительно больше, чем за все предшествующие годы грязной войны в Юго-Восточной Азии.

Часто прибегая к тому, что сенатор Фулбрайт назвал «зазнайством силы», Вашингтон пытается навязать народу Вьетнама свою волю, подкрепляя требования о капитуляции чудовищными бомбовыми ударами с воздуха по мирному населению, все чаще прибегая к вероломным попыткам возложить вину за продолжение этой кровопролитной и разрушительной войны на ее жертвы — на народы Индокитая.

Однако мировое общественное мнение, требующее прекращения этой грязной войны, не может быть и не будет обмануто.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

А ТЕПЕРЬ — ВЕНЕРА!

Одиннадцать лет назад впервые поднялся в космос человек. За три с половиной года до этого путь ему проложил первый спутник. А теперь все дальше и дальше от Земли, к другим планетам, пролегают новые космические трассы.

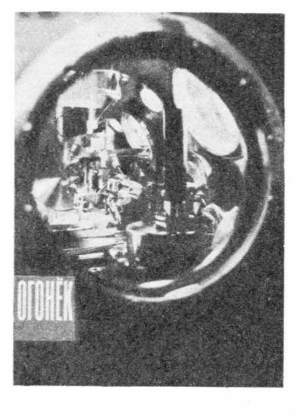
До начала эпохи космических полетов сведения о природе и свойствах Венеры были весьма противоречивы и туманны. Как туманна атмосфера самой планеты, надежно скрывающая от взоров наземных оптических телескопов ее поверхность. Лишь узкий диапазон сантиметровых радиоволн, излучаемых поверхностью планеты,— вот все, на что расщедрилась Венера для земных наблюдателей.

Не слишком гостеприимна она и для наших рукотворных посланцев. Лишь раз в девятнадцать с половиной месяцев Венера приближается к Земле на такое расстояние, которое позволяет отправлять к планете космические аппараты.

Уже восьмая наша станция держит путь к «планете загадок». Пять предшественниц нынешней, начиная с «Венеры-3», достигали планеты. Последняя из них, станция «Венера-7», 15 декабря 1970 года прозондировала атмосферу вплоть до поверхности. Результаты проведенных при этом измерений позволили ученым подсчитать: 500 градусов Цельсия и 100 атмосфер — таковы температура и давление у поверхности планеты. Атмосфера почти целиком из углекислого газа.

Да, условия на Венере оказались отнюдь не земными. Однако здесь необходимо уточнение — это касается той Земли, на которой живем мы или жили наши, пусть даже самые далекие предки. Возраст же самой Земли оценивается в несколько миллиардов лет. И тогда, в «детстве» своем, еще задолго до появления на ней первого разумного существа, наша планета, как полагают многие ученые, имела условия, близкие к тем, что сегодня определяют облик Венеры. А раз так, то

ЛУННЫЙ ГРУНТ В ЛА

Сосредоточен взгляд ученого, ловкие руки в перчатках бережно поддерживают герметичную ампулу. Еще миг — и на продолговатом лотке появится аккуратная грядка пепельно-бурого вещества. Эта грядка — частица другого небесного тела, доставленного на Землю автоматической станцией «Луна-20».

Лунная порода прибыла из далекого, чуждого земным условиям мира. Ровные холмики лунного песка, усеянные разного размера камешками, никогда не соприкасались с земной атмосферой. Именно поэтому ампула с грунтом вскрывается в стерилизованной камере, заполненной инертным газом, а лунное вещество надежно блокировано от земного микромира герметичными нарукавниками.

Уже второй раз в герметичном боксе приемной лаборатории Академии наук СССР совершается операция по извлечению лунного грунта из металлической ампулы. В сентябре 1970 года на приемный лоток легли образцы грунта из равнинного района моря Изобилия, доставленные на Землю автоматической станцией «Луна-16». А теперь лоток заполнила порода, взятая из гористой континентальной области, заключенной между морями Кризисов и Изобилия.

Момент, изображенный на фотоснимке, конечно, понятен всем. Вот сейчас после вскрытия ампулы керн лунного грунта будет осторожно выложен на лотке, причем в таком же порядке, как он поступил в ампулу в процессе бурения на Луне. Затем ученые произведут предварительный осмотр, взвешивание и описание извлеченных образцов породы. А дальше, безусловно, наступит пора скрупулезных исследований, пора новых открытий.

Но всем ли известны те чрезвычайно сложные проблемы, которые блестяще решили создатели станции «Луна-20», чтобы в руках ученых оказались образцы лунного грунта? Даже краткое перечисление только основных операций, выполнен-

Венера не только ближайшая по космосу соседка нашей планеты, но и ближайшая ее сестра. Причем сестра младшая. То есть Венера являет собой как бы прообраз Земли на ранней стадии развития нашей планеты. А потому с изучением «сестры» ученые связывают надежды не только объяснить многие удивительные природные явления, но и глубоко познать историю развития и нашей планеты и Солнечной системы вообще.

...Станция «Венера-8» все удаляется от Земли. В эти дни саму Венеру отделяют от нашей планеты около 120 миллионов километров. Как известно, Венера ближе к Солнцу, чем Земля, и летит по своей орбите быстрее ее, отмеряя ежесекундно по 35 километров. Расстояние между двумя планетами все сокращается. 17 июня оно станет минимальным — 43 миллиона километров. Солнце, Венера и Земля будут при этом на одной прямой. Затем Венера начнет «убегать», и к тому времени, когда автоматическая станция достигнет ее района, расстояние между Землей и Венерой возрастет почти до 65 миллионов километров. Собственный же путь станции по межпланетной трассе составит около 312 миллионов километров. Венера летит гораздо быстрее нашей станции, и этот межпланетный полет — своего рода космическая стрельба. Причем со значительным упреждением.

Выстрел произведен точно. Станция — на расчетной траектории. Я вспоминаю, как тогда, 27 марта, в день старта, приняли это известие баллистики координационно - вычислительного центра. Тому предшествовали сложнейшие машинные операции, проведенные по результатам траекторных радиоизмерений...

Начались сеансы связи с очередным посланцем к далекой Венере. Нет затишья на космических трассах.

В. ЛЕВСКИЙ,
научный сотрудник

БОРАТОРИИ

ных автоматической станцией во время полета, дает представление о сложности эксперимента. Точное выведение на траекторию полета и выход на селеноцентрическую орбиту, мягкая посадка станции в гористый район и последовательные операции по забору грунта, старт с Луны и метеороподобное возвращение аппарата с грунтом на Землю — все эти слагаемые составили в целом триумфальный космический полет.

И, несмотря на то, что со времени окончания полета прошло почти полтора месяца, в памяти живо сохранилось напряжение тех дней. Пожалуй, самым ответственным этапом была посадка — ведь станцию ждала неизвестная местность с горным рельефом, возможно, усеянная камнями и впадинами.

Не менее впечатляющ процесс забора лунной породы. Кажется, будто невидимая рука протянулась на четыреста тысяч километров и управляет действиями манипулятора. Вот грунт заполнил приемную ампулу, и манипулятор отведен в сторону. На снимке, переданном с помощью телефотометрической системы, видны следы лунного бурения. Они как бы свидетельствуют о безграничности сферы проникновения человека в космические просторы.

В. ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

НАВСТРЕЧУ АФРО-АЗИАТСКОМУ ФОРУМУ ЛИТЕРАТОРОВ В АЛМА-АТЕ

Осталось немногим более полутора лет до того дня, когда на гостеприимной земле Советского Казахстана, в ее столице Алма-Ате, соберутся писатели, поэты, литературоведы азиатских и африканских стран. Здесь осенью 1973 года состоится очередная, V конференция писателей Азии и Африки. Представители литератур двух великих континентов подведут итоги деятельности Ассоциации афро-азиатских писателей, обсудят задачи, стоящие перед творческой интеллигенцией, обменяются мнениями по вопросам, связанным с литературными процессами в их странах.

Уже сейчас писатели Азии и Африки начали деятельно готовиться к своему алма-атинскому форуму. Именно этим вопросам было посвящено заседание Постоянного бюро афро-азиатских писателей в Каире, в котором приняли участие представители Египта, Индии, Ливана, Монголии, Советского Союза, Судана и Южной Африки.

Постоянное бюро афро-азиатских писателей проводило свое очередное заседание через несколько дней после того, как в Каире закончилась V конференция Организации солидарности народов Азии и Африки. Представители писательской общественности в особом документе горячо поддержали решения форума солидарности, отразившие самые глубокие чаяния афро-азиатских народов в их борьбе против империализма и колониализма, за мир и социальный прогресс. Члены Постоянного бюро обсудили доклад генерального секретаря Юсефа эс-Сибаи о ходе подготовки к Алма-атинской конференции, о мероприятиях по организации книжной выставки афро-азиатских произведений. Значительное место в этой выставке займут книги писателей Азии и Африки, издающиеся на многих языках народов Советского Союза.

Как показало заседание бюро, литераторы придают большое значение изданию и распространению журнала «Лотос», являющегося печатным органом Ассоциации афро-азиатских писателей. Этот журнал, выходящий на английском, французском и арабском языках, постепенно завоевывает все более широкую читательскую аудиторию и становится трибуной писателей, произведения которых помогают народам молодых независимых и колониальных стран бороться против проникновения в их культуру реакционной империалистической идеологии. По мнению афро-азиатских писателей, «Лотос» может и должен сыграть большую организаторскую роль при подготовке к будущей конференции.

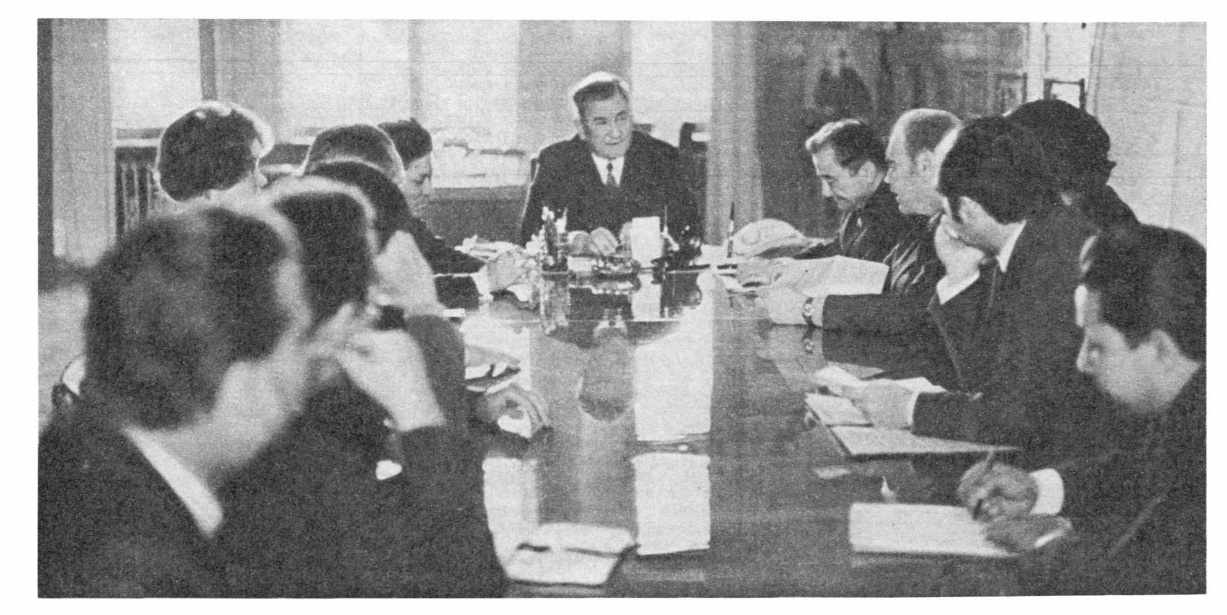
Постоянное бюро приняло решение провести следующее свое заседание в Москве летом этого года, заслушать на нем отчеты представителей афро-азиатских литератур о ходе подготовки к конференции, обсудить повестку дня будущего форума. Было решено также, что международное жюри по премиям «Лотос» соберется в Каире в конце 1972 года. Церемония вручения премий будет проведена во время V конференции в Алма-Ате. Хочется напомнить в этой связи, что лауреатами этой премии за 1971 год стали лучшие представители литератур афро-азиатских стран: известная монгольская писательница Сономын Удвал, сенегальский прозаик и кинорежиссер Сембен Усман и крупнейший египетский писатель Таха Хусейн.

Недавно в Правлении Союза писателей Казахстана состоялась встреча представителей Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки. На этой встрече были обсуждены вопросы подготовки к V конференции писателей стран Азии и Африки, выпуска книг афро-азиатских писателей в издательствах нашей страны и другие вопросы. На встрече выступили: председатель Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки узбекский писатель Камиль Яшен, первый секретарь Казахской писательской организации Ануар Алимжанов и другие.

Участники встречи были приняты членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаевым.

О. АГЗИБЕКОВ,
ответственный секретарь Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки

Писатели на приеме у товарища Д. А. Кунаева. **Фото А. ГОСТЕВА.**

ВООДУШЕВЛЯЮЩАЯ РЕЧЬ

Майк ДАВИДОВ,
корреспондент американской газеты «Дейли уорлд» в Москве

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей полной оптимизма речи, произнесенной на XV съезде советских профсоюзов, совершенно четко дал понять, что Советский Союз будет последовательно проводить в международных отношениях программу мира, выработанную XXIV съездом КПСС. Мирное наступление Советского Союза будет продолжаться.

В словах, высказанных Л. И. Брежневым, выражены чаяния всех миролюбивых сил планеты, а, как известно, и это показали события после XXIV съезда КПСС, слова Советского Союза не расходятся с его делами. Любой объективный наблюдатель может заметить плодотворные итоги мирного наступления Советского Союза за истекший год.

Речь Л. И. Брежнева на съезде советских профсоюзов содержит воодушевляющий аспект: советское мирное наступление будет продолжаться. Что касается американского народа, то его передовая часть всячески приветствует это наступление. Страдая от позорной агрессии против героических народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, американский народ решительно выступает за мир, за мирное созидание, за строительство домов, госпиталей, школ, за ликвидацию кризиса наших городов, что является кризисом нашей повседневной жизни. Вот почему миллионы американцев, воодушевленные речью Л. И. Брежнева, с новыми усилиями и энергией будут бороться за дело всеобщего мира.

Американский народ, я в это глубоко верю, с большим интересом отнесся к резонному замечанию, высказанному Л. И. Брежневым в своей речи, о возможности и желательности улучшения советско-американских отношений. Миллионы американцев приветствуют высказывание Л. И. Брежнева: «Мы заявляли раньше и подтверждаем теперь: улучшение отношений между СССР и США возможно. Более того, оно желательно, но, разумеется, не за счет каких-либо третьих стран или народов, не в ущерб их законным правам и интересам. Такова наша неизменная позиция». Миллионы американцев также горячо приветствуют осуждение Л. И. Брежневым грязной войны американского империализма в Индокитае и его заявление о том, что советский народ будет полностью выполнять свой интернациональный долг в поддержке борьбы народов Индокитая против империалистической агрессии. Весь мир хорошо знает, что сегодня существует другая Америка, Америка Анджелы Дэвис и миллионов борцов за мир, за демократические права, против расизма. Именно эта Америка требует положить конец войне в Индокитае и без всяких условий вывести из этого района земли все американские войска.

Речь Л. И. Брежнева во всех ее аспектах — четкое подтверждение всех принятых на XXIV съезде КПСС решений. Политика Советского Союза зиждется на твердой основе триумфального шествия к созданию материальной и технической базы коммунизма. Советский Союз и его героический народ, руководимый славной Коммунистической партией, как это еще раз становится очевидным из речи Л. И. Брежнева, идет в авангарде борьбы за всеобщий мир.

СЕМЬ ВСТРЕЧ С ФРАНЦУЗСКИМ КИНО

В течение недели французские кинематографисты демонстрировали в Советском Союзе свои фильмы, привезенные в ответ на осенний визит советских кинодеятелей в Париж и Нанси.

Советские зрители хорошо знают и любят французскую кинематографию. Этим и объясняется теплота встреч с известными киноактерами Франции, которые, в свою очередь, полны интереса к Советской стране... Впервые приехавшая в Москву знаменитая Мишель Морган знакома советскому зрителю по фильму «Большие маневры»; Жерар Ури — замечательный мастер кинотрюков, один из самых веселых людей во французском кинематографе,— привез новую свою режиссерскую работу: картину «Мания величия» по пьесе Виктора Гюго «Рюи Блаз». В этом фильме мы увидели и другого известного комика Франции, артиста Луи де Фюнеса.

В «Старой деве», первой большой картине Жана Пьера Блана, играет прекрасная Анни Жирардо, которую мы знаем по фильму «Рокко и его братья».

В дни Недели французского фильма на экранах прошли также интересные документальные ленты, сделанные кинематографистами Франции.

На снимке: кадр из фильма Клода Шаброля «Пусть умрет зверь».

◀ В Чили продолжаются митинги и демонстрации в поддержку правительства Народного единства, в знак протеста против подрывной деятельности реакции. Эта демонстрация состоялась недавно в Сантьяго.

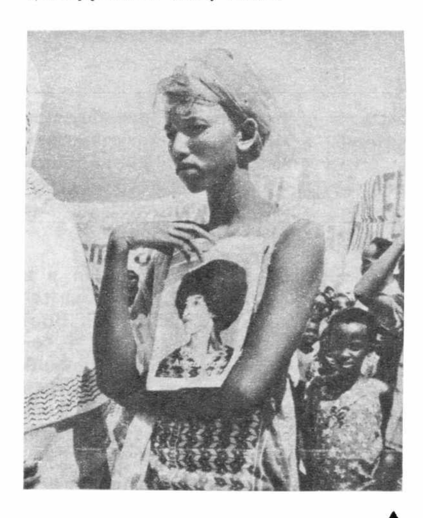
Усилить борьбу за скорейшую ратификацию договоров, заключенных в Москве и Варшаве, призывает миролюбивое большинство западногерманского населения, прогрессивная общественность ФРГ. На этом снимке вы видите, как активисты Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме, распространяют листовки на улицах Франкфурта-на-Майне. В марте этой организации исполнилось 25 лет. ▼

XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1971 года одобрила Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. В соответствии с этим 29 марта в Москве, Вашингтоне и Лондоне состоялось подписание конвенции.

В Москве конвенцию подписали представители трех государств-депозитариев конвенции: от имени Советского Союза — министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, от имени Соединенных Штатов Америки — посол США в СССР Джэкоб Д. Бим, от имени Великобритании — посол Великобритании в СССР сэр Джон Киллик.

Конвенцию также подписали представители следующих стран: Болгарии, Польши, Мексики, Финляндии, Чехословакии, ГДР, Ирана, Румынии, Италии, Венгрии, Монголии, Непала, Норвегии, Аргентины, Руандийской Республики, Швейцарии, Исландии, Украинской ССР, Белорусской ССР, Ганы.

В Сан-Хосе (Калифорния) идет неправомочный суд над Анджелой Дэвис. Вся честная Америка, весь мир протестуют против этого насилия над человеческой личностью, против беззакония. «Свободу Анджеле Дэвис!» — этот призыв все громче звучит на всех языках мира. Народ африканской страны Сомали решительно требует немедленного освобождения мужественной американской коммунистки, борца за гражданские права. В столице Сомали Могадишо недавно прошли многотысячные демонстрации и митинги в защиту Анджелы Дэвис.

Вооруженные силы Южного Вьетнама наносят сокрушительные удары по войскам американских агрессоров и их сайгонских марионеток. На этой фотографии запечатлен момент, когда бойцы НВСО разбирали трофейное оружие после захвата одной из баз интервентов.

Фото ТАСС и Д. Ухтомского.

Потерявший совесть

Знакомясь с «произведениями» некоего Абрама Суцкевера из Тель-Авива, нетрудно понять, что он состоит присяжным поверенным при сионистах. Тема его публикаций — «советология». Редактируемый им махровый антикоммунистический журнал служит одной цели — неистовому сионизму и оправданию израильской агрессии против арабских стран.

Именно поэтому он мечется между Тель-Авивом и Нью-Йорком, Иерусалимом и Лондоном, торопясь тискать в сионистских изданиях свои пасквили об СССР — в стихах и в прозе, выступает по радио и телевидению, брызжет ядовитой слюной на антисоветских сборищах.

Где, по Суцкеверу, например, процветает расовая дискриминация? Может быть, в США, где цвет кожи определяет место и положение человека в обществе? В Южно-Африканской республике, правители которой лобызаются с генералом Даяном? В самом Израиле, где «черные евреи» — сефарды находятся на положении изгоев, где их колотят полицейскими дубинками и поливают из пожарных шлангов? Нет, нет и нет!

Как-то в дверь с дощечкой «А. Суцкевер» постучал в Тель-Авиве эмигрант из СССР Алексей Фишкин, обманутый сионистской пропагандой и претерпевший на «земле обетованной» неимоверные лишения.

— В Тель-Авиве,— рассказывает Фишкин,— пришел к Суцкеверу, как к бывшему узнику вильнюсского гетто, освобожденному советскими партизанами. Вместо руки помощи он протянул мне антисоветскую книжонку, состряпанную им в Израиле, и с пеной у рта стал кричать, что в СССР якобы гибнет еврейская культура, там-де преследуют евреев.

— Как быстро вам изменила память,— оборвал я его.— А я все помню. Помню полевой аэродром у озера Нарочь, участливые лица наших партизан, усаживающих вас в самолет. Вам предоставили место тяжелораненого партизана. Как только язык у вас поворачивается клеветать на советских людей!

В книге Бориса Полевого «В конце концов», написанной на основе нюрнбергских дневников о суде над главными военными преступниками, упоминается Абрам Суцкевер, который рассказывал суду о гетто, об ужасах этой фабрики смерти. Его голос, пишет Борис Полевой, «дрожит, временами он срывается на нервный крик, его шатает, и он хватается за трибуну.

Он не называет цифр. Он говорит о судьбе своей собственной семьи. О жене, на глазах которой был убит ее ребенок. О том, как впоследствии на его собственных глазах застрелили жену. Мостовые гетто порой были красны. Это была кровь расстрелянных. Она стекала с тротуаров в желоба, в сточные канавы...»

Таким был тогда Суцкевер, узник гетто. «Наше знакомство с вами,— указывает в письме Суцкеверу бывший белорусский партизан, заслуженный учитель школы РСФСР Эммануил Юдолович, проживающий сейчас в станице Новотитаровской на Кубани,— состоялось вскоре после того, как партизаны освободили вас из вильнюсского гетто. Вас накормили, одели, поместили в добротную теплую землянку.

Я помню, господин Суцкевер, с каким почтением, я бы сказал, благоговением говорили вы в те дни о самопожертвовании советских людей — ваших спасителей, об их героизме, благородстве, человечности. Тогда же по указанию секретаря подпольного обкома партии вас, узника фашизма, вывезли на Большую землю, создали все условия для отдыха, лечения, творчества.

Так-то, господин, мы поступили с вами, нашим теперешним врагом, одним из сионистских идеологов. Мы спасли вам жизнь. И это было время, когда из 976 советских писателей, сражавшихся на фронтах и в партизанских отрядах, четыреста семнадцать беззаветно отдали жизнь на алтарь Отечества ради победы над фашизмом.

Вам хорошо известно, что гитлеровские оккупанты призывали «освободить» Россию от евреев. Вы же, сионистские трубадуры, призываете спасти евреев от... России. Чем не два сапога — пара?!»

Итак, нынешнему Суцкеверу не резон искать тогдашнего Суцкевера. Тот видел кровь на мостовых вильнюсского гетто. Этот не видит крови на мостовых арабских гетто, не видит развалин египетских, сирийских, иорданских городов и деревень, пораженных бомбами и напалмом с американских «фантомов» и «скайхоков». Он не замечает колючей проволоки концлагерей и железных решеток тюрем, где томят и пытают борцов арабского Сопротивления и израильских коммунистов.

Зато он избрал мишенью своих нападок страну, избавившую мир от фашистской чумы, страну подлинного интернационализма и дружбы народов; стреляет из ржавой сионистской пропагандистской пушки по тем, кто спас его от гитлеровской петли.

Антисоветские «литературные» упражнения господина Суцкевера могут вдохновлять лишь сионистских толстосумов, у которых он состоит в присяжных, и бандитствующих молодчиков из «лиги» Меира Кахане. В Суцкевере все честные люди видят перебежчика-ренегата, предавшего память миллионов жертв фашизма, в том числе и своих самых близких — жены и сына.

Г. ОСИПОВ

НОВОЕ ИМЯ В СПОРТЕ

Знакомьтесь: Владимир Иванов — абсолютный чемпион СССР по скоростному бегу на коньках 1972 года. Это имя впервые промелькнуло в печати во время нынешнего чемпионата мира по конькобежному спорту, где Иванов выступил неудачно. И вот полнейший триумф. Владимир Иванов завоевывает в одном соревновании сразу четыре золотых медали и высший титул конькобежца страны.

Первый успех Иванова — 5 000 метров — 7 минут 53,52 секунды. Второй успех Иванова — 1 500 метров за 2 минуты 6,47 секунды. Третий успех Иванова — 10 000 метров за 15 минут 55,36 секунды.

Третья победа молодого скорохода особенно впечатляюща: никому из 16 спортсменов, завоевавших право выступить в беге на заключительной дистанции, не удалось выйти из 16 минут. Новому абсолютному чемпиону страны 22 года. Он живет в городе Ижевске, член спортивного общества «Зенит». Конькобежным спортом занимается с 1964 года. Третий сезон его тренирует Анатолий Кайдалов, в прошлом известный советский конькобежец.

Высокую оценку новому обладателю высшего конькобежного титула страны дал трехкратный чемпион мира Олег Гончаренко.

— Это, несомненно, талант в конькобежном спорте,— сказал он.— Владимир Иванов — находка коломенского льда.

В. ДМИТРИЕВ
Фото В. Кутырева.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Юрий **НАГИБИН**

На днях я пошел платить членские взносы в охотничье общество, расположенное в маленьком, ветхом домишке в глубине Москвы. Но не сегодняшней, рослой, щедро остекленной, просторной, а старой, начала века, дачно-деревянной, палисадной, сиреневo-самоварной Москвы, на удивление сохранившейся возле ультрасовременного Ленинградского проспекта. Почему-то, и наверняка не случайно, охотничьи учреждения ютятся в таких вот старых, иногда каменных, а чаще деревянных домишках с подслеповатыми окошечками, с темными, обшарпанными лестничками, ведущими обычно не вверх, а вниз, в подвал или полуподвал, чуть озаряемый светом одиноко болтающейся на шнуре шестнадцатисвечовой лампочки. Раньше я приписывал заштатный облик охотничьих присутствий неуважению отцов города к древнейшей страсти человека, но с годами подобрел и теперь вижу в этом символический смысл: охота чужда современной цивилизации с ее суетой и шумом, назойливой техникой, ослепительным светом, потому и скрываются охотничьи службы в тихих дворика, особнячках и дачках, принадлежащих другому веку, на задах столицы.

Спустившись в подвальчик, я с великой грустью услышал, что и в нынешнем году моя любимая озерная охота запрещена. Говоря на более профессиональном языке, не будет охоты на водоплавающую и болотную дичь. Разрешат, очевидно, выборочную боровую охоту — на глухариных и тетеревиных токах и на вальдшнепиной тяге. Но я утиный охотник прежде всего, и мне это известие прозвучало как отмена весны. Значит, не будет сладкого томления в скрадне и взволнованного крика подсадной, завлекающей селезня, не будет явления яркоперого красавца, отдачи выстрела в плече и сладковатого запаха из стволов, запаха удачи. Уткам не грозит охотничья меткость.

Конечно, весну отменить нельзя. Она придет разливом вод, молодой травой, нежной зеленью листвы, голосами птиц, добрым теплом, запахами открывшейся земли, всем щедрым праздником пробуждения. Но для того, кто узнал благостную отраву охоты, весна неотделима от ведущей страсти. И утиному охотнику весна зрится прежде всего гладью затихшего белесого озера, тронутого алостью зари, голизной торчащих из воды прутьев кустарника, сухими осотами и камышами, посвистом утиного пролета, пожарными вспышками брачного оперения селезней. Конечно, можно принять и другие образы весны: влажную к вечеру просеку со стеклянным проблеском травяных луж и хорканье вальдшнепа или рассветную стынь тетеревиного тока на опушке леса, и все же первое чувство, испытанное мною, когда я услышал о запрещении утиной охоты, было: весна отменяется.

И в этом горестном ощущении невосполнимой утраты увидел я весенние акварели старого моего товарища, заслуженного художника РСФСР Петра Яковлевича Караченцова. Над сизыми с прозеленью, отороченными пеной волнами северного озера тянет в направлении косицы тройка крякашей. Общий тон рисунка суров, как сурова природа Валаама, острова в северной части Ладожского озера. Художник сдержан до скупости, он дает лишь самое необходимое, не разменивается на мелочи, подробности,— вода, береговой мысок, силуэт далекого и три сильных, гордых птицы в небе.

Прекрасен этот скупой образ ранней весны, когда утки только еще налетают с юга, когда они в стремлении к далекой цели и не разбились на пары, потому и оказался селезень чуть впереди крякуш. В паре со своей суженой селезень ходит позади, как это изобразил живописец в акварели «На Рыбинском море».

Два схожих сюжета, но как по-разному они решены! Рыбинский пейзаж куда населеннее: на переднем плане вознеслись над водой две высоченных мачтовых сосны. У одной видны нижние сучья кроны, другая существует лишь голизной прямого ствола, у ее подножия приютилась сосенка-дитя с нежными метелками. Чуть дальше от берега — полузатопленный куст, похоже, краснотала. Огромный круг солнца поднялся над лесом и столбом отразился в недвижимой воде. В легком куре вытемнилась кормовка то ли охотника, то ли рыболова. А вверху, венчая скромный среднерусский пейзаж, рассекают воздух сильными крыльями две великолепных птицы.

Казалось бы, чувство тоски по с в о е й весне должно лишь усилиться после этих акварелей, но в том-то и состоит колдовская сила настоящего искусства, что, давая иллюзию подлинного переживания, оно приносит утоление. Я будто кожей ощутил порассветный холодок, сопутствующий подъему солнца, когда плывешь в челноке к шалашу или сидишь на чурбачке в полутемном скрадне и мреющий вокруг легкий, неплотный туманец придает окружающему призрачность сновидения. И с этим физическим ощущением вступил мне в грудь весь восторг первой весенней охоты, лучшей и красивейшей из всех охот, и мне стало так счастливо, будто и впрямь все сбылось: заря, озеро и взятый на цель меднозобый селезень.

Уже без сопротивления, с чистой радостью узнавания принял я и другие образы весны, запечатленные Караченцовым. Ну, хотя бы тетеревов, сидящих на тонких березках, украсившихся сережками. Впереди — черный, с красными бровями, лирохвостый косач, позади — серенькая тетерка. Косач величаво-спокоен, тетерка к чему-то прислушивается с чисто женским любопытством. Два реактивных истребителя загнули в небе крутые белесые дуги двойного следа. Кем представляются тетерке эти крошечные летуны, быть может, тоже пернатой парой, пустившей на полнеба снежные шлейфы брачного наряда?

Этот прелестный рисунок наводит на мысль о том, как в нынешнее время сплетаются в пейзаже естественная жизнь и явления технического прогресса, образуя некое новое единство. Самолеты и птицы плохо уживаются на аэродромах, но в пейзажном листе их соседство создает новое лирическое качество, а гигантские иероглифы, которыми самолеты расписывают небесный свод, так же трогают душу, как и летучая гряда облаков.

А вот другая акварель, лаконично названная «На току». Ранним туманным рассветным часом, когда верхушки елок и сосенок кажутся свободно висящими в воздухе и еще не поднялось солнце, в рослой траве сошлись два могучих соперника — красавцы косачи. Наклонив раздутые гневом шеи, растопырив крылья с белой полоской, напрягши лирообразные хвосты, насупив кроваво-красные брови и хищно приоткрыв клювы, они через мгновение кинутся друг на друга во имя высшего призыва весны — любви. За ними, словно судья на ринге, наблюдает другой косач. И столько в этом рисунке весеннего очарования и весеннего подъема чувств, что с души враз смывается усталость прожитых лет и самому хочется в бой.

Но особенно трогает меня рисунок «Вальдшнеп тянет». Не знаю, какое конкретно место изобразил здесь Петр Караченцов, а он никогда не рисует пейзаж вообще, он работает с этюдником и сохраняет скрупулезную верность натуре, но мне кажется, что я вижу просеку в угодьях Максатинского охотхозяйства, что в тридцати километрах от старинного городка Бежецка. Там я сшиб своего последнего вальдшнепа. Он, как и на рисунке, шел довольно высоко, много выше верхушек берез и ольх, как и положено ходить вальдшнепу в ясную, бездождную погоду. И такая же круглая, подрумяненная закатом луна висела над рощей, отражаясь горбушкой в плоской бледной луже.

Пейзаж насыщен влагой, но чем достигнуто ощущение вечерней, тепловатой, с легкой прелью, пахучей влажности в отличие от рассветной, хрустальной и знобкой влажности «На току», не берусь сказать. Конечно, тут дело в красках, в их сочетании и способе наложения, но все эти мертвые технические слова не объясняют чуда искусства.

А вот совсем другой, жестокий образ весны. Ястреб-тетеревятник, сидя на обрубке ствола, сжимает в мощных когтистых лапах рябчика. Кажется, что жизнь не вовсе покинула бедную жертву, есть напряжение в изгибе шеи, и глаз не задернулся пленкой. Жалко рябчика, но и ястреб безвинен в своем поступке: таково его природное назначение. До какого-то времени тетеревятники, равно как и перепелятники, были поставлены вне закона. Бей, истребляй их сколько душе угодно. Но теперь отношение к ним зоологической науки изменилось, и на хищных птиц распространился охраняющий закон. Стрелять их можно, порой даже нужно, но со всеми теми ограничениями, какими обставлена любая охота. И хищники необходимы в круговерти жизни, без них может нарушиться нормальный обмен в природе. И когда глядишь на красивую, сильную, спокойную и гордую птицу, изображенную художником, то понимаешь, что такой красавец не может быть преступником перед породившей его природой.

Для того, чтобы живописать так проникновенно и верно природу и всех насельников зеленого мира, мало быть талантливым художником, нужно быть и великим природолюбом. Таков Петр Караченцов. Вот что сказано в его автобиографических записках:

«Много можно вспомнить и рассказать об этих сокровенных, неза-

П. Караченцов. УТРО.

ВАЛЬДШНЕП ТЯНЕТ.

П. Караченцов. В РОДНЫЕ КРАЯ.

НА ТОКУ.

12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

ШАГИ К ЗВЕЗДАМ

Специальный корреспондент «Огонька» Марк Баринов обратился к председателю Комиссии по исследованию и использованию космического пространства Академии наук СССР академику Анатолию Аркадьевичу БЛАГОНРАВОВУ с просьбой ответить на несколько вопросов.

ВОПРОС. День космонавтики — международный праздник победы человеческого гения, победы над могучими силами природы.
Чем объяснить, что именно наша страна стала первооткрывательницей дороги в космос?

Ответ. Действительно, первый полет человека в космическом пространстве был проявлением поистине безграничных возможностей человеческого разума в его единоборстве и сотрудничестве с природой. Грандиозность этого достижения превратила его в праздник, отмеченный во всем мире. Наша страна первой проложила дорогу в космос прежде всего потому, что в основе наших достижений лежит социалистический уклад хозяйства и жизни. Наша страна располагает огромными природными ресурсами, и эти богатства принадлежат народу, используются для его блага, для удовлетворения потребностей общества. Вспомним, как социализм в немногие годы изменил весь облик нашей страны, как быстро залечили мы тяжелейшие раны, нанесенные войной, и какого взлета достигла наша экономика, техника, наука в годы, которые предшествовали выходу в космос. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценивают значение науки для развития всего нашего хозяйства. Вот почему и стремление ученых овладеть тайнами космического пространства получило полную поддержку партии и правительства.

Когда прокладывалась дорога в космос, таким энтузиазмом были охвачены не только руководители программы исследований, ведущие ученые, но и весь большой коллектив инженерно-технических работников и рабочих, связанных с разработкой средств овладения космосом. Кроме того, мы своевременно оценили богатейшие возможности мирного применения ракетной техники. И это тоже не случайно, поскольку такая оценка полностью соответствует мирной направленности нашей внешней политики.

ВОПРОС. Годы, прошедшие с того дня, когда мир узнал русское слово «спутник», стали эпохой в развитии научной мысли. Назовите основные, главные открытия и достижения различных наук, которые стали возможными благодаря выходу человека в космос.

Ответ. Сложность и многогранность задач, которые пришлось решать при исследовании космического пространства, возникшие при этом трудности, связанные с новыми требованиями, привели к необходимости по-новому подойти к многочисленным научным проблемам, и этот новый подход обеспечил их решение. Отсюда достижения в создании новых материалов, в приборостроении, в радиотехнике, в теории и практике управления. Что же касается фундаментальных открытий в науке, сделанных благодаря выходу в космос, то достаточно вспомнить, что у нас теперь сложились совершенно новые представления о межпланетной среде, уточнились знания, касающиеся связи солнечной деятельности с физическими явлениями в земной атмосфере. Одна из древнейших наук, астрономия, переживает второе рождение благодаря новейшим исследованиям космического пространства. Вспомним, как много нового мы узнали о «планете загадок» — Венере. Вспомним, как совсем еще недавно не только среди писателей-фантастов, но и среди ученых признавалась законной гипотеза о возможности «высокоразвитой цивилизации» на планете Марс. Даже возникло предположение о спутниках Марса — Фобосе и Деймосе как о космических телах искусственного происхождения. Сейчас если и ставится вопрос: «Есть ли жизнь на Марсе?» — то при этом изучается возможность обнаружить лишь самые примитивные ее формы.

ВОПРОС. Исследование и освоение космического пространства — дело весьма дорогостоящее, требующее больших капиталовложений. Можно ли уже теперь, в наши дни, говорить об «отдаче» народному хозяйству со стороны нашей космической техники?

Ответ. Прежде всего сама стоимость космических исследований — вещь относительная. Известно, что дороже всего обходятся, как правило, первые эксперименты. Затем, с возникновением элементов серийного производства, стоимость резко снижается на единицу продукции. То же самое, но в обратном направлении происходит и с «отдачей» народному хозяйству. Эффективность делается ясной постепенно. Внедрение этих достижений обычно представляет собой длительный процесс. Тем не менее уже теперь можно назвать немало областей практического использования результатов космических исследований. Спутники применяются в метеорологии и службе погоды, где своевременные и достоверные сведения, позволяющие принять соответствующие меры в сельском хозяйстве, например, или в мореплавании и в других сферах человеческой деятельности, зачастую дают экономический эффект, который может окупить затраты на космическую технику.

Широкое внедрение получила дальняя связь с помощью спутников. Опять-таки сбережены

бываемых минутах, проведенных наедине с родной природой. Росные утра, пепел на углях догорающего костра, солнце, встающее в молочном тумане, крик коростеля, свист утиных крыльев — все это наполняло мою душу радостью, любовью к родной земле. Я побывал на Байкале, ходил с сибирскими охотниками по тайге, бродил по Уралу, хорошо знаком со многими местами среднерусской равнины, бесконечно дороги мне синие дали Мологи и холодное раздолье Рыбинского моря. Без оглядки, навсегда я полюбил эту неброскую, но такую душевную красоту русской природы. Сколько в ней настроения, подлинной поэзии! Моими неизменными спутниками всегда были этюдник, ружье и рюкзак, главными увлечениями — рисование и охота. Я не считал обязательным непременно принести домой дичь, хотя и в этом греха не вижу, ведь едим же мы кур. Важным было умение найти, выследить, подойти, знание самых различных охотничьих примет. Неизменно пополнялся запас этюдов, набросков, рисунков. Туманные рассветы, шумная глухариная посадка, весенний тетеревиный хор или тихие вальдшнепиные зори — все это вновь и вновь оживало на бумаге. Вновь и вновь рождалось желание рассказать о пережитом и увиденном цветом и образами...»

Призвание Караченцова не только раскрывает нам художника изнутри, но лишний раз говорит о том, что в основе охотничьей страсти лежит любовь к природе и зверьевому миру, а вовсе не тяга к уничтожению. И ничто так не сближает с природой, как охота, ибо тут природа постигается в живом соприкосновении и преодолении, даже в борьбе, а это куда больше благостного лицезрения со стороны.

Читатели «Огонька» знают и любят Петра Караченцова. Думаю, в нашей литературе мало найдется писателей, работающих в жанре короткой повести и рассказа, которые обошли бы стороною «Огонек». И очень многие из них хоть раз, да имели счастливую творческую встречу с Петром Яковлевичем. Из этого вовсе не следует, что художник всеяден и берется иллюстрировать все без разбора. Нет, он тяготеет к тем произведениям, где слышно дыхание природы. Русская рассказовая литература традиционно «пейзажна», если позволено так выразиться, и Караченцову нетрудно находить близкое себе у разных авторов. Ну, а если рассказ связан с рыбалкой, охотой или странствиями по родной земле, то это уж впрямую по ведомству Петра Караченцова. Но его никак нельзя считать узким специалистом. В графике ему равно удаются человеческий типаж, жанр, городские виды, изображения боя, образы любой человеческой драмы. А вот сейчас читатели нашего самого массового иллюстрированного журнала познакомятся с Караченцовым как с замечательным акварелистом.

Я ничего не сказал об одном рисунке: о журавлях, летящих клином в легком, безоблачном небе, над купами зазеленевших деревьев. Их белые, будто растянутые полетом тела, красные клювы и лапы, голубые тени под крыльями, мощно загребающими воздух,— самый чистый и светлый образ наступающей весны.

Весна идет, возрадуемся весне!..

В издательстве «Изобразительное искусство» готовится к печати альбом «Наедине с природой» — рисунки и текст П. Я. Караченцова.

миллиарды рублей, которые потребовались бы на достижение тех же результатов, но без спутников.

На очереди исследование земных ресурсов при помощи спутников, которое в ряде случаев будет давать немедленный экономический эффект. Я уже не говорю о том, насколько расширились области познания природы, что, в свою очередь, приведет и к новым видам использования природных ресурсов и природных явлений.

ВОПРОС. Совершенно очевидно, что такое грандиозное дело, как выход человечества в космос, требует объединенных усилий в глобальном масштабе. Известно, что в этом направлении уже предпринимаются некоторые шаги. Не могли бы вы, Анатолий Аркадьевич, рассказать об этом подробнее?

Ответ. Масштабы и характер исследования космоса действительно требуют объединения усилий многих стран, притом не только по экономическим соображениям. К настоящему времени сложились определенные формы международного сотрудничества. Одна из них — широкий обмен получаемой информацией, что способствует дальнейшему развитию космических программ. В качестве примера можно привести одно из самых недавних событий в космической практике — исследование планеты Марс советскими автоматическими станциями «Марс-2» и «Марс-3» и американской станцией «Маринер-9». Совместный анализ итогов этих исследований, несомненно, будет плодотворным. Другая форма сотрудничества — наши совместные исследования и разработки с учеными и специалистами тех стран, которые пока не располагают возможностями для самостоятельных исследований. Такое сотрудничество успешно практикуется, например, у нас с учеными социалистических стран по программе «Интеркосмос».

Иногда в мировой печати высказываются соображения о более тесном сотрудничестве, скажем, в запусках космических кораблей с международными экипажами. Однако надо еще оценить, насколько такая форма сотрудничества рациональна и целесообразна. Подбор экипажа для космического полета — дело крайне сложное в сравнении с любым другим комплектованием экипажей или команд. Здесь учитываются и психологические и многие другие факторы, а «интернациональный характер» экипажа едва ли может повлиять на существо исследований и на их результаты.

ВОПРОС. Современников не перестает изумлять темп, с которым идет завоевание космоса. Можете ли вы хотя бы наметить основные аспекты использования наших космических достижений в обозримом будущем?

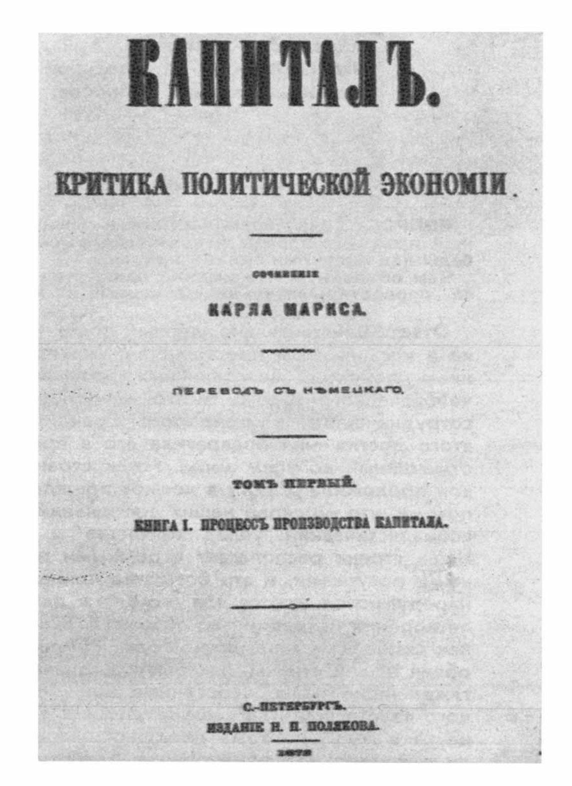
Ответ. Да, беспрецедентный темп завоевания космоса продолжает нарастать. Это обстоятельство, между прочим, затрудняет делать предположения слишком долгосрочного характера о дальнейшем развитии космонавтики. Еще до космической эры существовала, например, потребность во всестороннем изучении Земли и ее богатств. Однако вряд ли кто-нибудь мог предположить, что с этой задачей столь блистательно будут справляться искусственные спутники Земли.

С другой стороны, космонавтика не только оказывается наилучшим средством для решения ряда давно известных проблем. Она сама открывает новые области исследований и ставит новые задачи. Такова логика прогресса. Поэтому сегодня можно лишь в самых общих чертах наметить вероятное будущее космонавтики. Безусловно, будет шириться и совершенствоваться «земная служба» спутников, космических кораблей и станций. Появятся спутники и приборы самого разнообразного назначения для всесторонних исследований полезных ископаемых, водных богатств, окружающей среды, для различных систем контроля. Для всех этих исследований будет характерен подход к нашей планете как к единому комплексу взаимосвязанных сторон и явлений.

Что касается дальнего космоса и небесных тел, то сегодняшние достижения космонавтики, особенно ее автоматических средств, делают принципиально возможным непосредственное изучение любой области Солнечной системы, притом все более совершенными методами и средствами, со все большей степенью точности и достоверности.

ВЫДАЮЩ ОТЕЧЕСТВЕ

К СТОЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ РУССКОГО ИЗДАНИЯ I ТОМА «КАПИТАЛА»

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

1872

Сто лет назад, 27 марта (8 апреля) 1872 года, в Петербурге вышло в свет русское издание первого тома «Капитала» К. Маркса. Русский перевод был вообще первым переводом главного произведения Маркса на иностранный язык. Трудно переоценить значение первого издания гениального труда Маркса для развития освободительного движения и общественной мысли в России XIX века. Можно со всей уверенностью считать, что это издание «Капитала» явилось крупнейшим событием в общественной и культурной жизни страны. Оно получило горячий отклик как в лагере русской революционно-демократической молодежи, так и в кругах прогрессивной интеллигенции. Интересен отзыв современника, данный в статье не установленного пока автора, относящейся к 70-м годам XIX века и написанной в связи с появлением русского перевода «Капитала» [1].

«...Среди массы книг,— писал неизвестный автор,— выброшенных на русский книжный рынок в течение последнего времени, мы отказываемся назвать другую равную этой по значению, по глубине и богатству содержания, по строгости критического анализа, по истинности защищаемых идей» (разрядка моя.— О. С.).

Мысль о переводе «Капитала» на русский язык возникла среди революционно настроенной молодежи, объединившейся в Петербурге вокруг Г. А. Лопатина. Этот кружок образовался примерно в середине 60-х годов XIX века. В его состав входили Н. Ф. Даниельсон, Н. Ф. Киршбаум, Н. Н. Любавин, М. Ф. Негрескул и другие. Первое время члены кружка уделяли много внимания знакомству с сочинениями социалистов-утопистов. Затем они

[1] ЦГАЛИ, ф. 1019, оп. I, д. 157, л. 3 об.

Г. А. Лопатин.

ЕЕСЯ СОБЫТИЕ Нcomponents НОЙ ИСТОРИИ

обращаются к произведениям К. Маркса. Сначала они познакомились, по свидетельству Лопатина, с работой Маркса «К критике политической экономии». А позднее члены этой группы (известной под названием «Рублевое общество»), одними из первых русских людей познакомились и с «Капиталом» (на немецком языке). Вот тогда-то, после серьезного ознакомления с главным трудом К. Маркса, и возникает идея о переводе на русский его первого тома.

Как же решился вопрос о переводчике «Капитала»? Вопрос этот был совсем не простой. Первоначально предложение о переводе было сделано М. А. Бакунину, он начал работать, но попытка эта оказалась неудачной. Нужно было отыскать такого человека, который бы основательно знал язык, политическую экономию и вообще социально-экономические дисциплины, наконец, имел бы достаточный опыт участия в общественном и освободительном движении. Таким человеком и был Герман Лопатин. Его характеризовали широкий политический кругозор и твердость в революционно-демократических убеждениях, что имело особое значение. И товарищи обращаются к Лопатину с предложением взяться за перевод «Капитала». Г. А. Лопатин, конечно, прекрасно понимал всю трудность задачи, поставленной перед ним, и, прежде чем начать работу над переводом, решил встретиться со знаменитым автором «Капитала».

В феврале 1868 года Лопатин был арестован по делу «Рублевого общества», последовало заключение его в крепость, а затем ссылка в Ставрополь, где он находился до своего побега в начале января 1870 года.

Бежав из ссылки, Лопатин вскоре оказался за границей, был в Париже, а 2 июля 1870 года переступил порог дома на Мейтленд-парк род, где жил Карл Маркс.

Здесь и произошла первая встреча молодого революционера с К. Марксом, положившая начало тесной дружбе между ними. Карл Маркс и его семья тепло и радушно встретили Лопатина. Маркса глубоко заинтересовала личность двадцатипятилетнего революционера, человека большого ума, обаятельного, находчивого, а также, несмотря на молодость, известного своим активным участием в русском освободительном движении.

К. Маркс был поражен глубокими знаниями, эрудицией своего собеседника. Известна та высокая оценка, которую дал Лопатину впоследствии Маркс в письме к Ф. Энгельсу: «Очень ясная, **критическая** голова».

Знакомство и первые встречи Г. А. Лопатина и К. Маркса привели к установлению прочных дружеских отношений между ними. «...Переговоры с Марксом,— писал Лопатин впоследствии,— касательно перевода на русский язык первого тома «Капитала» вел не Даниельсон, а я, вследствие личного знакомства с автором, превратившегося потом в тесную дружбу».

Первые дни и недели пребывания в Лондоне Лопатин посвятил глубокому изучению экономической литературы, так как требовалось самым обстоятельным образом подготовиться к переводу. Примерно в конце второй декады августа Лопатин начинает работать непосредственно над переводом «Капитала».

В ходе работы Г. А. Лопатин справился успешно и с важной задачей перевода на русский язык научных терминов, содержащихся в «Капитале».

Он же сделал и пояснение сущности нормы прибавочной стоимости. «Читатель должен всегда иметь в виду,— писал Лопатин в примечании,— что **норма** прибавочной стоимости и **общая сумма** прибавочной стоимости — большая разница. Положим, в одном случае необходимый труд = 3 часам; прибавочный труд пусть будет также = 3 часам; а в другом случае необходимый труд = 6 часам, прибавочный труд также = 6 часам. Очевидно, что **норма** прибавочной стоимости, т. е. **степень** эксплуатации работника, будет и в том и в другом случае одинакова (т. е. =100%); но **положение** работника, физическое и нравственное, т. е. **общая сумма** его тягостей в этих двух случаях — весьма различна (именно в одном случае вдвое больше, чем в другом)».

Работая над переводом, Лопатин дает комментарий к наиболее трудным для читателей местам «Капитала».

Ему по праву принадлежит большая заслуга в разработке научной экономической терминологии на русском языке. Здесь надо подчеркнуть, что терминология, разработанная Лопатиным при непосредственной помощи К. Маркса, была использована Н. Ф. Даниельсоном в переводе последующих томов «Капитала».

Работа Лопатина над переводом была прервана в конце ноября 1870 года, когда он покинул Лондон и срочно отправился в Россию с целью организации побега Н. Г. Чернышевского, томившегося в далекой Сибири.

Однако Лопатину не удалось осуществить эту задачу. В Сибири он был арестован и попал в тюрьму, откуда смог бежать лишь в 1873 году.

С отъездом Лопатина работа над переводом «Капитала» не остановилась. Отправляясь в Сибирь из Петербурга, Г. А. Лопатин оставил материалы перевода Н. Ф. Даниельсону, своему другу и товарищу, который и завершил работу. Н. Ф. Даниельсон переводил «Капитал», по словам Лопатина, «тщательно придерживаясь повсюду установленной мною терминологии». Кроме него, в работе над переводом участвовал и Н. Н. Любавин. В конце октября 1871 года работа была закончена, после чего рукопись «Капитала» была передана издателю Н. П. Полякову.

Издатель Николай Петрович Поляков (1843—1905) — личность, бесспорно, представляющая большой интерес. По своему происхождению это типичный разночинец. Он родился в семье землемера в Саратовской губернии. Закончив гимназию, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, а в 1861 году за участие в студенческих волнениях был исключен из университета.

С 1865 года началась издательская работа Н. П. Полякова, в которой он выступал как передовой просветитель-демократ.

И поэтому не случайно Г. А. Лопатин и его товарищи доверили именно Полякову издание труда Маркса.

В марте 1872 года печатание первого тома «Капитала» было закончено. Издателя беспокоило решение, которое вынесет Петербургский цензурный комитет, куда он представил несколько экземпляров книги. Но опасения Полякова на этот раз не оправдались. Цензоры не смогли увидеть революционного значения «Капитала», посчитали, что сложность и научность сочинения Маркса сделают его малодоступным для широкого читателя.

«Можно утвердительно сказать, что ее **немногие прочтут в России**, а еще **менее поймут ее**»,— писал один из цензоров в отзыве на эту книгу.

27 марта (8 апреля) 1872 года первые экземпляры, вышедшие из печати, появились в книжном магазине А. А. Черкесова в Петербурге.

За полтора месяца — до 15 мая 1872 года — было продано 900 экземпляров — по тому времени цифра очень крупная.

Это убедительно показало несостоятельность прогнозов цензоров о недоступности «Капитала» для русского читателя.

Н. Ф. Даниельсон еще в марте 1872 года послал один экземпляр русского издания «Капитала» К. Марксу. В ответном письме от 28 мая 1872 года К. Маркс поблагодарил за книгу и отметил: «Перевод сделан **мастерски**».

Россия стала родиной первого перевода «Капитала» на иностранный язык. «Капитал» К. Маркса, это, по словам В. И. Ленина, «главное и основное сочинение, излагающее научный социализм», вскоре завоевал большую популярность среди прогрессивной русской интеллигенции. Это было возможно только в результате большой и самоотверженной работы, проделанной как Г. А. Лопатиным, первым переводчиком, так и его товарищами и друзьями: Н. Ф. Даниельсоном, Н. Н. Любавиным, Н. П. Поляковым, А. А. Черкесовым и другими.

Им принадлежит большая историческая заслуга в деле пропаганды марксизма в нашей стране.

О. САЙКИН

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

В 1933 году **в четвертом номере «Огонька» была напечатана фотография «Авиарейс на Памир открыт». Тогда это была своеобразная сенсация... Фотографию комментирует специальный корреспондент «Огонька» А. ГОЛИКОВ.**

Рейс в Хорог, столицу Горно-Бадахшанской автономной области, обычный, по расписанию. Наш самолет выруливает на старт, делает короткий разбег, круто набирает высоту и оказывается в царстве гор. Всюду, куда ни глянешь, к небу поднимаются остроконечные заснеженные вершины. Серебряные, сверкающие, освещенные солнцем, а в тени синие, почти фиолетовые. Вот и перевал Хабу-Работ. Его высота — почти три с половиной тысячи метров. Через перевал несется мощный воздушный поток, который всегда безжалостно треплет небольшие самолеты, но наш «ЯК-40» летит намного выше, и мы не испытываем никаких неудобств.

Начальник Таджикского управления гражданской авиации заслуженный пилот СССР Алексей Михайлович Лейбенко, которому я показал старую фотографию, рассказывал мне, что до того первого рейса в Хорог не было даже сносной автомобильной дороги. И не случайно писала тогда газета «Правда Востока»: «По горам, между ущельями темными... тридцать восемь — сорок суток по крутым тропинкам, с обрывами, со скалы на скалу через глубокие ущелья — по бревнам — обычно шел вьючный караван из Душанбе в Хорог... Каждую минуту путникам грозила смертельная опасность...» Когда же заносило перевалы снегом, то связь высокогорного края с внешним миром совершенно прекращалась.

Правительство приняло решительные меры, чтобы помочь населению Памира. В 1929 году в Хороге был построен аэродром.

Первое время самолеты летали в Хорог лишь в случае крайней необходимости. Но постепенно накапливался опыт, и едва приметная воздушная тропинка превращалась в дорогу — узкую, ухабистую, опасную, но все же проезжую. Между Душанбе и Хорогом открылось регулярное воздушное сообщение. Это сыграло огромную роль в подъеме экономики и культуры Горно-Бадахшанской автономной области. Население Памира стало своевременно получать газеты, журналы, почту, новые кинофильмы, срочную медицинскую помощь. И все-таки авиалиния Душанбе — Хорог справедливо считалась труднейшей в мире.

А сейчас в нашем комфортабельном лайнере пассажиры чувствуют себя так же хорошо, как в любом современном самолете во время самого обычного рейса.

Командир корабля Николай Иванович Пахомов, второй пилот Николай Андреевич Должиков и бортмеханик Валентин Иванович Шишов — опытные авиаторы. Они летали по этой трассе много раз.

— Знаем здесь каждую горушку, каждую более или менее приметную скалу, по ним и ориентируемся,— говорит Пахомов.— Горы искажают радиосигналы, и вести здесь самолет можно только визуально.

Хорошим ориентиром для летчиков служит пограничная с Афганистаном река Пяндж. Она течет по дну огромного извилистого ущелья, и мы летим над ним, повторяя все его капризные изгибы.

— Скоро Хорог? —спрашиваю я.

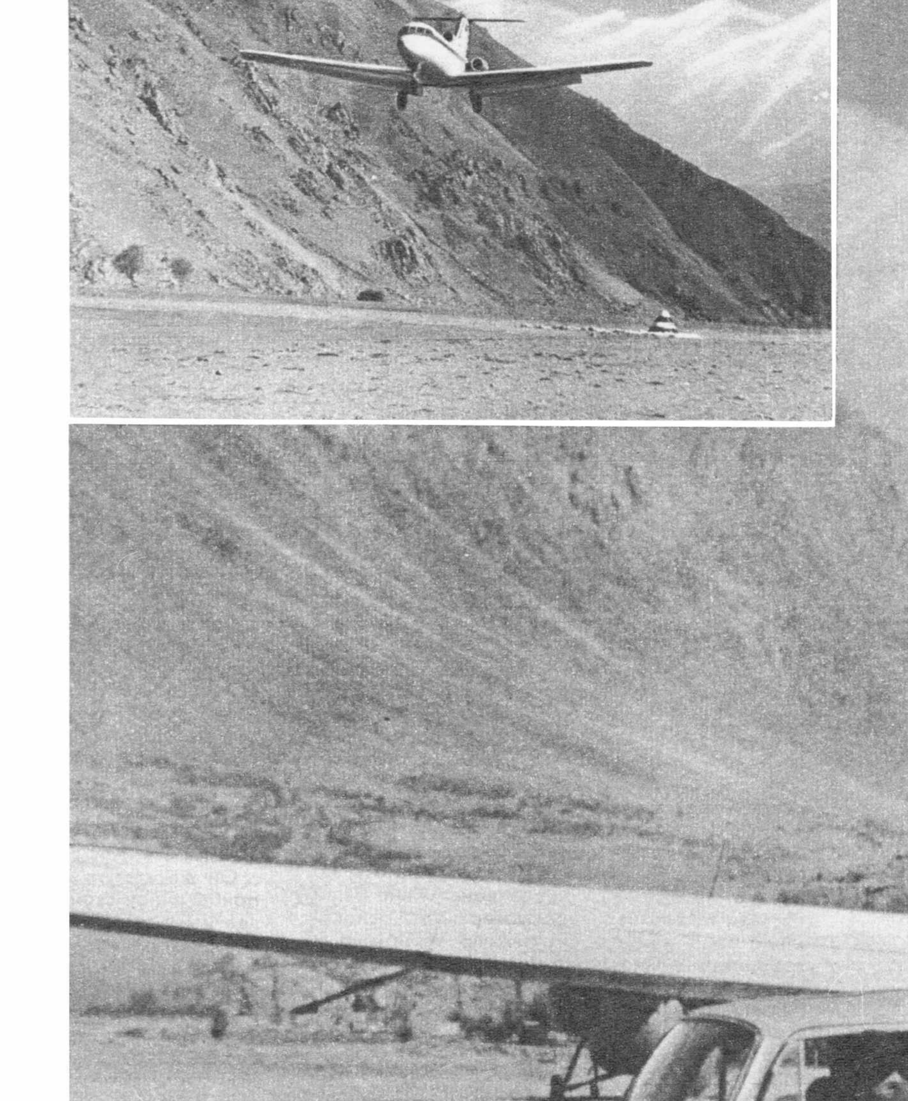
— Минут через семь,— отвечает командир.

— Так скоро? Впереди же одни только заснеженные горы...

Но летчик уже не отвечает, ему теперь не до разговоров: начался наиболее сложный этап полета. Наш самолет ныряет в ущелье. И оно вовсе не такое широкое, как представлялось. Скорее коридор. Правда, стены у него не ровные, а с острыми, похожими на гигантские клыки выступами. Эти каменные клыки торчат в непосредственной близости от самолета, особенно на разворотах— ущелье-то извилистое!

Теперь наш полет походит на какой-то фантастический слалом. «ЯК-40» идет со снижением. Он словно мчится с невидимой горы, делая развороты то влево, то вправо, чтобы не зацепиться за препятствия. И это на скорости 400 километров в час! Черная гранитная скала, кажется, прямо падает на нас. Она так близко, что ясно видны все ее изломы и впадины, припорошенные снегом. Но для пилотов это обычная работа. И если есть погода, то они дважды в день летают из Душанбе в Хорог.

...Наш «ЯК-40» огибает гору, и вот он, аэродром. Безошибочный расчет пилота, и самолет уже катится по посадочной полосе. Рейс завершен. Полет реактивного лайнера из Душанбе в Хорог длился 42 минуты.

В Хорогском аэропорту.

...Воздушная дорога на Памир — одна из сотен местных линий Аэрофлота. За годы Советской власти они густой сетью легли на карты союзных республик. Сейчас почти все крупные населенные пункты страны имеют воздушное сообщение с областными городами и столицами республик.

В 1971 ГОДУ ПО МЕСТНЫМ АВИАЛИНИЯМ АЭРОФЛОТА БЫЛО ПЕРЕВЕЗЕНО 27 МИЛЛИОНОВ ПАССАЖИРОВ И 120 ТЫСЯЧ ТОНН ПОЧТЫ!

Фото А. КОЗЛОВСКОГО.

РЫШЕЙ МИРА

Рахмат ФАЙЗИ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СЫН

Перевели с узбекского
Ольга МАРКОВА и Георгий МАРКОВ.

Махкам-ака наспех позавтракал и торопливо начал одеваться.

— Скоро придет Исмаилджан, поэтому тебе лучше остаться дома. Ты пока отшлифуй вчерашние кольца. И отдай ему все, что есть. А я пойду...— Махкам-ака топтался на месте, нерешительно поглядывая на жену.

— Ладно, идите, пока не поздно,— сказала Мехриниса, снимая шаль.

Кузнец вышел на улицу. Было холодно. Лучи солнца, освещая чистое небо, играли на верхушках деревьев, в окнах многоэтажных зданий. Грязь на немощеных тротуарах застыла плотными буграми, вода в колеях подернулась тонкой пленкой льда, и под ногами, издавая сухой треск, звенели льдинки.

Махкам-ака пожалел, что не оделся теплее. Колючий ветер щипал уши. Он потер их раздругой ладонями. Уши мерзли по-прежнему. В конце концов Махкам снял поясной платок, намотал его вокруг головы. Сразу стало теплее. Так он добрался до Тахтапуля, расположенного в другом конце города. Расспрашивая прохожих, нашел нужный детдом, подошел к нему и остановился у закрытых ворот, охваченный необычайным волнением. Размышляя о том, с чего начать разговор, Махкам-ака не двигался, медленно разматывая поясной платок на голове. Внезапно открылась половинка ворот, и появился старик, укутанный в чекмень. Махкам-ака поздоровался. Старик равнодушно ответил на приветствие и ни с того ни с сего начал ворчать:

— Правильно, оказывается, говорят: поручи ребенку работу, а сам беги следом. Уехали чуть свет...

Махкам-ака, не понимая, о чем речь, достал тыквянку и бросил под язык щепотку наса. Старик беспокойно посмотрел по сторонам и заговорил снова:

— Предупреждал я завхоза, не надейся, мол, на них, иди сам...

— Куда это, отец? — опять не понял Махкам-ака.

— Лишь бы привезли. Хорошо, если не прикатят пустую арбу...— Старик не обращал внимания на Махкама-ака.

— Зачем они поехали? — спросил кузнец, но и этот вопрос остался без ответа.

— ...Сейчас поднимут шум, прожужжат мне все уши, эти озорники, разве справишься с ними! — Старик возмущался все громче.

Махкам-ака никак не мог уразуметь, чем озабочен старик. Он хотел войти во двор, но не осмеливался сделать это без разрешения.

— Можно пройти? — Махкам-ака все же протянул руку к калитке. Старик обернулся, пристально поглядел на него и сказал:

— А тут как нарочно морозы, и зима, кажется, началась раньше обычного.

Махкам-ака не успел ничего ответить, потому что из ворот появился возбужденный мальчик и подбежал к старику. Старик наклонился.

— Там в печке зажгли бумагу, дым стоит столбом! — прокричал мальчик и кинулся обратно во двор.

— Что я говорил! — с отчаянием сказал старик Махкаму и вошел в ворота, размахивая полами широкого чекменя. Махкам-ака двинулся за ним, догадавшись, что старик туг на ухо.

В глубине двора стоял дом. В окнах Махкам-ака увидел детей, услышал их многоголосый гомон. Старик быстро вошел внутрь, распахнул окно в одной из комнат — и тотчас во двор повалил дым.

Кузнец огляделся вокруг, заметив справа дверь с надписью «Директор», открыл ее, вошел в комнату. Никого. И в большой комнате и в маленькой — с настежь открытой дверью, где вплотную друг к другу стояли столы,— тоже пусто. Махкам-ака повернул обратно, вышел на порог и увидел, что старик с криком торопится ему навстречу:

— Эй, кто вы такой? Как смели зайти без разрешения? Ну-ка, вернитесь назад! — Старик с грозным видом схватил Махкама-ака за руку и потянул его на улицу.

Как ни старался Махкам-ака что-то объяснить, старик ничего не слышал. Дети выбежали во двор, окружили его и тоже принялись дружно выгонять.

— Зачем вы пришли?! Почему вы открыли дверь кабинета? Может, вы шпион? Надо проверить! — раздавалось со всех сторон.

Попав в такое положение, Махкам-ака волей-неволей вынужден был ретироваться. Старик прикрикнул на детей, отправил их обратно в дом, а сам пошел следом за кузнецом. Тогда Махкам-ака остановился и, наклонившись к уху старика, терпеливо объяснил ему цель своего прихода.

— Э, так бы и сказали,— немного успокоился старик.— Все воспитательницы уехали на вокзал. Говорят, еще привезут детей. Тех, кто приехал раньше, разместили в детдоме на Самарканд-Дарбаза. Идите туда.

Махкам-ака огорчился. Опять неудача! Не попрощавшись со стариком, он снова двинулся в путь. Идя к трамвайной линии, кузнец восстанавливал в памяти все, что с ним только что приключилось. «Дети-то чуть было не приняли меня за вора, нет, за шпиона. Еще немного — и они поколотили бы меня. А старик волнуется, видно, не зря. Нет топлива. Дети дрожат от холода. К тому же, говорит, еще привезут детей. Куда? Сюда, что ли? Выходит, и сегодня прибудет эшелон. А если так каждый день? Где же их будут размещать?» — Махкам-ака размышлял об этом, и ему казалось, что весь город уже наводнен сиротами.

Когда он добрался до Самарканд-Дарбаза, было уже около полудня. Лишь после долгих расспросов ему удалось наконец найти детдом, о котором говорил глухой старик.

Посредине просторного двора стояло здание. Махкам-ака поспешно пересек двор, открыл дверь и вошел в дом. Длинный коридор привел в зал, наполненный людьми. В глубине зала, у стола, покрытого красным кумачом, произносила взволнованную речь высокая, стройная женщина в расстегнутом ватнике, надетом поверх платья, и в шерстяном платке, накинутом на плечи.

— ...Народ у нас великодушный, добрый. Приходят, звонят по телефону. Все говорят: возьмем под свое крыло, заменим им отцов, матерей. Вот и вы сами...

Махкам-ака постеснялся пробиться поближе к столу, тем более что женщину было слышно и отсюда. Он оглядел зал. На длинных скамейках, поставленных впритык друг к другу, тесными рядами сидели дети. Они были болезненно бледны, одеты по большей части в лохмотья, многие — в одежде взрослых. У некоторых ребятишек руки, ноги и даже головы перевязаны; лица тревожны, сумрачны. Лишь совсем маленькие беспечно улыбались. Вот девочка постарше безутешно плачет, отталкивает воспитательницу, которая старается успокоить ее... Плач, шумный говор время от времени прерывали речь женщины. Она на минуту замолкала, а потом начинала говорить еще громче:

— ...Принимая под свой кров украинского ребенка, малыша-молдаванина, русскую девочку, мы раскрываем объятия не чужим, а братьям, дорогим нашим друзьям и братьям.

— Истинная правда, сестрица,— громко сказал старик из зала.

— Правильно, правильно! — поддержали старика со всех сторон.

Махкам-ака внимательно слушал и рассматривал присутствующих: люди самые разные — глубокие старики, молодые женщины, старушки, пожилые мужчины. И вдруг он вспомнил про Исмаилджана. Возможно, Исмаилджан тоже здесь. Махкам-ака привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Вот одна женщина опустилась на корточки перед девочкой лет четырех. Женщина достала из кармана две сушеные урючины, протянула ей. У девочки засветились глаза, но она не брала гостинец, настороженно глядела на женщину. Женщина положила урюк в руку девочки, и только тогда малышка поднесла его ко рту. Старушка достала из кармана конфету и отдала мальчику. Мальчик взял конфету и здоровой рукой — другая была на перевязи — обнял старушку за шею. Глядя на это, Махкам-ака пожалел, что пришел с пустыми руками. «Ребенок есть ребенок... А я не сообразил. Не догадалась и Мехри...»

Вдруг кто-то прикоснулся к плечу Махкама-ака, он обернулся и увидел Ивана Тимофеевича. Махкам-ака поздоровался с ним за руку, как с давним знакомым. Он хотел расспросить его о житье-бытье, но Иван Тимофеевич, показав на цигарку, вставленную в мундштук, вышел из зала. Тем временем женщина в ватнике кончила свою речь, и тут же другая женщина, обнимая кудрявую светловолосую девочку, спросила:

— Кто записывает? С кем говорить? — Она охрипла, видимо, от волнения, и покашляла в кулак.

— Пожалуйста, сюда, документы будем оформлять здесь,— громко объявила женщина, произносившая речь. Махкам-ака подумал: «Директор детского дома». Так оно и было.

В зале поднялся шум. Все ринулись к детям. Взяв за руку мальчика или девочку, мужчины и женщины пытались побыстрее подойти к столу директора.

...Махкам-ака заметил, что хромая старушка направилась к плачущему веснушчатому мальчику. Приблизившись, она достала из

Глава из романа Рахмата Файзи «Его величество человек...». Полностью роман будет опубликован в №№ 4—7 журнала «Знамя» в 1972 году.

кармана леденцового петушка, но руку за конфетой протянула девочка, стоявшая рядом с мальчиком, и старушка заговорила с ней. Веснушчатый мальчик закрыл лицо руками и отвернулся к стене.

Махкам-ака не выдержал, подошел к мальчику, опустился на корточки и взял его за руку.

— Не плачь, сынок,— мягко сказал он и, развязав поясной платок, начал вытирать слезы мальчику.

— Я и не плачу,— пробормотал мальчик.

— Вот молодец! Мужчина не должен плакать... Как тебя зовут?

— Витя.— Мальчик взглянул на Махкама-ака.

— Молодец, Витя. Оказывается, ты хороший мальчик. Пойдешь к нам?

Витя молчал, не зная, что сказать.

— Пойдем, сынок. Если понравится, останешься, если не понравится, сам обратно приведу,— улыбнулся Вите Махкам-ака.

Грустное лицо мальчика чуть повеселело, но на Махкама-ака он смотрел еще как-то недоверчиво и теребил конец поясного платка, который остался у него в руке.

Махкам-ака ждал.

— Хорошо, пойдем,— сказал Витя тихо.

Около стола директора Махкам-ака встретил Ивана Тимофеевича. На руках у него была болезненная девочка лет четырех с перевязанной головкой.

— Поздравляю, Вахаб-ака.— Махкам поравнялся с ними.

— Спасибо, спасибо... Вот нашел внучку свою.

— Правда? Вот это да! — обрадовался Махкам-ака.

Иван Тимофеевич помрачнел и подмигнул кузнецу незаметно для девочки.

— Превосходно, превосходно.— Махкам-ака ласково погладил девочку по голове.

— Смотрите, и имя подходит ей — Оля. Вас тоже поздравляю.— Иван Тимофеевич дружески кивнул улыбающемуся мальчику.

— Спасибо. Скажи дяде, как тебя зовут, сынок.

— Витя,— гордо произнес мальчуган.

— Отличное имя! Ну, Витя, теперь приходите к нам с папой. Будете играть с Олечкой. Ладно?

— Скажи, сынок, спасибо, сами тоже, мол, приходите к нам,— шепнул Вите Махкам-ака.

Но Витя только улыбался в ответ.

Оформив документы, Махкам-ака и Иван Тимофеевич вместе с детьми вышли на улицу и распрощались на трамвайной остановке.

Мехриниса увлеклась работой и не заметила, как пролетело время. Внезапно из окна кузницы она увидела входящего в калитку мужа. За руку он держал мальчика. У Мехринисы гулко застучало сердце.

— Сына тебе привел, жена.— Махкам-ака подтолкнул Витю, как бы говоря: «Иди, поздоровайся».

— Здравствуйте,— сказал Витя, подойдя к Мехринисе.

— Издрасти, издрасти.— Мехриниса вдруг с трудом произнесла русское слово, потом взяла руки мальчика в свои.— Ой, ой, как лед! Ну, проходите, сейчас... И сандал[1] горячий. Проголодались, наверно?

— С утра я ничего в рот не брал. И Витя, наверное, тоже... Объездил весь город. Много, жена, видел я детей, а желающих усыновить их — еще больше.

Витя переводил удивленный взгляд с Мехринисы на Махкама-ака, говоривших на непонятном ему языке.

Мехриниса почти не слышала мужа. Она, словно во сне, копошилась в прихожей, развязывая мальчику ботинки.

Грубый шнурок был весь в узлах. У Мехринисы не хватило терпения развязать его до конца. Она взяла ножницы и перерезала шнурок в нескольких местах. Витя бережно подобрал обрывки, спросил Мехринису:

— А как же шнуровать теперь будем?

— Новым шнуром будешь шнуровать, сынок. Кажется, и ботинки тебе велики?

— Велики, да зато не рваные. Мои крепче, чем у всех.

— А у других были рваные? — Мехриниса старалась быть как можно внимательнее к Вите. «Бедняжечки, со всем-то свыклись»,— думала она, разглядывая большие, стоптанные башмаки.

— У Сережки совсем развалились в поезде. Подошва отстала. Я перевязал ему проволокой.— Витя развеселился и впервые улыбнулся.

— Вот и молодец! Всегда надо помогать товарищу.

— Какой он мне товарищ! Он из малышовского отряда. А только все равно зря старался,— снова погрустнел Витя.

— Почему? — Мехриниса не сводила с мальчика глаз.

— А потому, что остался Сережа под бомбой,— спокойно сказал Витя.

— Неужели умер? — воскликнула Мехриниса, всплеснув руками.

— Сгорел. Весь вагон сгорел.

Мехриниса почувствовала, что задыхается.

— Бомба упала на Сережин вагон... А здесь никогда не падали бомбы?

— Наш город от фронта далеко. Сюда фашисты не прилетят, не бойся.— Мехриниса хоть и успокаивала мальчика, но продолжала думать о том, что он рассказал, и на душе у нее было горько и страшно.

Махкам-ака сидел у сандала, прислонившись к подушке. И ему стало жутко от всего, что говорил Витя.

---

[1] Сандал — низкий квадратный столик, который ставится над углублением с горячими углями и сверху накрывается одеялом.

МОЯ СОСЕДКА НЕФТЕХИМИЯ

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

БАШКИРСКАЯ АССР

Нефть, ее переработка и химия причастны ко всем делам Башкирии. Они вошли во все ее дома, и тут поди разберись, они ли твои соседки, ты ли их сосед.

Начало башкирской нефти совпало с 10-летием СССР. И первые же ее шаги стали примером мощной силы содружества социалистических наций, советских республик. Первооткрывателями богатств недр башкирской земли были великий русский ученый И. М. Губкин и его ученик А. А. Блохин. В небольшом парке города Ишимбая есть обелиск-надгробие, под ним покоится прах русского инженера А. А. Блохина. А если ехать по улице его имени все дальше на юг, то приведет она к самой первой нефтяной вышке моей республики...

Опытные нефтяники из Баку и Грозного возглавили отряды пионеров нашей нефтяной промышленности, пионеров, которые в ту пору даже и не знали, а что это такое — нефть.

Прошли годы. Сколько своих земляков встречал я в Западной Сибири! Сколько наших посланцев раскрыли там свои таланты! И среди них лауреат Ленинской премии Анатолий Сторожев, мой одноклассник, выпускник 11-й уфимской школы.

Рамиль ХАКИМОВ

Я родился в одно лето — 1932 года — с башкирской нефтью. С самых розовых ногтей мои сверстники привыкли к словам «промысел», «вышка», «Второе Баку»... А скоро вместе с ними в черных кругах репродукторов зазвучало таинственное слово «крекинг»: рождалась башкирская нефтепереработка. А уж из нее выросла башкирская нефтехимия.

Моя Уфа лежит на скрещении четырех древних дорог. Копытили их монгольская конница и Салаватова рать, плелись по ним каторжане и переселенцы с запада. И вот на тех дорогах, что уходят от Уфы на север и на юг, слагаясь в главную меридиональную артерию Башкирии, один за другим стали вырастать предприятия нефтепереработки, нефтехимии и просто химии.

И не будет преувеличением, если я скажу, что в создании юной нефтяной промышленности Башкирии приняла участие вся страна. Как только возле Ишимбая была открыта нефть, бакинская рабочая газета «Вышка» взяла шефство над башкирскими нефтеразведками; Верхне-Сергинский завод стал поставлять ценный режущий инструмент. Срочно отгружались машины: из Москвы — грузовики, из Челябинска — «катерпиллеры», из Харькова — тракторы. Московский нефтяной институт готовил проект Ишимбайского нефтепромысла... А позже, когда строящемуся Уфимскому крекинг-заводу понадобилось рабочее пополнение, из Москвы прибыл сюда дружный, слаженный коллектив метростроевцев.

Крекинг-завод вырос в двадцати километрах на север от Уфы — за лугами, за лесами, за деревнями. Нам, мальчишкам, представлялось — на краю света.

Теперь «край света» оказался в середине города. И повинны в этой географической путанице предприятия Большой нефтехимии и нефтепереработки вкупе с моторостроительным заводом, который строился в одно время с крекинг-заводом, а теперь хорошо известен стране хотя бы своими моторами к «Москвичу-412». Возле этих гигантских предприятий выросли жилые массивы. Некоторое время они существовали сами по себе, а в один прекрасный день стали районами Уфы. Столица Башкирии вмиг выросла вдвое и с ходу стала называться городом Большой нефтехимии.

Бывшая северная окраина Уфы оказалась несколько южнее нового городского центра. Городской аэропорт очутился в самой середине города. Возвращаясь из командировок, я порой спускался на самолете метрах в двухстах от тещиного дома, и мне, чтобы добраться до него, оставалось всего лишь улицу перейти.

Несколько месяцев назад состоялось двадцатилетие моего школьного выпуска. А сама наша школа недавно отметила свое 140-летие. Среди ее питомцев известные в стране академики и военачальники. Учились в ней знаменитые революционеры — соратники и близкие знакомые В. И. Ленина. Какие только ремесла и науки не разбирали выпускников нашей школы! Но вот, начиная с нашего выпуска, главным распределителем стала нефть. Половина выпуска пошла в нефтяной институт и теперь служит нефти, ее переработке и ее химии на промыслах, заводах, институтах страны.

Первое интервью для этого очерка я взял у первого заместителя начальника объединения «Башнефтехимзаводы» Дмитрия Кондакова. Он из нашего школьного выпуска. Перебрал после института чуть не все должности на заводе, затем перешел в объединение. Уже семь лет он на своей ответственной должности, был делегатом XXIV съезда КПСС.

— Среди родственных объединений наше самое крупное в стране. По переработке нефти мы еще долго будем на первом месте. А по нефтехимии, хотя у нас есть могущественные соперники, мы тоже остаемся одним из самых важных центров страны. У нас крупнейшее производство всей гаммы синтетических спиртов. Видное место мы занимаем и по синтетическому каучуку. Мы дали начало Большому полиэтилену и до сих пор выпускаем его больше всех. Мы затеяли производство карбамида по наиболее прогрессивной схеме, занимаем ведущее место по производству минеральных удобрений и средств защиты растений.

Было время, когда Башкирия славилась в основном медом, кумысом да пенькой. Тут тебе и вся химия и чуть не вся промышленность.

Да, очень кстати вспомнил Дмитрий «промышленное» прошлое Башкирии. До революции башкиры не имели своей письменности, не было у них и своего словаря. А нынче что ни год в башкирский язык на равных правах со старинными входят новые слова: «карбамид», «каучук», «гербициды». Это не просто слова — это коронная продукция республики.

Вслед за городами и поселками, обязанными своим рождением нефтедобыче, появились города и городские районы, вызванные к жизни нефтехимией. Теперь уже несколько поколений в Башкирии связало свою жизнь с этими ведущими отраслями промышленности. И можно найти людей, которые о себе скажут:

— А у меня вся династия нефтяная: дед еще работал на Ишимбайских промыслах.

Я в некоторой растерянности слушал рассказ Дмитрия о достижениях наших рабочих, инженеров и ученых, о башкирском варианте щекинского эксперимента, охватывающем не отдельные предприятия, а огромное объединение, о гигантских заводах, не имеющих себе равных в Европе... За какую нить ухватиться в этом обилии информации о моей давней соседке нефтехимии?

Начал я с крекинг-завода, который ныне именуется ордена Ленина Уфимским нефтеперерабатывающим заводом. По его цехам меня повел главный технолог завода Ефим Бугай, кстати, тоже из нашего школьного выпуска.

Бурильщик Нефтекамского ордена Трудового Красного Знамени управления буровых работ Киям Кашапов носит почетное звание заслуженного нефтяника республики.

Степь да степь...

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

На развороте вкладки:

Длинна цепь чудесных превращений, на одном конце которой стоят нефть и газ, а на другом — карбамид, глицерин, каучук, полиэтилен и десятки ценнейших продуктов переработки. Справа — установки Салаватского нефтехимического комбината. На снимке внизу: «кухня» Стерлитамакского завода синтетического каучука. Наступает вечер, и молодежь устремляется в свои дворцы. Салаватские нефтехимики, участники ансамбля «Агидель» (верхний снимок), исполняют башкирский танец.

(Еще одно «кстати»: фотографии к этому очерку сделаны опять же выпускником нашей 11-й уфимской школы.)

— Сейчас наша «керосинка» — самая меньшая среди родственных предприятий,— сказал Ефим.— Но заслуги у нее огромные! Стоит только вспомнить войну...

Недаром завод поднялся там, где, штурмуя Уфу, чапаевцы переправились через Белую: во время Отечественной войны он показал истинно чапаевский характер, снабжая горючим моторы новой «конницы».

Площадь бывшего крекинг-завода соотносится с площадью нынешнего завода, как штрафная площадка футбольного поля со всем полем.

А если сравнить ее с площадью всего нефтехимического царства Башкирии сейчас, то ту же штрафную площадку придется сравнивать со всей гигантской чашей Лужников.

С нефтехимией Башкирии нынче не разминуться не только на ее главной улице, но и во всех переулках. Огромные участки земли — она. Новые кварталы и новые города — она же. Цистерны и вагоны, пароходы и самолеты, тысячи тысяч ревущих моторов и тысячи километров молчаливых подземных труб — тоже она. Но она не только вокруг нас — она в нас, она — это мы. Друзья и родственники, десятки знакомых и тысячи незнакомых земляков. Газета, радио, телевидение, литература, «которая и тут, конечно, отстает от жизни», обрывки разговоров, вывески...

Машинистка, которой я диктую эту статью, не без вызова заявляет, что она-де не так давно живет в Башкирии, не работает на предприятии нефтехимии, а потому и не зависит от нее. Я слушаю стук ее машинки, отбивающей «нефтехимические» слова, смотрю на ее блузку, на ее туфли... Да она просто не знает, что с ног до головы одета нефтехимией! Не знает, что нефтехимия десятками мелочей проникает в ее жизнь каждый день. И уж, несомненно, нефтехимия во всех наших планах, мечтах, в наших душах!

В Башкирии химия нефти развивается самым естественным образом. Здесь налажен тот ее круговорот, который являет собою выражение единства, целостности организма.

Нефтехимия сама вошла в круговорот природы, жизни, нашего существования. И хотя она возникла как противостояние природе, как «вторая» природа, она стала частью и восполнителем естества. Эта мысль не может не прийти на Уфимском заводе синтезспирта.

— Конечно, хорошо бы всем носить костюмы из шерсти, но овец на это не хватает уже сейчас,— усугубляет мою мысль директор завода Александр Борисов.— И не набрать столько зерна и картофеля, чтобы мы смогли получить необходимое стране количество спирта. Нам не хватает миллионов тонн белков, и то, что не в состоянии дать земля, мы должны дополучить сами. Но мы еще производим и такое, до чего природа «не дошла».

Не первый раз я беседую с Александром Михайловичем, и каждый раз вместо предполагаемого разговора о промышленности заходит речь о хлебе, об урожаях.

И действительно, посмотришь на работу химиков и вновь подумаешь о том, что в своей первооснове это хлеборобы. Их карбамид — мощная подкормка земли, основа хороших урожаев, их гербициды — надежное средство защиты полей от сорняков, их пленка выстилает русла ирригационных сооружений, служит надежной «крышей» для обмолоченного зерна, идет и на кабели и на мешки. Я уж не говорю о том, что без горючего жизнь на колхозных и совхозных полях просто остановилась бы.

— Мы вынуждаем природу, создавая специальные условия, превращать одно вещество в другое. В натуре она этого не хочет и не может, и она противоборствует, изворачивается, стремится увильнуть, а мы все же заставляем ее делать то, что нужно нам.

Начальник цеха Большого полиэтилена Олег Рукавишников говорил о том, что высокий уровень технологии требует высокого уровня общей культуры. Мы направились с ним к толстенной двери, вошли в тесную камеру, и тут он провел ладонью по стене реактора, сказал:

— Ну вот, вы хотели подрожать — дрожите!

За стальной стеной под давлением чуть ли не в полторы тысячи атмосфер происходил процесс образования полиэтилена — из газа, из этого «ничего».

— Если просверлить дырку, так, пожалуй, ладошкой не прикроешь? — поинтересовался я.— Наверно, пробьет?..

— Давление примерно такое, как в начале орудийного ствола во время выстрела. А если образуется дырочка, как вы изволили выразиться, то нас с вами уже не будет.

— Здесь?

— Вообще... От нас требуется огромное зрительное (чтобы уследить за малейшим отклонением приборов от нормы) и моральное напряжение. Мы с этим справляемся. Здесь необходима высочайшая коллективная спаянность, мы все «завязаны» ответственностью.

Старший аппаратчик Георгий Михахос добавил:

— Всегда чувствуешь всю систему. Стоит недоглядеть одному — и могут быть большие неприятности...

Георгий Михахос — грек. Привез отец свою большую семью в Башкирию с далекого юга, и стала нефтехимия ее судьбой.

Поинтересовался я, что привело в нефтехимию самого Георгия, и он вспомнил о своей школьной учительнице Факии Маликовне Салиховой. Придя домой, я разыскал журнал, в котором десять лет назад опубликовал очерк об этой знаменитой учительнице. Она сумела привить любовь к химии очень многим из своих учеников. Оказывается, написал я в то время и о самом Георгии. И вот завершение этой маленькой жизненной новеллы: член школьного клуба «Юный химик» стал передовым работником нефтехимической промышленности, награжден за успехи в пятилетке орденом.

Может быть, еще более выразительно сказалось влияние химической промышленности на втором по величине городе Башкирии — Стерлитамаке. Рядом со старыми районами города, с его слободками Тайвань, Левашовка, Нахаловка вырос, по существу, новый город — с широкими проспектами, с многоэтажными домами, великолепными дворцами культуры. С размахом пяти уфимских гигантов здесь соперничает мощь трех гигантов химии, один другого грандиознее. Им и обязан Стерлитамак своим возрождением.

Двадцать лет назад началось строительство одного из гигантов — завода СК. Его директор Николай Еременко говорил об особенностях своего завода. Завод работает над освоением новых видов каучука.

— Не было бы химии, не было бы и Стерлитамака,— сказал Николай Яковлевич.— Надобность в каучуке огромная, и мы вместе с коллегами из Тольятти и Воронежа будем давать львиную долю этой продукции, столь необходимой для промышленности.

На заводе вырос огромный коллектив химиков. Я познакомился с братьями Рифом и Раисом Абубакировыми. Отец их Салих-агай — тоже химик, работает аппаратчиком. А сыновья — начальники цехов.

Семья приехала в Стерлитамак из района во время войны. Стали жить в поселке, состоящем из шести бараков и землянок. На месте содово-цементного комбината пасли коров, а там, где теперь стоит их родной завод, растили просо, подсолнух, картофель.

Начали братья рабочими, поступили на заочное отделение института, выросли в командиров производства. Было время, ездили в другие города набираться ума да опыта. А теперь приходится ездить в новые места для того, чтобы помогать пускать новые нефтехимические производства. Раису тридцать шесть лет, он заканчивает институт. А Риф, он на два года моложе, учится — заочно же — в аспирантуре.

Цех Рифа Абубакирова долгое время был «узким местом» завода. От Рифа и его товарищей требовалось постоянное огромное напряжение. Они с честью справились со своей труднейшей задачей.

Помнится, Александр Михайлович сказал, что с химией нельзя фамильярничать. Да и без фамильярничания на нефтехимических предприятиях нет-нет да возникают аварийные ситуации. Во время одной из них вспыхнул газ в цехе. В общем-то, все могло обойтись благополучно, если бы Рифу не пришлось спасать растерявшуюся женщину. Он сильно обгорел.

И вот я разговариваю с ним — с умницей, отличным, широкообразованным инженером. Нет-нет да поглядываю на его обожженные руки. Да, с химией нельзя быть запанибрата, с ее огромными температурами и давлениями надо быть всегда настороже.

Город Салават обязан нефтехимии целиком, всем своим существованием. Этот любимец народа вырос в голой степи. Он не знает, что такое обычная городская окраина, где, как говорится, и труба пониже и дым пожиже. С какой стороны ни подойдете к нему, вас встречают многоэтажные дома-красавцы, и прямо из степи вы попадаете на широкие, нарядные проспекты и бульвары, красивые, потонувшие в зелени улицы.

На нефтехимическом комбинате я познакомился с двумя друзьями — Сабитом Халиковым и Гали Сакаевым. Оба они из деревни, работают старшими аппаратчиками, отличные мастера своего дела.

Сабит Хакимович экстерном сдал за три класса средней школы, заочно окончил индустриальный техникум, он секретарь парторганизации цеха.

— Жизнь не стоит на месте, прогресс — он и есть прогресс, понимаете? И надо всегда оттачивать свое мастерство и быть в курсе всех новинок. Уж если ты в партии, так не будь там лишь для счета! Надо всегда быть на уровне.

Его младший товарищ Гали три года назад вступал в партию, и тогда Халиков дал ему рекомендацию. Сейчас оба учатся в вечернем университете. Вот таких людей воспитывает нефтехимия. Вот такие люди двигают ее дальше.

Директор завода Михаил Сисин опять напомнил мне о моем уфимском детстве: оказалось, что мы учились в одной школе. Он лишь кратко охарактеризовал восемь заводов, входящих в состав комбината, а что за размах обнаружился!

На пленумах обкома партии мне часто приходилось слушать толковые, интереснейшие выступления секретаря парткома комбината Михаила Шадзевского. И каждый раз он много места уделял воспитанию кадров. И в этот раз он сел на любимого конька:

— В ходе строительства окреп наш коллектив, и мы, члены парткома, задались целью образовать всю нашу инженерию и техников из числа своих работников. И мы этого добились. Теперь по инициативе парткома создана группа, человек в тридцать, будущих ученых. Около десятка наших инженеров уже стали кандидатами наук. Как правило, они остаются работать на комбинате. В филиале нефтяного института ежегодно учатся четыреста наших работников, а кроме того, сотни рабочих занимаются в школе и техникуме.

Открытая русскими учеными Большая нефть, созданная усилиями братских советских народов Большая нефтехимия Башкирии стали не только делом № 1 всей республики, но и ее новой, счастливой судьбой. Они дали башкирскому народу новые города и поселки, вызвали к жизни армию рабочих и инженеров, большой отряд ученых, связали республику на достойных началах со всеми районами страны и с десятками стран мира. Они являются основой не только благосостояния, но и духовного роста народа.

Раньше здесь была деревня Тужиловка — сейчас одна из новостроек Уфы.

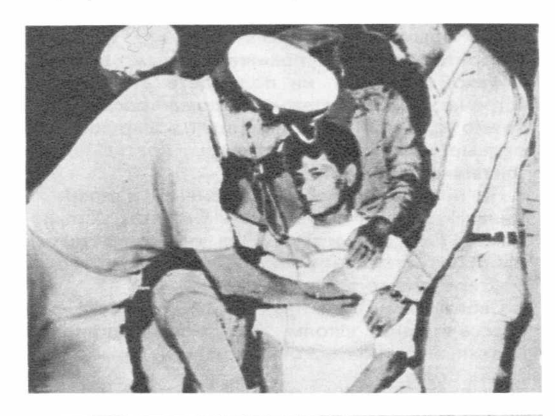
У будущих химиков, учащихся техучилища № 48 города Стерлитамака, пора экзаменов.

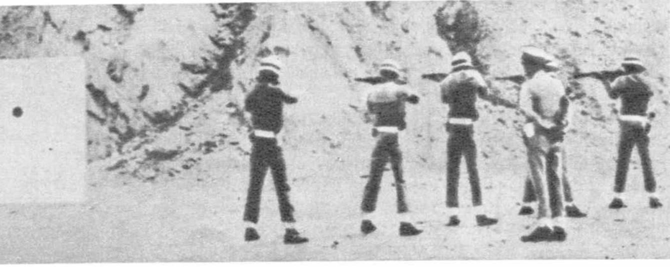
В бассейне «Нефтяник» нефтеперерабатывающего завода имени XXII съезда КПСС.

Во дворце культуры Стерлитамакского химического завода.

На этом фото вы видите популярную шведскую писательницу Астрид Линдгрен, автора известных книг для детей «Пеппи Длинныйчулок», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». В этом году в советском издательстве «Детская литература» вышла новая повесть писательницы, а в начале следующего появится продолжение истории о Малыше и Карлсоне.

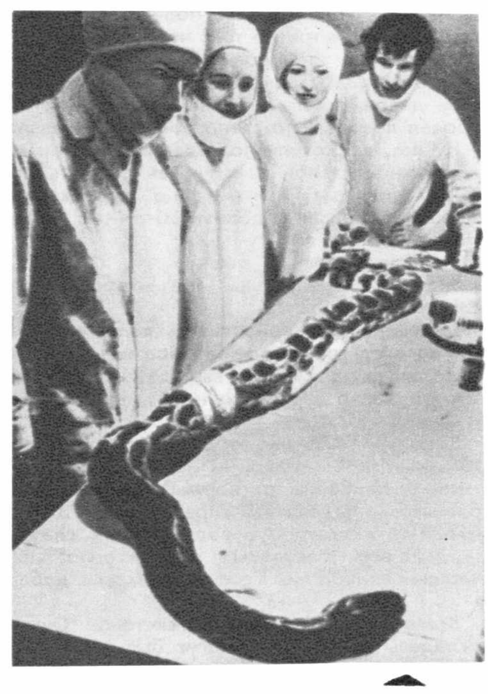

Теп Кьюнакао, таиландский патриот, приговорен к расстрелу. Его рукой был совершен акт справедливого возмездия, покаравший представителя военщины США, которая втянула Таиланд в русло политики агрессии и войны в Индокитае. Чудовищной по своей изощренности и жестокости была казнь. Его поместили за ширму, на которой кружком отмечено местонахождение сердца патриота. Теп Кьюнакао погиб как герой.

Фото ТАСС, ЮПИ и из журнала «Уикэнд».

Недавно группа венских ветеринарных врачей успешно оперировала содержащегося в террариуме гигантского тигрового питона, у которого был обнаружен рак легких. Интересно, что редкому пациенту работники ветеринарного института не смогли поставить диагноз. Причина недомогания питона была установлена Рихардом Холи, специалистом по сбору змеиного яда, с помощью рентгеновского снимка.

Они друзья. Миссис Кэтлин Ларкман из Лондона и морская чайка, которую пожилая англичанка ласково называет по имени Питер. За долгое время их знакомства миссис Ларкман хорошо изучила вкусы своего друга. Вот и сегодня она принесла ему его любимое кушанье — кусочек сыра. Питер бесстрашно берет из ее рта угощение.

Это не кладбище отслужившей техники. На переднем плане покореженные и сожженные остовы легковых автомобилей и грузовиков, потерпевших катастрофу на шоссе, ведущем из английского города Риджмонта. Причина катастрофы: небывало густой туман.

«ЧЕРНО С ЧУМИ

Карэн ХАЧАТУРОВ

Как и всякая страна, Испания начинает свой день с газетных новостей, которые прочитываются на скорую руку. Но одна из страниц довольно популярной газеты «Мадрид» привлекает особое внимание испанцев. Каждый день на третьей полосе появляются остроумные и злободневные карикатуры за подписью Чуми Чумеса.

Когда я приезжал в Мадрид, имя этого человека для меня уже не было новым, а в Испании оно пользуется особой популярностью.

Мадридское издательство «XXI век Испании» выпустило альбом с опубликованными рисунками испанского карикатуриста Чуми Чумеса. Три тысячи экземпляров альбома со 119 рисунками были раскуплены в несколько дней, и альбом уже стал библиографической редкостью. Что же собой представляет талант Чуми Чумеса? Полистаем страницы альбома.

...Крупная испанская буржуазия благоговеет перед «североамериканскими стандартами». Свое презрительное отношение к апологетам «американского образа жизни» Чуми Чумес выразил такой карикатурой: «Утешитель» напутствует неизлечимо больного: «Мужайтесь, дон Хосе! Если вы протянете еще несколько месяцев, то превысите половину продолжительности жизни в Соединенных Штатах!»

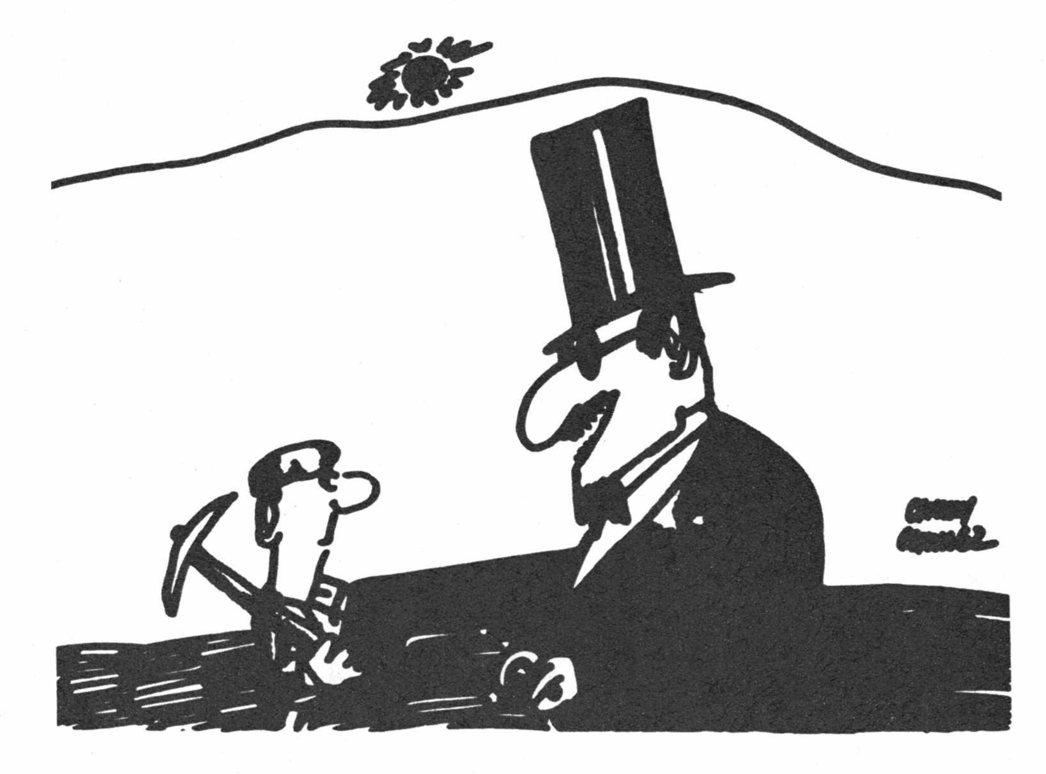
В серии «Наверху, посредине, внизу» Чуми Чумес бичует низкопоклонство, свойственное испанской чиновничьей иерархии. «Несчастный! — сокрушаются подчиненные по адресу своего шефа.— Его политическая карьера кончилась: с тех пор, как заболел радикулитом, он не может сгибаться».

Социальная острота карикатур Чуми Чумеса ярко отражена в серии «Дух, тело, скелет».

Лицемерие господствующих классов, их стремление надеть смирительную рубаху на испанский народ разоблачают карикатуры: «Слова, слова, слова...» Представитель власти лапидарно провозглашает с трибуны кредо режима: «Права человека — их три: видеть, слушать и молчать».

В наиболее обнаженной форме критика существующего в Испании режима, разоблачение классового антагонизма, осуждение капиталистической системы угнетения человека человеком отражены в серии карикатур «Структура общества, труд, экономика». Буржуазия внушает трудящимся, что создание акционерных обществ и предприятий означает «социальную гармонию». Эту ложь Чуми Чумес высмеивает такой карикатурой. Один рабочий хвалится перед другим: «Моя собственность не такая личная, потому что мой хозяин — акционерное общество». А вся собственность обманутого пролетария состоит из кирки или

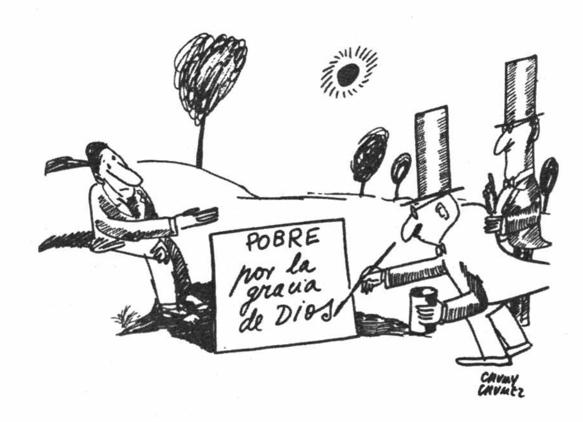
Е... ОЛНЦЕ» ЧУМЕСА

— Если копнуть поглубже, то мы все металлурги. Между нами единственная разница состоит лишь в том, что на мою долю выпало золото.

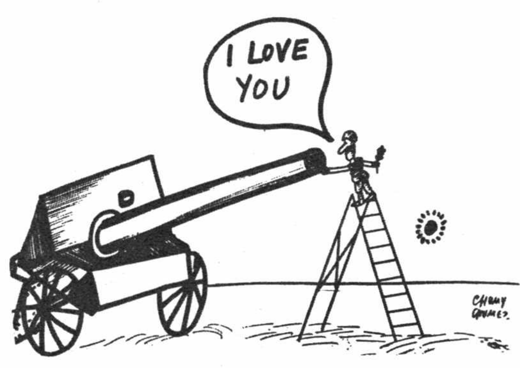
гаечного ключа. Что касается испанских крестьян, то они требуют: «Земля тем, кто ее обрабатывает!» Но, как доказывает Чуми Чумес, эту землю крестьянин может получить только на кладбище.

Анонимные персонажи карикатур Чуми Чумеса известны каждому испанцу. Мишень ра-

«Бедняк милостью божьей».

— Какой вы добрый, дон Хосе, и как хорошо вы можете утешить страждущего!

«Я люблю вас».

— Я люблю мою родину превыше всех.

зящих стрел карикатуриста — капиталистическая система, чиновничья и церковная иерархия современной Испании. Раздел «Доллар, USA, Вьетнам» предельно конкретен. Автор гневно клеймит засилье империализма США в Испании, варварскую войну американских агрессоров против вьетнамского народа. Подавляющее большинство антиамериканских карикатур не сопровождается пояснительными надписями: они предельно понятны без авторских комментариев.

Сам Чуми Чумес сделал выбор — он как подлинный боец каждодневно сражается с врагами своего народа за его честь и достоинство. Аргентинский буржуазный журнал «Перископио» статью, посвященную Чуми Чумесу, назвал «Лучи черного солнца». Почти на всех карикатурах Чуми Чумеса его фактической второй подписью стало крохотное изображение солнца черного цвета.

В современной испанской журналистике карикатуры Чуми Чумеса — своего рода «луч солнца в темном царстве». Но солнце черного цвета, потому что его лучи не ласкают, а клеймят: такова окружающая Чуми Чумеса действительность, и таков высокий гражданский долг художника, мера его ответственности перед своим народом. В своей книге «Юмор контрабандой» Чуми Чумес пишет: «Смеяться над действительностью — это ли не превосходная форма мести?»

Ярким, самобытным творчеством Чуми Чумес мстит тем, кто духовно искалечил его поколение (художнику не было и десяти лет, когда в Испании начался фашистский мятеж), кто до самого последнего времени держал под спудом его талант. В Испании лишь несколько лет назад была формально отменена цензура, но вся ответственность за «нежелательные» публикации легла на плечи редакторов газет и журналов, а это сделало их еще более осторожными. Газету «Мадрид», в которой сотрудничает Чуми Чумес, не раз подвергали репрессиям вплоть до временного прекращения издания.

Большую часть времени Чуми Чумес проводит в Малаге и лишь наездами бывает в Мадриде, но аккуратно каждый день присылает свои карикатуры, иногда несколько, дабы у редактора была возможность выбора. В редакции газеты «Мадрид» мне посчастливилось познакомиться с Чуми Чумесом. А потом несколько молодых художников во главе с заместителем главного редактора газеты Мигелем Анхелом Гонсало пригласили меня пообедать в маленький ресторан, где они совершают свою ежедневную трапезу. Чуми Чумес застенчив от природы, он умеет внимательно слушать, но не любит рассказывать о себе. Этот досадный в данной ситуации пробел восполнили его друзья.

Чуми Чумес — псевдоним Хосе Мариа Гонсалеса Кастильо. От отца, кастильца, он унаследовал внутреннюю сдержанность, от матери, баски, — независимость и свободолюбие. Специальность Чуми Чумеса прозаическая — торговый учет. А по призванию он художник, писатель, драматург, киносценарист. Он любит музыку, мастерит люстры, мебель, понимает толк в кулинарном искусстве, коллекционирует старинные граммофоны. Но при всем многообразии интересов Чуми Чумес прежде всего мастер острой политической карикатуры.

— Наш друг — один из самых крупных карикатуристов Испании,— говорит Мигель Анхел Гонсало.— У него выраженный социальный талант, а его единственная муза — люди... Чуми Чумес превратил рисунок в самую краткую и острую передовую статью. Его рисунки — это документ, помогающий понять некоторые вещи, которые происходят в нашей стране...

P. S. О публикации карикатур Чуми Чумеса в газете «Мадрид» сегодня можно говорить лишь в прошлом времени: недавно газета была закрыта испанскими властями.

ПИСЬМА С КОЛОМЕНСКОГО ТЕПЛОВОЗОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА ИМЕНИ В. В. КУЙБЫШЕВА

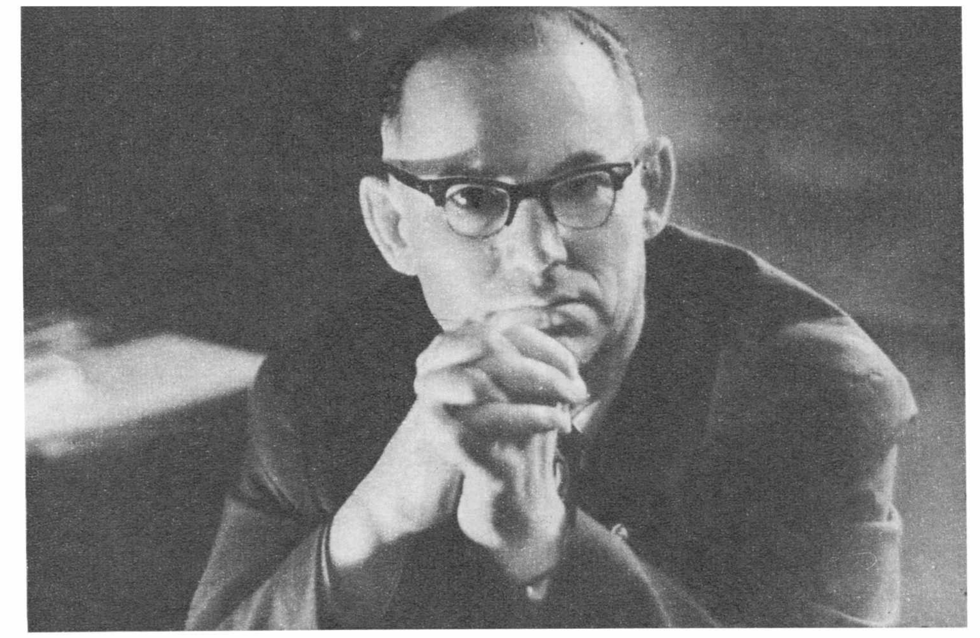

Фото Э. Эттингера.

НАЧАЛЬНИК ЦЕХА

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**

Разговаривал он со мной таким образом, будто не я о нем, а он обо мне собирается писать: «Скажите, пожалуйста, а не бывает у вас так, что вы не можете долго уснуть, продолжая думать о людях, с которыми встретились, или просыпаетесь среди ночи с мыслью о них? Еще темно, мертвая тишина, а вы лежите с открытыми глазами, сопоставляете, анализируете?» Или: «А чем вы занимаетесь, кроме журналистики, чем интересуетесь?» И ощущение того, что я сама в поле его изучения, не пропадало, а усиливалось. А потом я поняла, что это у Бориса Васильевича Анохина, начальника цеха, «воспитателя» — как мне охарактеризовали его в парткоме завода — и «пропагандиста», почти профессиональная привычка. Свою должность он непременно рассматривает с воспитательной точки зрения, оценивает достоинства администратора по умению работать с людьми. Порой он меня останавливал: «Ну, этого вам, кажется, и вовсе не следует касаться». И приводил другой, очень интересный эпизод из своей практики, но когда дело доходило до фамилии, до конкретного, наотрез отказывался называть и людей и подробности.

— Зачем? Был такой случай у нас, когда я еще работал старшим мастером. Собрались мы, я уж не помню, по какому поводу, в ресторане, не то праздник был, не то чей-то юбилей. И, как это часто бывает в мужской компании, заспорили. Соседом моим по столу был один слесарь, большой, сильный, с некрасивым лицом. Он все не соглашался. И тогда мастер, тоже не буду его называть, исчерпав, видимо, все свои доводы, не нашел ничего умного, дубовая башка, как взять и ляпнуть: «Тоже мне адвокат с номером. Забыл, что сидел?» Нет, никогда не изгладится из моей памяти выражение нечеловеческой муки, исказившей лицо слесаря. Он закрылся руками, втянул голову в плечи и разрыдался. За столом стало вдруг совсем тихо, как-то всем неловко, не по себе, будто мастер совершил что-то самое бесстыдное на глазах у всех. Сосед мой действительно отбывал заключение. Но с тех пор прошло много лет, он хорошо проявил себя на работе, женился, дети росли, и никто никогда ему ни словом не напоминал о прошлом. Даже у самого грубого внешне человека может оказаться очень нежная, беззащитная душа, и ее легко бестактностью, вот так по-первобытному — дубиной по голове — ранить или даже совсем погубить.

Анохин подошел к окну, распахнул форточку. С внутризаводской улицы ворвался в комнату оглушительный весенний птичий гомон. Вязы, тополя, каштаны, липы — все деревья в галочьих гнездах, будто в старинном тихом парке.

— Когда-то эти деревья мы, рабочие, сажали. Тополь просто растет: прикопал, полил — и больше ничего. Человека надо растить всю жизнь. Вот спрашиваете вы фамилии. Есть в нашем цехе немало примеров с отдаленными, как вы говорите, благоприятными результатами перевоспитания. Была у нас одно время группа бузотеров с амбицией и разгильдяев. Чуть что, друг за дружку горой. Им слово — они два, перебивают, нахально себя вели. Нет, не стану я вам их перечислять. Оступились было люди, но многое поняли, исправились, и незачем сейчас ворошить старое. Вряд ли кому из них это будет приятно. Встретишься, подойдут, поздороваются за руку. Поговорим о жизни — и он рад, и я рад. Чувствую, не подведут эти люди. Такие отношения — без умильных слов, честные, доверительные — дороги ему, а для меня это вроде благодарность, и я не имею права ее делиться.

Анохин сел напротив, подпер щеку рукой, почесал переносицу над очками.

— Впрочем, могу вам одного человека назвать. Он на меня в обиде не будет. Это дело давнее. И с приятным концом.

...Потом мне рассказывали об этой истории и другие люди. Лет десять назад Анохин руководил четвертым пролетом в цехе М-2—лучшим в многотысячном заводском коллективе пролетом. Тепловозостроители готовились к своему юбилею — столетию со дня пуска завода. Уже отбирались кандидаты на высокие правительственные награды. К ордену должны были представить и Николая Булатова, первоклассного токаря. Вероятно, стал бы он тогда орденоносцем, если бы не одно происшествие.

Незадолго до знаменательной даты Булатов пришел к начальнику пролета защищать своего товарища, совершившего прогул. Анохин заметил ему, что он зря выгораживает пьяницу, что таких людей надо воспитывать наказанием, что своего решения он не изменит. Булатов вспылил, раскипятился, потерял способность следить за выражениями. Наговорив лишнего, он так в сердцах хлопнул дверью, что повылетали стекла. Партгрупорг Добриков, сидевший за столом напротив Анохина, покрылся испариной, расстегнул ворот рубахи: «Ну и ну». Прибежал с участка профгрупорг Гусев — думал, помощь нужна...

Так Булатов сам себе все и испортил.

По природе своей человек добрый и мягкий, Анохин долго потом все еще раздумывал, не слишком ли круто они обошлись тогда с Булатовым.

Прошло какое-то время. Борис Васильевич работал уже в горкоме партии, но четвертый пролет и цех № 2 не забыли его. Рабочие любили Анохина. И зная, что он тоже не может жить без производства: один раз уже уходил, но не выдержал, попросился назад,— написали коллективное письмо с просьбой его вернуть. Так потом и случилось, только дирекция завода направила Бориса Васильевича в другой цех — М-4. Каковы же были удивление и радость Анохина, когда он узнал, что то письмо подписывал и Булатов. Значит, не таил он на него злобы!

Как-то, повстречавшись на улице, они не могли расстаться целый вечер. Вспоминали товарищей и друзей и те горячие, уже ушедшие дни. Под конец Анохин не выдержал, спросил: «Николай Николаевич, ты мне вот что скажи: как теперь смотришь на ту историю?» «Ты справедливо поступил, Борис Васильевич,— не отводя взгляда, честно признался Булатов.— Виноват был я, такое нельзя спускать».

Анохин был щедро вознагражден. И не

только тем, что Булатов подтвердил правильность его суждений и действий. Увидел он в этом нечто гораздо большее — объективность и широту мышления простого рабочего. Он как бы заново узнавал Булатова и как истинный воспитатель мог гордиться своим открытием.

Вот какой добрый конец у истории, о которой вспомнил сейчас Анохин.

...Вошла секретарь, принесла Борису Васильевичу почту из дирекции. Он быстро просмотрел ее и одну бумажку из папки показал мне. Это было письмо Макарову, в котором сообщалось, что квартира ему будет предоставлена в этом, 1972 году.

— Про Черногорова, пожалуйста, пишите,— пояснил Анохин.— Ему это может на пользу пойти. Шум из-за него по всему заводу прокатился. В цехе до сих пор полного единогласия нет. Я лично считаю, мы правильно поступили.

Я недоумевала: при чем тут Черногоров? Письмо-то Макарову! Но когда стала вникать в так называемое дело Черногорова, поняла, что картина не будет до конца завершенной и яркой, если выписывать на ней одного Черногорова, без Макарова.

Не схожи они даже внешне. Макаров — представительный, осанистый. На тщательно выбритом лице его спокойствие и сосредоточенность. Ладно подогнанная на нем спецовка, тщательно отутюжены воротнички. Словом, вид у него самый ухоженный. Про таких мужчин говорят, что у них домовитые, заботливые жены. А когда оденется Макаров во все выходное — костюм под галстук, шляпа и макинтош (таким и сфотографировала его на ноябрьской демонстрации дочурка), то и вовсе можно принять за доктора наук.

Черногоров впечатления основательности не производит. Очень худой, лицо со шрамом над левой бровью сохранило что-то мальчишечье, задиристое, а в глазах плохо скрываемая тревога. И вообще он весь какой-то взъерошенный. Когда отжимал валиком на стиральной машине детское белье — застала его я за таким занятием дома, пока жена в первую смену работала,— мелко дрожали руки. Кстати, о жене. В маленькой комнатке, которую занимают Черногоровы, не чувствовалось присутствия женщины — такой царил здесь беспорядок.

На Коломенский тепловозостроительный завод и Макаров и Черногоров пришли пятнадцатилетними. Сергей Черногоров — в сорок седьмом, Владимир Макаров — в сорок восьмом. И попали они в один и тот же цех— арматурный. Так в то время назывался цех М-4, который возглавляет сейчас Борис Васильевич Анохин. Сам Анохин работал тогда наладчиком в другом цехе.

Подростков определили к станкам: Серегу — к фрезерному, Вовку — к токарному. Вначале все складывалось у них как будто одинаково: через пять лет армия, потом снова завод. Только Макаров пришел в родной цех чуть ли не на второй день по возвращении в Коломну. Надеяться ему было не на кого, отец умер, мать болела, а тут, в арматурном, и товарищи и Алексей Павлович Савельев, его дорогой наставник, уже поджидали, да и с Викой так договорились. С Викой они и в школе учились вместе и жили с ней на одной улице в поселке Щурово. А Черногоров что-то задерживался, не спешил на завод. Да и с женитьбой поотстал, все колобродил, гулял с братьями и дружками. О Василии, о старшем из братьев Черногоровых, вообще шла худая молва как о тунеядце. Впоследствии за бездельничанье его выдворили из Коломны на несколько лет. Жили братья с родителями чуть ли не напротив завода, сразу за путями, рукой подать. Занимали верх дома, купленного отцом еще в тридцатых годах.

Словом, к тому времени, когда Сергей Черногоров остановил наконец свой выбор на тихой, в рыженьких кудерьках револьверщице Дусе Савостьяновой, у Владимира с Викторией уже появилась на свет вторая дочка — Леночка. Вряд ли, однако, Сергей об этом знал. Макаров и Черногоров никогда не были близки, не дружили да и работали на разных участках и на разных уровнях в буквальном смысле этого слова: токарный станок одного стоял на первом этаже, фрезерный станок другого — на втором. Так и текли их жизни, в параллельных плоскостях, не сталкиваясь и не соприкасаясь. И ничего бы, вероятно, не изменилось, если бы в один прекрасный день не сместились эти плоскости, будто кто-то передвинул, перепутав, стрелки путей.

К моменту описываемых событий Макаров и Черногоров достигли той зрелой поры человеческого возраста, про которую один поэт сказал:

Это дата такая,
Что с вершиною схожа,—
Уже многое знаешь,
Еще многое можешь.

Обоим под сорок. Если б, подбираясь к этой вершине, оглянулись они назад, то могли бы с уверенностью сказать, что уже многое знают. Макаров, восприняв все лучшее, что передал ему ветеран старой гвардии Алексей Павлович Савельев, смело зашагал вперед. И только тот, кто наслышан о Савельеве, может понять, что это значит. Алексей Павлович пришел в цех, когда тот был весь в трансмиссиях, как в лесу; станки на втором этаже еще не стояли, и наверх к технологам вела не прямая, как сейчас, лестница, а похожая на церковную, винтовая. Подымаясь по ней, он утыкался в икону, врезанную в нишу над дверью,— память от хозяев завода братьев Струве. Сорок два года Алексей Павлович в строю. С тех пор цех изменился до неузнаваемости. Второй этаж заставлен станками, корпус оброс пристройками, и на месте угольной ямы, что коптила под окнами, благоухает яблоневый сад. Изменился и Алексей Павлович, не взбегает легко, как бывало, по лестнице наверх. А ему это приходится довольно часто делать, потому что ни один сложный вопрос начальник цеха не решает без секретаря партбюро и без него, бессменного председателя цехкома.

В тридцать седьмом вытачивал Савельев детали для пассажирского паровоза 1-4-2, удостоенного «Гран-при» на Всемирной выставке в Париже. А сейчас — для тепловозов и дизелей. Только он один в цехе нарезает четырехзаходовую резьбу для двигателя внутреннего сгорания. Но если вы спросите у Алексея Павловича, а кто бы еще мог выполнять эту операцию, он, не задумываясь, ответит: «Макаров» — его, савельевский, наследник. И нет надобности искать более точную характеристику для Владимира Григорьевича Макарова— лучшего токаря Министерства тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения. Приказом министра признано — лучший!

У Черногорова тоже хорошая рабочая школа. Его наставником был мастер Косов. Сейчас его в цехе нет: ушел на пенсию. Василий Сергеевич Косов обучил Черногорова всем премудростям фрезерного дела, и Сергей Иванович способен на своем станке выполнить любую обработку. Было время, его портрет среди знатных рационализаторов на доске почета красовался. Было время, благодарности получал, высокие заработки имел и выглядел покрепче, посолиднее, поувереннее. Было время... Да неужто ушло?

В кабинете начальника цеха висят таблицы. Они особенные. В них не говорится о том, как сильно увеличивается производительность труда и объем производства. Таблицы предназначены не для того, чтобы настраивать на благодушный лад. Они показывают то, с чем надо бороться: брак, прогулы, травмы, возврат изделий. Таков уж Анохин, начальник цеха! Придете вы к нему — начнет говорить он о недостатках, и посетитель удивится: уж не обмолвился ли В. М. Пятов, директор завода, вчера на партактиве, когда в пример другим приводил цех М-4?

Первая таблица самая грозная. От нее в значительной степени зависят и остальные. Мастера ее как огня боятся. Фиксирует эта таблица нарушения трудовой и производственной дисциплины. Было время, и не так уж давно, когда с нарушениями мирились, терпели их. Кое-кто тогда и распустился: что уж, и выпить нельзя? Даже некоторые кадровые рабочие, воспользовавшись тем, что станочников на заводе, как и на многих других предприятиях, хронически не хватает, почувствовали себя неуязвимыми: попробуйте найдите, мол, мне замену. И обожглись! Еще как обожглись! Кое-кто положил на стол партбилет, кое-кто расстался с заводом.

Обходительный, сочувственный, вежливый, Борис Васильевич превращается в человека непримиримого, не знающего пощады никому, когда речь заходит о дисциплине. Особенно не может он терпеть злоупотребляющих спиртным. Таким он был всегда: в роли бригадира, мастера, старшего мастера. И люди уважали его именно за эту праведную непримиримость, даже если она оборачивалась против них. Не о том ли говорит история с Булатовым?

«Один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или в водке, а другой находит более сложные и богатые прелести — в работе, в красоте, в борьбе...» Эти слова принадлежат Антону Семеновичу Макаренко, любимейшему писателю Анохина. В квартире Бориса Васильевича под клетками со щебечущими кенариками — полки с книгами. Макаренко на самом видном месте, под рукой.

Первая часть приведенной цитаты будто специально написана о Черногорове, вторая — об Анохине, секретаре партбюро Полякове, Савельеве, Макарове...

«Моя работа состоит из непрерывающегося ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накопляются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытый».

Это тоже Макаренко, так он сам сказал о своей педагогической деятельности. Но высказывание—беру на себя смелость утверждать— относится в равной степени и к Борису Васильевичу Анохину, передает сущность его работы. Инкубационный период в операции «Черногоров» оказался затяжным, ибо болезнь была слишком запущенная и застарелая. Началась она давным-давно, еще задолго до прихода Анохина в цех, с вульгарного симптома — явился на работу подшофе, а привела к трясучке рук. А у него дети...

Евдокии Михайловне Черногоровой в цехе советовали: «Давай положим его в больницу, подлечим»,— а она налетела заступницей: «Да вы что, он не пьет! Не видите, переутомился мужик, нервничает». Трудно этой женщине, а правде в глаза посмотреть не решается...

К Черногорову применяли все меры общественного воздействия, какие только есть. С ним разговаривали с глазу на глаз и всем «четырехугольником». Обсуждали на собраниях и объявляли выговоры. Действовало, но ненадолго.

Все знали, что он плохо живет — в старом, разваливающемся доме без всяких удобств, в маленькой комнатке — и ждет квартиру, стоял первым на очереди. А он в апреле прошлого года — в который раз! — прогулял. Цехком под председательством Савельева, исчерпав все средства, отодвинул его в списке назад. Следующим по списку шел за ним Макаров. Он тоже жил все еще в одной комнате вчетвером, но его комната была чуть-чуть побольше черногоровской да и в лучшем доме. Естественно, что первым претендентом на квартиру стал, без всякого сомнения, Макаров. Вот при каких обстоятельствах скрестились пути фрезеровщика Черногорова и токаря Макарова.

Евдокия Черногорова тяжело переживала все эти события, и каждый ее поймет. Рушилось все — покой в семье и близкая надежда на новый дом. Она приходила на работу заплаканная, разбитая горем и всех, кого только можно было, просила заступиться за мужа, простить его. Другого выхода не видела. А потом кто-то ей посоветовал — переписать квартирную очередь на себя, на свое имя. Тогда и делу конец. Ухватившись за эту мысль, она и пошла к Савельеву.

Снова заседает цехком и «четырехугольник». Почти два часа идут горячие споры. Сложный вопрос. Токарь Елизарова напоминает, что Евдокия пришла из ремесленного училища, росла без матери, все по общежитиям, в цехе работает восемнадцать лет, и никто возразить против этого ничего не может. «У Дуси двое малых ребят. В комнате иней под кроватью. Почему должны страдать дети?» — спрашивает кладовщица Пелагея Антохина, и все удрученно молчат. Все знают, что это так.

Каково же мнение начальника цеха?

— Жалость — плохой советчик,— говорит

Анохин. У него бледное, усталое лицо, но голос тверд.— Вы же понимаете, неважно, на чье имя записана квартира. Добьется Черногоров своего — и уж тогда никакого тормоза для него мы не найдем. Что станет с детьми? На каком-то этапе надо рубить решительно, и только так!

Жестоко? Да, жестоко. Удар по самому больному — жилью. Но иначе нельзя. Есть жестокость и жестокость. Есть тупая бесчеловечность, лишенная всякого оправдания, и есть безжалостность, приносящая исцеление. На это и рассчитывал начальник цеха, когда выступал. По дороге домой — идти ему не близко, минут тридцать, через город и уснувший парк — он только и думал об этом. И хотя он выступал на цехкоме против, его тоже раздирали противоречия. Припомнилась женщина, с которой он как-то разговаривал в одном цехе, инженер, красивая, еще молодая. На днях он узнал, что ее лишили материнства и поместили в больницу для алкоголиков. Очень, вероятно, ее «жалели» когда-то! И он осуждал не столько ее, сколько тех, кто все видел, знал и фарисейски закрывал глаза. А потом припомнилось собственное безрадостное детство в войну. Их полудом-полусарай, в который угодил снаряд. Шестеро ребятишек, и он среди них, старший брат. Потом они сами подымали свой дом...

Тупая боль сжала сердце. Он схватился за левый бок, прислонился к дереву. Пошаривая в кармане, нащупал флакончик с валидолом. Сердце. Опять оно подводит его. Врачи говорят, нужно уходить ему с этой работы. А как он уйдет? Пробовал, сидел в производственном отделе завода, на третий день сбежал. Не может он без людей...

И все же наперекор здравому рассудку Анохин через несколько дней позвонил в завком, просил помочь Евдокии Черногоровой. Ах, как он потом упрекал, казнил себя за этот звонок!

Четырнадцатого июля, в среду, Сергей Черногоров пришел в цех в нетрезвом виде. Мастер не допустил его к работе, записал прогул. В ответ Черногоров угрожающе процедил сквозь зубы: «Ну ладно же, я тебе устрою...»

Так жалость, обернувшаяся во зло, преподала всем жестокий урок. Анохин был удручен, как никогда. Не лучше чувствовал себя и умудренный жизнью председатель цехкома. Савельеву казалось, что его, старого человека, дико и незаслуженно оскорбили, все равно что нанесли пощечину.

— Алексей Павлович,— наседали на Савельева рабочие,— что же это получается: пьянь, а ему и квартиру еще в придачу? А лучший токарь за бортом?›

С трудом сдерживая гнев, разговаривали начальник цеха, секретарь партбюро и предцехкома с Черногоровым, выясняя обстоятельства, при которых фрезеровщик грозил старшему мастеру физической расправой. Реакция была в стиле Черногорова: написал заявление об уходе. Его отговаривать не стали, но Черногоров вскоре одумался сам.

Смирный и постный, сидел он, будто отгороженный от всех остальных невидимым барьером, на заседании товарищеского суда. Давал слово, что больше не будет, что постарается работать, как раньше...

Суд постановил: «Черногорову С. И. объявить выговор и предупредить, что при малейшем нарушении дисциплины суд будет просить администрацию об увольнении с завода».

Вот и вся пока история о двух рабочих из одного цеха. Как будто так удачно вначале складывались их судьбы. Но один сумел подняться на вершину и закрепиться на ней, а другой покатился вниз. Сможет ли он оправиться, набраться сил и подняться вновь? Это зависит только от него самого. Доброе имя, если уж оно было, можно вернуть!

Я смотрю на таблицу в кабинете Анохина. В прошлом году меньше случаев нарушения трудовой и общественной дисциплины, чем в позапрошлом, в позапрошлом меньше, чем три года назад. Конечно, это только начало работы, той работы, главная цель которой, по Макаренко,— воспитательное влияние на целый коллектив и влияние на данную личность. Очень трудной работы, требующей большого таланта, ума, терпения и сил.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Не скрою, что напечатанное в Вашем журнале стихотворение В. Котова «Бойцам гражданской обороны» мне, как человеку, имеющему прямое отношение к гражданской обороне нашей страны, прочитать было особенно приятно. Насколько позволяет жанр стихотворения, тему пропаганды знаний гражданской обороны поэт решает в данном случае ясно, четко, выразительно и со знанием дела. И это не случайно, ибо в числе других писателей В. Котов окончил в 1969 году ВЦОК ГО (Высшие центральные офицерские курсы гражданской обороны). Его стихотворение фактически явилось первым оперативным откликом на заботы гражданской обороны. Мне думается, что как советский поэт В. Котов правильно понял свою задачу и со всей ответственностью подошел к ее решению. В стихотворении именно такого публицистически-плакатного характера и ощущалась острая нужда. «Бойцы гражданской обороны» и те, кто собирается ими стать,— люди всех возрастов и профессий, пионеры, школьники, комсомольцы и пенсионеры в том числе с пользой для себя прочтут это стихотворение.

Конечно, это только первая ласточка. Мы ждем от наших писателей, поэтов и других стихотворений и произведений иных жанров на важную тему гражданской обороны, но начало положено.

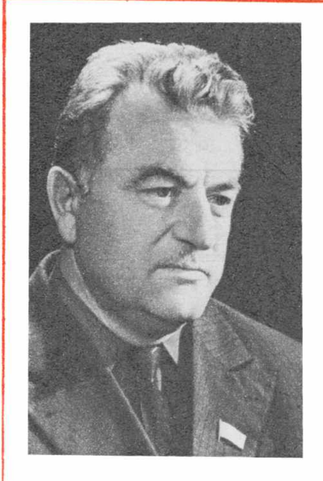
Что же касается профессиональной, литературной стороны упомянутого стихотворения, то о его качестве, я думаю, достаточно убедительно говорит широкое одобрение этого стихотворения самыми различными редакциями. «Бойцам гражданской обороны» звучало и по центральному радио и по центральному телевидению. Помимо «Огонька», его опубликовали издательство «Профиздат» (**В. Котов.** Сборник стихов «Есть рабочий класс!», 1971 г.), целый ряд республиканских и областных партийных газет, оно вышло отдельным плакатом, и, наконец, его взяли на вооружение многие коллективы самодеятельности и отдельные исполнители. Свое доброе слово сказала о нем и секция военно-патриотической литературы Союза писателей СССР.

Тем большее недоумение вызывает позиция газеты «Комсомольская правда», опубликовавшей 15 февраля сего года заметку А. Рейжевского «Не только пятки...», которая подвергает стихотворение «Бойцам гражданской обороны» (почему-то стыдливо не называя его!) заушательскому и бездоказательному разносу. Почему объектом для упражнения в «остроумии» и осмеянии газетой берется стихотворение на важную военно-патриотическую тему? Вот это и вызывает, мягко говоря, недоумение.

Правильно ли в данном случае «Комсомольская правда» ориентирует своих читателей, молодежь, комсомольцев, юных бойцов гражданской обороны, ведущих сегодня по всей стране такую большую патриотическую работу? А писателей, которые берутся или должны взяться за эти важнейшие темы?

Думаю, что неправильно.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В. ЧУЙКОВ

Иван ТАРБА

ПЛЫЛ ТЕПЛОХОД ПО ИРТЫШУ...

Припомню все, как было дело,
и, как сумею, опишу:
в июле, словно лебедь белый,
плыл теплоход по Иртышу.

По берегам под солнцем лета
лежала северная топь,
и теплоход, как эстафету,
легко подхватывала Обь.

А у бортов с утра до ночи,
тщась заглянуть за поворот,
до новизны всегда охочий,
толпился пишущий народ.

Суровый край земли советской
встречал, притягивая нас,
подчас восторженных по-детски,
дотошно въедливых подчас.

В раздумьях плыл страной таежной,
речной дорогой голубой
народ начитанный, и сложный,
и очень разный меж собой.

Но даже в спорах — сколько было
дискуссий жарких в рейсе том! —
неравнодушье всех роднило
к земле, бежавшей за бортом.

Потом, когда смолкали споры
и воцарялась тишина,
в ночные ясные просторы
вплывала четкая луна.

И капитан из рубки строго
смотрел, как волны вдаль бегут.
Текла, текла, текла дорога
и выводила на Сургут.

ЗДРАВСТВУЙ, СИБИРЬ!

Поклон тебе, Сибирь! Привет, большая,
суровая сибирская тайга!
Привет вам, дали без конца и края,
поля, долины, горы и луга!

Поклон вам, речек легкие разводы,
поклон, Иртыш, неспешный богатырь!
Осуществляя высшую свободу,
я сам себя сослал в Сибирь!

Я лишь по книгам знал тебя давно ли?
И вот сегодня, радуясь вдвойне,
лишь у мечты у собственной в неволе,
шагаю по сибирской стороне.

Привет Сибири, всем сибирским людям,
которыми сегодня ты горда!
Про возраст твой мы говорить не будем:
ты — молода! Чудесно молода!

Здесь трудятся, как видеть мог в пути я,
на стройках и на вышках буровых

РАВСТВУЙ, СИБИРЬ!

и сверстники мои, уже седые,
но больше — дети сверстников моих.

Я им в душе завидовал немало
и, как на свадьбе сына, говорю:
откинь с лица, невестка, покрывало,
в твои глаза, дозволь, я посмотрю!

Ты хороша! Твой взгляд и прям и честен,
и тот счастливым будет, кто с тобой
в грядущий день шагнет сегодня вместе,
объединит судьбу с твоей судьбой.

Меня ж, Сибирь, и правдою и сказкой
ты одари, будь перед взором вся,
когда рванется ввысь мой стих абхазский,
твое земное имя вознося!

У КОСТРА

Душа Сибири, отогрейся,
небось, прозябла за века!
Уже в тайге ложатся рельсы,
бегущие издалека.

Сибирь, Сибирь! Не зря от века
тебя страшился человек:
жестокой стужей человеку
ты укорачивала век.

И суть не в том, что снегу много,
не в том, что длительна зима,
а в том, что, злая недотрога,
душой зазябла ты сама.

И хоть знавала ты иное
и хоть горяч был летний зной,—
чуть слышно сердце ледяное
в груди стучалось ледяной.

Ты мысли ссыльные студила,
порывы дерзкие губя.
Немногим жизнь тогда судила
влюбиться нехотя в тебя.

Но ведали борцы-провидцы:
тебя согреют наконец
лишь те, кто сможет здесь прижиться
по воле собственных сердец.

Они пришли, такие люди,
и ты признала этот люд:
не молят здесь они о чуде,
а сами чудо создают.

Машины их уходят в рейсы
сегодня дальше, чем вчера.
Душа Сибири, грейся, грейся
у молодежного костра!

НАЧНИ СВОЙ ПУТЬ В СИБИРИ...

Страной цветов Абхазию зовут.
Хватает нам цветов зимой и летом.
Когда во двор мой гости ни зайдут,
всегда могу я встретить их букетом.

Гость на порог — и радуйся, душа!
Доволен гость — доволен и хозяин.
А тот, скажу, не стоит ни гроша,
кто сам в себе весь наглухо запаян.

Жизнь людям для общения дана —
чтобы дружить, трудиться, молодея.
И, в сущности, Великая Страна
на этой же основана идее.

Хожу я вольно по моей земле:
какие помешают мне границы?
Вхожу в жилища, греюсь в их тепле,
стихи читаю, вглядываюсь в лица.

И вот в Сибирь привел меня мой путь.
Земля моя, Абхазия родная,
лишь стоит где мне на цветы взглянуть —
я о тебе невольно вспоминаю.

А здесь, едва ль не в зоне мерзлоты,
где коротко, хотя и жарко, лето,
цветут в поселках яркие цветы:
людским теплом земля для них согрета!

Цветы-бойцы! О них мне вспоминать...
Свою страну, единственную в мире,
ты хочешь, друг, изведать и понять?
Сегодня я скажу: начни с Сибири!

КРЫЛАТОГО СТОЛЕТЬЯ ПЕШЕХОДЫ

Не мною первым сказано такое,
но как от старой истины уйти:
геологи не ведают покоя,
их жизнь — в пути. Они всю жизнь — в пути!

Им — с милыми прощаться и встречаться,
идти вперед упрямо, до конца,
бурить болота, в сердце гор стучаться —
они-то знают: есть у гор сердца!

Крылатого столетья пешеходы,
выстукивая землю, как врачи,
к заветным тайнам скрытницы-природы
они находят верные ключи.

Не всякий день счастливая находка,
не всякий месяц. И не всякий год.
Они идут уверенной походкой
и знают, что открытие придет.

И пласт угля распахнут, как страница
с гравюрой тонкой — оттиском хвоща,
и газ горючий из глубин струится,
и к небу нефть взвивается, плеща.

Лежит Сибирь — нагорья и равнины,
горят огни в рассветной сизой мгле.
И вот опять уходят в путь мужчины,
и след их остается на земле.

И вечен поиск. И однажды где-то
открытию опять настанет час...
Друзья мои, товарищи, поэты,
ведь это ж все отчасти и про нас!

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ СКАЗКА

*Фарману Салманову,
Герою Социалистического Труда,
лауреату Ленинской премии.*

Сказка — сказка всегда...
Только я не об этом,
не о сказках сегодня хочу говорить.
Не хочу колдовать романтическим светом,
ретушировать ловко и с правдой хитрить.

Знаю сам: здесь, в краю и снегов
и туманов,
жизнь сурова, строга и нередко груба.
Расскажи мне, Фарман, расскажи мне,
Салманов,
как сплелись в твоей жизни мечта
и судьба?

Здесь уже в октябре заливается вьюга,
стонет ночью в жестяной времянке-трубе...
С милым Каспием, с теплым дыханием юга,
видно, было не просто расстаться тебе?

Видно, было не просто освоиться в мире
великанских болот, сумасшедших ветров?
Но недаром, как видно, в морозной Сибири
не остыла южанина жаркая кровь.

Край, где мы родились, край, где путь
наш был начат,
всюду с нами останется, где ни живи.
Ты в дороги влюблен, ты порывист —
и, значит,
солнце юга в твоей не угасло крови!

Ты не прятал его, ты делился им щедро,
от огня твоего зажигались огни,
и тебе открывались сибирские недра
так, как будто тебя узнавали они.

На спецовке твоей — нефти вечные пятна.
Видно, вправду она, за характер любя,
благосклонна к тебе.
Говорят, непонятно:
ты ли ищешь ее, нефть ли ищет тебя.

Говорят, ты умеешь работать красиво,
и работа твое украшает житье.
То родная земля придала тебе силы,
чтобы смело шагнуть за пределы ее!

Нет, не гладок твой путь. И характер —
для боя:
ты горяч, как огонь, и упрям, как гранит.
Но родная земля всюду в сердце с тобою,
и любовь к ней тебя от ошибок хранит.

И, смущаясь, иные глядят человеки:
«Беспокоен-то как! Всех способен увлечь!
Так ли следует жить? В нашем яростном
веке
не разумней ли было б себя поберечь?»

Может, правы они? Это дело не просто,
не пишу я рецептов, как пишут врачи,
знаю только, что выбрал ты долю по росту,
инженер с Апшерона, хавбек из «Нефтчи»!

Так с какого же дня сказкой жизнь твоя
стала
и легендой помчалась, волнуя сердца?..
Я не знаю, не знаю, где сказки начало,
только знаю одно: нет у сказки конца!

ДЕТСКИЙ САД В ГОРНОПРАВДИНСКЕ

Итак, я рассказать хочу про сад —
но не про тот, где яблоки висят
и ветки вишен гладят по плечу,—
про детский сад я рассказать хочу.

В таком краю укоренился он,
где о садах не знали испокон,
где мрачная болотная тайга
в любом пришельце видела врага.

Но городок родился на реке,
и детский сад — как город в городке,
и сад в саду — веселый зоосад,
где зайцы глазом на ребят косят,

где мишка — не игрушечный, живой,
своей лохматой крутит головой:
сама тайга, добрее став теперь,
подарки детям принесла под дверь.

Да, здесь земля характером тверда,
но вместе с детским садом навсегда
укоренилось Будущее в ней,
и нет прочней, мне кажется, корней!

**Перевел с абхазского
Илья Фоняков.**

ПИСАТЕЛИ • КНИГИ

ПОМНЯ ПРОШЛОЕ, МЕЧТАЯ О БУДУЩЕМ

Эта книга принадлежит к числу тех, которые хочется непременно иметь в личной библиотеке, читать и перечитывать, дарить друзьям по самым торжественным поводам... Изданная в великолепном художественном оформлении, книга сразу привлекает внимание своим заголовком — строкой из «Слова о полку Игореве» — «О Русская земля!». Сборник стихов русских поэтов, посвященный теме Родины, в который вошли и хрестоматийно известные произведения классиков, и творения полузабытых ныне авторов, отмеченные высоким гражданственным пафосом, и вдохновенные строфы, вышедшие из-под пера наших современников — старших, младших. Счастливая мысль — собрать под одной обложкой то, что писали о Родине наши поэты — от неведомого создателя «Слова о полку Игореве», от Тредиаковского, Ломоносова и Державина до Александра Твардовского, Николая Рыленкова, Ярослава Смелякова, Василия Федорова, Николая Рубцова, Владимира Фирсова. Многое вобрала в себя эта своеобразная художественная летопись земли нашей, испытавшей на своем историческом пути немало драматических эпизодов, вышедшей с честью из самых трудных ратных годин, преодолевшей, казалось бы, самое непреодолимое — от нашествий степняков до гитлеровских бронированных полчищ.

Сборнику предпосланы эпиграфы-афоризмы из стихов Пушкина, Тютчева, Есенина, Маяковского. Книга открывается вдохновенно написанным предисловием Александра Прокофьева, который напутствует молодого читателя — именно к нему обращен сборник — проникновенными словами, бьющими из-под самого сердца: «Сложны порой пути поэзии. Но у великого народа может быть только великое Слово — народное, вдохновенное, патриотическое. В нем не только звон боевого щита, в нем биение вешних ручьев, дуновение волжского ветра, отзвук таежных проводов, колыхание безбрежных нив. Народ растет, строит, помнит и любит свое прошлое, мечтает о будущем... О Русская земля!..»

Книга дает возможность проследить многое на длительном историческом пути. Внимательный читатель, например, обратит внимание, как, оставаясь единым в своей сути, менялось восприятие природы родной страны, среди которой испокон веков жил и действовал трудовой человек: и величественный образ природы у классицистов, и бурное противопоставление свободных природных стихий отвергнутому романтическому герою, и символическое восприятие окружающего мира, и возникновение космического пейзажа, и резкие краски эпохи социальных потрясений, и народный образ Белой Березы как олицетворение народной красоты, мужества и непобедимости.

Удивительную перекличку поэтов через века открывает нам сборник. Еще в восемнадцатом веке юный Тредиаковский, живя на чужбине, слагал трогательные и прекрасные стихи о своей далекой отчизне: «Начну на флейте стихи печальны, зря на Россию чрез страны дальны... Россия мати! Свет мой безмерный!» В пору Великой Отечественной войны поэт-воин Сергей Наровчатов, выражая мысли и чувства фронтовиков, отстаивавших независимость своей Родины в кровавых боях, написал: «Крови своей, своим святыням верный, слова старинные я повторял, скорбя:— Россия-мати! Свете мой безмерный, которой местью мстить мне за тебя?»

Перед нами предстает вся Родина в непостижимых географических измерениях, от башен и стен Кремля, воспетых и поэтами-классиками и нашими современниками от Николая Полетаева, Николая Заболоцкого, Ярослава Смелякова до Владимира Солоухина, Николая Рубцова, Юрия Адрианова,— до безбрежных просторов Тихого океана, от Кронштадта до Владивостока. Внутренняя тема, которая проходит через стихи поэтов, звучит у одних открыто, оголенно-публицистически, у других — подспудно, метафорически — тема поисков правды и социальной справедливости, тема братства трудового люда. С гордостью и восторгом пишет Сергей Викулов о своей трудовой родословной, о своей трудовой и воинской генеалогии: «Оглядываюсь с гордостью назад: прекрасно родовое древо наше! Кто прадед мой? Солдат и землепашец. Кто дед мой? Землепашец и солдат. Солдат и землепашец мой отец. И сам я был солдатом, наконец».

Конечно, о многом в книге можно спорить. Но в целом мне кажется, что отбор стихов произведен удачно, с чувством художественного вкуса и такта и с достойной широтой. Необычайно привлекательны гравюры Владимира Носкова, удачно сочетающие традиционные мотивы с современностью.

Евг. ОСЕТРОВ

«О Русская земля!» Сборник стихов русских поэтов. Составитель Валентин Сидоров. Издательство «Молодая гвардия». 1971.

НОВЫМИ ПУТЯМИ!

Свыше двадцати лет изучает литературовед Юрий Прокушев творчество Сергея Есенина. Но суть дела, по всей вероятности, не в затраченных годах и усилиях, а в тех открытиях, оригинальных суждениях, смелых выводах, к которым приходит исследователь. Одно из ценных качеств трудов Ю. Прокушева о Есенине и этой книги в частности — острое чувство историзма, верность сложной, противоречивой логике фактов, умение видеть в сцеплениях разнородных событий главное, их сердцевину, их неискаженную сущность.

Поэзия Есенина, опрокинув догматические, угрюмые представления о характере творчества поэта, неудержимым, светлым потоком прорвалась к широкой читательской массе, завладев ее сердцем, мыслью, взяв в вечный плен миллионы людей. Была опасность: как бы не навести на поэта хрестоматийный блеск, не превратить Есенина в этакого сусального херувима, рожденного для сладостного пения. Ю. Прокушев не поддался соблазну. Любовь к поэту, добросовестность, честность исследователя привели его к открытиям, имеющим, на мой взгляд, принципиальное значение. Вооружившись множеством интереснейших фактов, добытых собственным трудом, Ю. Прокушев развеивает немало ложных легенд, сплетенных вокруг имени великого поэта. Он кропотливо, с завидной заинтересованностью прослеживает почти шаг за шагом извилистую, не очень легкую жизненную и творческую тропу Есенина. Поэт предстает перед нами во всем богатстве своей натуры, как человек больших, разносторонних знаний, глубокого, пытливого ума, с раннего возраста с тревогой думающий о судьбе своей страны, с надеждой вглядывающийся в грядущее. На основе вдумчивого анализа обильных документов, источников, своеобразия раннего периода творчества Есенина Ю. Прокушев приходит к весьма важным выводам: «Любовь Есенина к Родине, озабоченность поэта судьбой крестьянской Руси, ненависть к войне, тяготение, подчас стихийное, к демократическим общественным силам и идеям, к народности и реализму — все это определяет идейно-эстетическую ценность поэзии Есенина до 1917 года. И было бы неверно по старой традиции видеть в ранней поэзии Есенина только идеализацию и поэтизацию патриархальной деревенской старины».

Ю. Прокушев доказательно, с помощью веских аргументов опровергает один за другим наветы, мифы, домыслы, поверхностные представления о творчестве поэта. Он словно снимает грязный слой с портрета Есенина, мешавший разглядеть истинный облик его. При этом Ю. Прокушев не впадает в елейность. Он говорит о трудном, драматическом развитии поэта, об его ошибках, заблуждениях, трагических поисках, падениях. Но главное в Есенине была безотказная, самозабвенная любовь к России советской, к тому новому, необыкновенному, которое с радостным изумлением одобрялось и нравственно утверждалось поэтом.

Написана книга Ю. Прокушева легко, увлеченно. Правда, некоторые страницы книги излишне перегружены источниковедческими фактами, но таких страниц мало. Книга Ю. Прокушева представляется мне ценным и свежим исследованием. В нем немало нового материала, интересных, оригинальных мыслей.

Г. ЛОМИДЗЕ,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Прокушев. Сергей Есенин. Издательство «Детская литература». 1971.

«ПЕСНЯ СОПУТСТВУЕТ ЛЮДЯМ...»

В новой книге Боси Сангаджиевой есть маленькое стихотворение, афористично и точно выражающее ее отношение к своему литературному труду:

Лиру,
Мне кем-то врученную,
Я отклоню,
Не приму;
Лиру,
В себе обретенную,
Радостно к сердцу прижму.

Что же воспевает лира калмыцкой поэтессы, стихи которой поражают своей искренностью и душевной открытостью? Конечно, прежде всего то, что ей наиболее близко и знакомо,— судьбу женщины-калмычки, ее жизнь, неразрывно связанную с жизнью родного народа, с его исторической судьбой. А судьба эта была тяжела, и лишь надежда на лучшую долю согревала сердца бедняков, ютившихся в жалких кибитках. Сильное эмоциональное воздействие оказывает найденный Босей Сангаджиевой образ, выразительный, символичный и очень емкий:

Ветер, ветер, ветер,
мир во тьме исчез,
лишь тревожно светел
дальний край небес.
. . . .
Месяцы и годы
ветер так ревет...
Но душа народа
будущим живет.

В битве за это будущее рядом с братьями, наравне с ними, «словно с орлами орлица», героически сражается дочь чабана, «девушка из легенды» — Нарма Шапшукова.

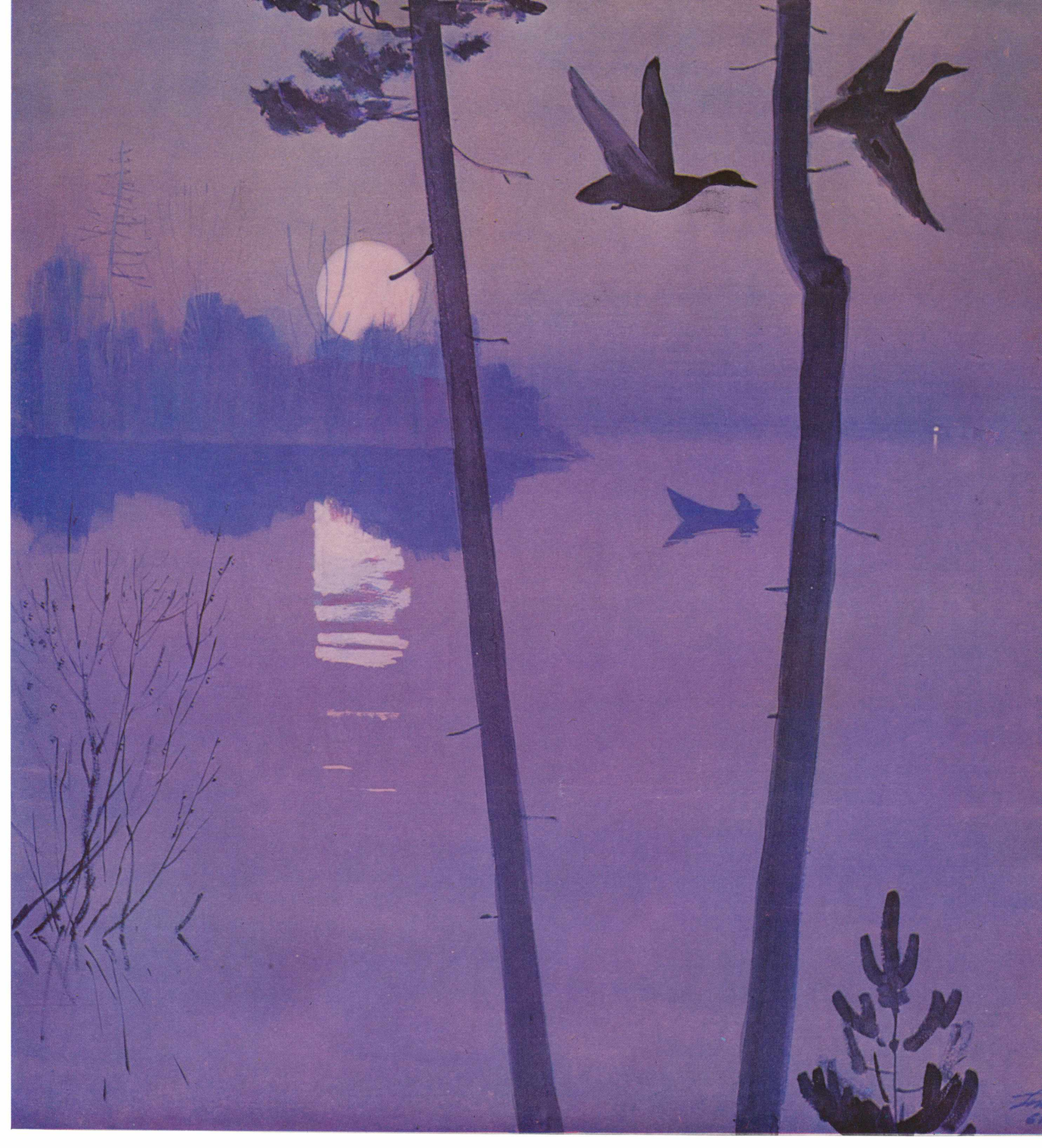
Отгремели бои гражданской войны, прекрасна стала вешняя степь, ее пастбища и пашни,— «и в том есть вклад Нармы», бойца Первой Конной, ударницы труда, награжденной в Кремле, под гром рукоплесканий, орденом.

О дружбе — многие стихи сборника. «Крепость и жар... братских объятий» шлет поэтесса в Латвию Олимпиаде Мякоте, проникновенно благодарит за сердечность русскую женщину, с которой вместе пришлось бедовать в годы Великой Отечественной войны, говорит о постоянстве любви, связывающей калмыков и монголов.

Щедрая отдача души, глубина и богатство чувств, отличающие творчество Боси Сангаджиевой, позволяют ей с полным правом сказать о себе: «Я ведь вся в песне, а песня сопутствует людям».

Ю. ГЕОРГИЕВ

Бося Сангаджиева. Молодая звезда. Стихи. Авторизованный перевод с калмыцкого. «Советский писатель». 1971.

П. Караченцов. НА РЫБИНСКОМ МОРЕ.

П. Караченцов. У ОСТРОВА ВАЛААМ.

С ДОБЫЧЕЙ.

ЛЮДИ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

ТОВАРИЩ АНДРЕЙ

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Петер Флорин.

Был уже поздний час, когда мы — я и мой коллега из журнала «Фрайе Вельт» Герман Хуперц — покинули этот гостеприимный дом на одной из тихих улиц Берлина. Над городом тяжелым пологом легло хмурое небо, и красноглазая голова телебашни зябко куталась в плотный туман, сквозь который едва уловимо доносился какой-то гул. Мне почудился (и действительно только почудился) знакомый гул самолета. И почему-то в эти же мгновения, вероятно, по ассоциации, отчетливо представились иное небо, иные времена, события, о которых только что поведал нам Петер Флорин.

...Расчерченное лучами прожекторов темное небо Москвы июля сорок первого. Тяжко-длинные ночи, громыхающие взрывами бомб. Центр столицы. Улица Горького. Старинный дом, где живут работники Коминтерна,— сейчас это гостиница «Центральная». На крыше дежурят жильцы. Пожилые и молодые. Гасят зажигательные бомбы.

— Я на всю жизнь запомнил одну такую ночь,— говорит Петер Флорин.— На крышу упала «зажигалка», и я быстро погасил ее. Погасил и увидел начертанные на металле слова: «Сделано в Рурской области»... Бог ты мой, это же край моего детства! Из секундного оцепенения вывел голос старшего среди нас: «Посмотри, Петер,— и он кивнул в сторону уже уходивших на запад бомбардировщиков,— летит немецкая молодежь». Глядя этому человеку в лицо, я громко и, кажется, несколько резко сказал: «Немецкая молодежь бывает разная. На этой крыше тоже немецкая молодежь...» — и ткнул пальцем в грудь Руди Гюпнера... Никому из нас тогда неведомо было, что Руди потом попадет к партизанам и геройски погибнет, сражаясь с гитлеровцами...

Я не знаю, почему, но из всего услышанного мною в тот вечер от Петера Флорина маленький диалог на крыше дома военной Москвы произвел на меня самое сильное впечатление. Может, еще и потому, что мне уже было известно и то, о чем скромно умолчал мой собеседник: он ведь и о себе мог бы сказать то же, что и о Руди: «Никому из нас тогда неведомо было, что я отправлюсь к партизанам выполнять специальное задание советского военного командования...»

«...Немецкая молодежь бывает разная». Он вложил в эти слова всю свою убежденность — в жизни иначе быть не может и никогда не будет. Это была убежденность, крепнувшая с детских лет, убежденность сына кельнского судостроителя, сына видного деятеля международного коммунистического движения — Вильгельма Флорина. И мне хочется этот диалог, именно эти строки одной страницы большой жизни поставить эпиграфом ко всему, что я услышал от Петера Флорина.

...Наша беседа началась в его служебном кабинете и закончилась в другом конце Берлина в небольшой, уютной квартире, где, как мне показалось, приятно теснят книги и... огромный аквариум — хобби всей семьи...

Я передал Флоринам привет от Василия Петровича Ласковича, научного сотрудника Брестского музея. В годы войны он командовал партизанской группой, в составе которой под кличкой «товарищ Андрей» действовал Петер Флорин.

— Спасибо... Ласкович, вероятно, рассказывал вам, как мы летом гостили у него?

— Да. Со всеми подробностями. И как встречал вашу машину на границе и как поселил вас с женой у себя дома... И про то, что ваш сын Максим позже приезжал к нему и подружился с его дочерью...

— Ласкович — человек очень интересный... Василий Ласкович — это особая тема. Но я и сейчас не могу не сказать о нем несколько слов. Он был членом Компартии Западной Белоруссии с 1933 года. Был секретарем подпольного окружкома комсомола, тайком пробирался в Минск на учебу. А когда вернулся домой, его схватили пилсудчики. Шесть лет провел в тюрьмах. Свободу принесла Советская Армия осенью 1939 года. Но ему недолго довелось наслаждаться этой свободой. Грянула война. И снова подполье. Партизанский отряд. Задание сформировать небольшую специальную группу и пробираться к Белостоку, собирать разведданные, создавать свою агентуру. В самом начале пути Ласкович получил из Москвы шифровку — не двигаться дальше, ожидать товарища, который прибудет с особыми поручениями. Дней через семь, «по связи», в сопровождении трех партизан к Ласковичу явился молодой человек лет двадцати, высокий, худощавый, с большими зоркими глазами. На груди висел трофейный автомат, на боку — немецкий парабеллум. Он был в полувоенной форме, без шинели. Позже я узнаю от Петера Флорина, что больше всего он боялся выдать свою национальность, боялся, что ночью начнет говорить по-немецки.

— Товарищ Андрей быстро вошел в нашу семью,— рассказывал мне Ласкович.— И сразу показал себя хлопцем смелым, спокойным, рассудительным. Ходил в зону Гродно, Белостока... Отчаянный был товарищ. Орудовал иногда под самым носом эсэсовцев, вел работу среди офицеров и солдат Гитлера, чутьем угадывал колеблющихся, будущих антифашистов.

Спустя много лет, когда они встретятся в Бресте, Ласкович вновь и вновь будет вспоминать «партизанские тропы» и, между прочим, скажет гостю, что статьи отца его, Вильгельма Флорина, он читал еще до войны, в подполье.

...Отец. Петер меньше говорит о себе, больше о нем, о соратнике Тельмана. И первое, что показал нам Петер Флорин у себя дома,— большая фотография, групповой снимок 1935 года, видные деятели Коминтерна и среди них Вильгельм Флорин.

Прошлое он вспоминает неторопливо, с долгими паузами:

— Я родился в двадцать первом в Кельне в семье судостроителей. В нашем доме много говорили о Москве, и с малых лет я мечтал, как в один прекрасный день отправлюсь прямо из Кельна в столицу Советского Союза. Сосед, знавший об этой моей мечте, однажды позвал меня к себе и на ухо, как заговорщик, стал нашептывать: «Послушай, Петер, начинай собирать консервы и теплую одежду. Я подыскал подходящую повозку, и мы поедем с тобой в Москву. Договорились?» Наивный мальчуган, я поверил шутнику-соседу, благодарно пожал ему руку и стал обдумывать, где добыть деньги на консервы... Рассчитывать на отца не приходилось. Его, рабочего-революционера, уже выслали из Кельна, и мы стали привыкать к частым визитам полиции, к нелегальному положению отца. Оно длилось долго, пока Вильгельм Флорин не стал секретарем партийной организации Рурской области и не был избран депутатом рейхстага...

Первым букварем Петера была газета немецких коммунистов, а первым уроком — урок политграмоты, преподанный отцом. Рурская область была тогда оккупирована, и Вильгельм Флорин терпеливо объяснял мальчику, что есть английские, французские, немецкие империалисты и есть рабочие английские, французские, немецкие, такие же, как и он, Вильгельм.

— А в школу я пошел по... решению партии. Вы не удивляйтесь. Я вам все объясню. В Германии той поры школу формально отделили от церкви, и чтобы открыть школу, в которой детей не будут учить закону божьему, требовалось собрать определенное количество заявлений родителей. Тогда окружком партии потребовал от коммунистов подать эти заявления. Так я приобщился к атеизму. Но поначалу для меня атеизм и рот-фронт были равнозначащими понятиями... Я лежал в больнице, и мне надо было заполнить табличку, висевшую на спинке кровати: фамилия, имя, возраст и... религия. Я заполнил все графы, кроме последней. Медицинская сестра стала допытываться: «В кого же ты веришь?» И я выпалил: «В рот-фронт!» Женщина испуганно посмотрела на меня и быстро скрылась за дверью. А сосед по палате, мастеровой, шепнул мне: «Ты не дури... Отвечай: атеист. А то натворишь тут... Нечего тебе, мальчонка, на рожон лезть!»

Вскоре семья Флоринов переехала в Эссен. Так нужно было партии. Значит, так нужно и Флоринам. К этому Петера приучили с детства. И вот первые партийные поручения, выполняемые Петером. Распространение листовок, сбор денег, столкновения с полицией. После одной стычки он пришел домой с кровоподтеками, мать нежно обняла его и сказала: «Привыкай, сынок, не то еще будет...» И он привыкал.

— Однажды я вернулся из школы и застал отца дома — он часто исчезал из дома, и сейчас я ни о чем не спросил его. Так было принято у нас. Но по встревоженному лицу понял: что-то случилось! Он позвал меня в другую комнату и стал объяснять: «Через час ты пойдешь к трамвайной остановке и будешь стоять там, пока с трамвая не сойдет человек,

которого ты проводишь на вокзал. Нет, не на главный... На другой...» Я нерешительно спросил: «А как же я узнаю этого человека?» «Он тебя узнает и сам подойдет...» На улице пришлось ждать недолго. Через полчаса с трамвая сошел высокий, широкоплечий человек в шляпе, огляделся по сторонам, неторопливо подошел ко мне, посмотрел куда-то вдаль и, ни к кому не обращаясь, спросил: «Ты Петер?» «Да». «Тогда пошли...» По дороге он расспрашивал о жизни в Эссене, о школе, о настроениях ребят. Позже я узнал от отца: это был Тельман. Накануне коммунисты провели в Эссене организованную им мощную рабочую демонстрацию. И вот надо было помочь ему скрыться из города.

В 1932 году Петер Флорин впервые увидел Москву: партия послала его отца в Советский Союз лечиться, вместе с ним поехала и мать, а на летние каникулы был вызван сын.

Взволнованно вспоминает он свою дружбу с моряками советского парохода, на котором плыл из Штеттина в Ленинград, о том впервые увиденном красноармейце в буденовке...

Представьте мальчишку, который в Эссене, на квартире рабочего-коммуниста, склонился над самодельным детекторным приемником и слушает Москву. И вдруг живой красноармеец, шагающий по настоящей, а не рисованной Красной площади. А потом пионерский лагерь в Подмосковье, поездка в сельскохозяйственную коммуну, где немецкого мальчика коммунары попросили рассказать о жизни рабочих Германии. Это было очень светлое лето. А потом снова наступили сумрачные эссенские будни. Сразу же, как только вернулся...

— По традиции в школе после каникул мы рассказывали, кто как провел лето. Я говорил о Москве. Одни слушали с интересом, а иные — злобно-настороженно: я уже слыл смутьяном, безбожником, которого давно исключили бы из школы, не будь одного деликатного обстоятельства: все же сын депутата рейхстага...

Незадолго до прихода фашистов к власти Вильгельма Флорина избрали первым секретарем Берлинского окружкома партии. Переехали в Берлин. Пришлось привыкать к порядкам столичной школы, где среди учителей появились и оголтелые фашисты, полагавшие, что бить ребят палкой — значит укреплять в них любовь к войне и насилию, веру в «великую Германию до Урала». Однако были среди учителей и либералы. Таким вначале показался учитель французского языка, с которым Петер мог откровенно говорить на острые политические темы, мог спорить, дискутировать. Но уже близился тот страшный час, когда всяким свободным дискуссиям наступал конец, час торжества мракобесия. В доме Флоринов ждали его с тревогой. Отец ночевал где-то на тайной квартире — в любую ночь к ним могла ворваться ватага фашистов.

...За окном едва светало. Петер еще нежился в постели, когда в передней зазвонил звонок. Мать — она уже давно на страже — лишь чуть-чуть приоткрыла дверь. Перед ней стоял высоченный дядя в фуражке со значком «Ротфронт».

— Я должен немедленно поговорить с товарищем Вильгельмом Флорином...

— Его нет дома... Он уехал из Берлина...

И Тереза хочет тут же захлопнуть дверь. Но «гость» мгновенно вставил ногу в приоткрытую дверь: «Открывайте! Полиция!»

Обыск длился долго. Искали оружие, прокламации, хотели напасть на след подпольной типографии. Не вышло. Отец был опытным конспиратором.

...На улице по дороге в школу Петер услышал крики голосистых мальчишек-газетчиков: «Экстренное сообщение! Коммунисты подожгли рейхстаг». Он все понял. Грозный час настал. В трамвае увидел учителя французского языка и протиснулся к нему, чтобы излить душу. Но учитель опустил очи долу и сделал вид, что не приметил своего юного друга. Ученик стал рядом с учителем и прошептал: «Неужели и вы считаете, что коммунисты подожгли рейхстаг? Нет, это даром не пройдет. Мы...» Петер не успел выпалить свой гневный монолог: учитель поторопился к выходу...

А школа уже бурлила. Группа старшеклассников в фашистской форме грозно размахивала кулаками, угрожая расправиться со всеми, кто против Гитлера. Они потребовали: всем явиться на собрание. Не надеясь, что им подчинятся, горлопаны оцепили школу. Однако Петер ухитрился прорваться сквозь кордон и улизнул. Но на следующий день его уже прижали к стене: «Если и сегодня удерешь, худо тебе будет!..» Петер обвел взглядом окруживших его головорезов и чуть насмешливо сказал: «Это мы еще посмотрим — кому худо будет». Их обуревала дикая злоба и... любопытство: «Ишь ты, какой смелый... Посмотрим, что дальше будет».

Что было дальше, знает весь мир. А все, что было дальше с семьей Флоринов,— это судьба поколения несгибаемых интернационалистов-борцов.

...Руководство партии предложило Вильгельму Флорину уехать в Париж. Он там оставался на нелегальном положении. А в его берлинскую квартиру полиция теперь наведывалась почти ежедневно, приходила, как на работу: «Где хозяин?» Тереза твердо стояла на своем:

— Уехал в Кельн, к матери.

— Лжете, его нет там. Где он?

— Я хотела вас спросить об этом...

— А это чьи? — И полицейский сердито ткнул ногой ботинки, стоявшие под кроватью.— Это же ботинки Вильгельма, он здесь... Прячется.

Тереза была невозмутима. Она говорила спокойно, уверенно:

— Вы ошибаетесь. Это ботинки сына, Петера... Вот он...

— О, у вас уже большой сын. Мы его отправим в исправительный дом. Пусть отец побеспокоится...

Нет, им тоже нельзя оставаться в Германии. Им тоже нужно скрыться во Францию. Таково было решение партии.

— О том, как мы тайком добирались из Берлина в Париж, а потом из Парижа в Москву, я мог бы рассказывать очень долго. Но мне хочется сказать самые душевные слова о тех немецких и французских коммунистах, которые заботливо прятали нас, передавая с рук на руки,— говорит Петер Флорин.

В Париже он жил у врача, коммуниста. И лишь изредка, мельком, видел отца или мать: французская полиция намеревалась выдать отца немцам.

Во Франции Петер Флорин с еще большей остротой ощутил силу великого братства коммунистов-интернационалистов. Он уже по праву считал себя частицей этого братства. Петер шагал в первых рядах демонстрантов, ринувшихся навстречу полицейской заставе, и вместе с парижскими рабочими ночью пробирался темными улочками к дому приютившего его врача. Тогда ему еще неизвестно было, что в маленьком флигеле, позади дома, накануне проходило нелегальное партийное собрание с участием его родителей. Он узнал об этом позже, когда доктор сказал ему: «Готовься, Петер, твои родители по решению партии выехали в Москву. Есть решение партии и тебя туда отправить».

...Есть решение партии! Как она требовала, так они и действовали — отец, мать, сын. Ехать в Москву надо было по «хорошим», как выразился Флорин, но подложным документам в роли сына сопровождавшего его рабочего, который тоже выполнял поручение партии. Путешествие опасное, рискованное. Но...

— Было решение партии,— продолжает Петер Флорин,— и мы должны были его выполнять... Дания, Швеция, Финляндия... И всюду на тебя смотрят косо, недоверчиво просматривают документы.

...Москва. («Говорят, когда много видишь, перестаешь удивляться. К Москве это не относится».) Школа. («Однажды я выступил на классном собрании и по наивности спросил: — Не понимаю, как это можно в советской школе нарушать дисциплину?») Артек. («Там я познакомился со знаменитой Мамлакат».) Военный парад на Красной площади. («Я решил, что пойду учиться в военное училище».) Комсомол. Кипение страстей на этажах дома, в котором живут коминтерновцы, и рождение мечты — Петер хочет стать профессионалом-революционером. Он поведал об этом отцу. Внимательно слушал сына Вильгельм Флорин. Он улыбнулся. Тихим, размеренным голосом отец сказал: «Мне приятно это слышать, Петер. Но я полагаю, что сначала надо получить хорошую профессию. Поверь мне — это всегда на пользу революции, это очень нужно и профессионалу-революционеру».

Петер с детства интересовался химией, и это определило выбор профессии, о которой говорил отец. Он стал студентом химико-технологического института.

Жизнь распорядилась по-своему. Война! Заявление добровольца Петера Флорина в райвоенкомат. Курсы военно-политической подготовки под Москвой, в Кубинке. Ленинская школа под Уфой — здесь он уже готовился к работе в тылу гитлеровцев. Бессонные ночи на радиостанции «Фольксштимме» — в эфир летят страстные слова коммуниста Петера Флорина, обращенные к обманутым соотечественникам. И вдруг вызов в горвоенкомат: «Как вы относитесь к предложению полететь к партизанам?» «С большой готовностью». «Но у вас есть броня...» «Это уже моя забота, товарищ военком. Я сам добьюсь...»

...Осенью 1943 года Петер Флорин — «товарищ Андрей» — приземлился севернее Минска, там, где еще продолжали свирепствовать гитлеровские оккупанты.

— К тому, что вам рассказал Ласкович, добавлю немного... Выполнял специальное задание в группе майора Орлова. Работал в войсках противника. Кажется, небезуспешно. Так по крайней мере считало начальство, когда я в Москве докладывал.

...«Товарищ Андрей» долго писал свой большой отчет. И вот он уже снова Петер Флорин, и ему разрешено идти домой, к своим. А дома ждет горестная весть. Первой сообщила ему эту весть жена большого друга отца, Клемента Готвальда, Марта Готвальд: «Вильгельм умер...» Петер, человек, не раз видавший смерть, долго не мог прийти в себя. Вильгельм Флорин был для него больше чем отец. Делать жизнь с кого!.. Каждый шаг своей жизни он сверял с ним: «А как сделал бы отец, что сказал бы, как поступил бы?..» Он так готовился к встрече с ним, волновался: что скажет, как оценит? И вот нет его...

* * *

...Мы сидим за большим семейным столом Флоринов. Хозяйка — она недавно вернулась с работы, из университета, где преподает советскую литературу, потчует нас по-московски. Эдя, так зовут ее, сама москвичка. Судьба свела их задолго до того, как они поженились. Эдя — дочь работника Коминтерна, и семьи их дружили не только потому, что жили в одном доме. Младший сын — Максим — школьник. Старший — Андрей — дипломат, дочь Маша — учительница.

Разговор идет о Москве и Улан-Баторе, Риме и Праге, красотах Байкала и Дуная. И снова нескончаемые воспоминания.

— Первого мая сорок пятого года вместе с группой немецких коммунистов я вылетел из Москвы в Германию. Работали круглые сутки... В тот день по радио я передал из Германии засевшим в Праге немецким войскам обращение о капитуляции, а потом сел писать очередное воззвание к соотечественникам. И вдруг за окном — беспорядочная пальба, канонада. Что случилось, неужели в город прорвались гитлеровцы? Я схватил автомат, выбежал на улицу, оглянулся по сторонам и... тоже начал стрелять в воздух. Это был наш собственный салют победы. Незабываемый майский день! На следующее утро вместе с товарищем я уже мчался в Виттенберг. Мы, немецкие коммунисты, помогали утверждать там новую гражданскую власть. А потом...

Потом — один из строителей новой Германии. Редактировал «Фольксцайтунг», читал лекции по истории КПСС и России, обучал юристов азам марксистской теории государства и права. Учил и учился. Теперь уже не химии. Постигал стратегию и тактику политического и экономического созидания социалистической Германии. Учился и работал...

* * *

К рассказанному мне остается добавить немногое. Петер Флорин принадлежит к плеяде видных, талантливых дипломатов ГДР. Он был послом ГДР в Чехословакии и вот уже несколько лет — первый заместитель министра иностранных дел республики, статс-секретарь министерства...

Берлин — Москва.

АКТЕР ДВУХ ЭПОХ

Борис ФИЛИППОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

В хоре актерских голосов прошлого нельзя не запомнить удивительный голос Юрия Михайловича Юрьева, с множеством оттенков и интонаций,— то понижающийся, то устремляющийся ввысь, то утихающий, то обретающий силу взрыва...

Юрьев владел своим голосом поистине виртуозно, а в дружеской беседе он придавал своей речи особые, интимные черты. Когда этот импозантный актер, всегда подтянутый, следивший за своей внешностью, походивший на холеного петербургского барина, появлялся в кругу молодежи двадцатых годов, он производил впечатление человека «высшего» света. Но в нем подкупал именно отказ от внешней приспособляемости к демократической среде, в которой он вращался. А в первые годы революции немало людей сменяли одежду, дабы не походить «на буржуев», не сменяя враждебного отношения к Советской власти. И было порядком таких, которые наспех перекрашивались в «красный цвет».

Ю. М. Юрьев искренне принял Октябрьскую революцию. Он не бил себя в грудь и не клялся в преданности новому строю, но продолжал честно служить искусству, веруя в то, что новый зритель высоко оценит его труд, когда поймет, придя в театр, что искусство нужно пролетариату.

Мне приходилось встречаться с Юрием Михайловичем и в Ленинграде и в Москве — в обстановке артистического клуба. Он любил молодежь и много времени уделял педагогической работе в школе Русской драмы при б. Александринском театре.

В двадцатых годах рождалось немало молодежных театров. Рождалось и умирало. Многим из них газетные критики пророчили блистательное будущее, но прогнозы не оправдывались, ибо первая удача не закреплялась последующими. На государственной основе работали в то время лишь академические театры, остальные же существовали при профсоюзных и общественных организациях либо на кооперативных или частных началах.

В 1929 году группа молодых актеров, окончивших школу Русской драмы под эгидой Ю. М. Юрьева, решила предложить свои услуги профсоюзам и подготовила спектакль, не имевший особого успеха у комиссии, созданной для решения судьбы этого нового профессионального коллектива. Возник конфликт, в связи с чем я получил письмо от Юрия Михайловича, вставшего на защиту своих учеников. В письме он говорил, что молодые и весьма способные актеры беззаветно преданы своему делу, что им надо помочь...

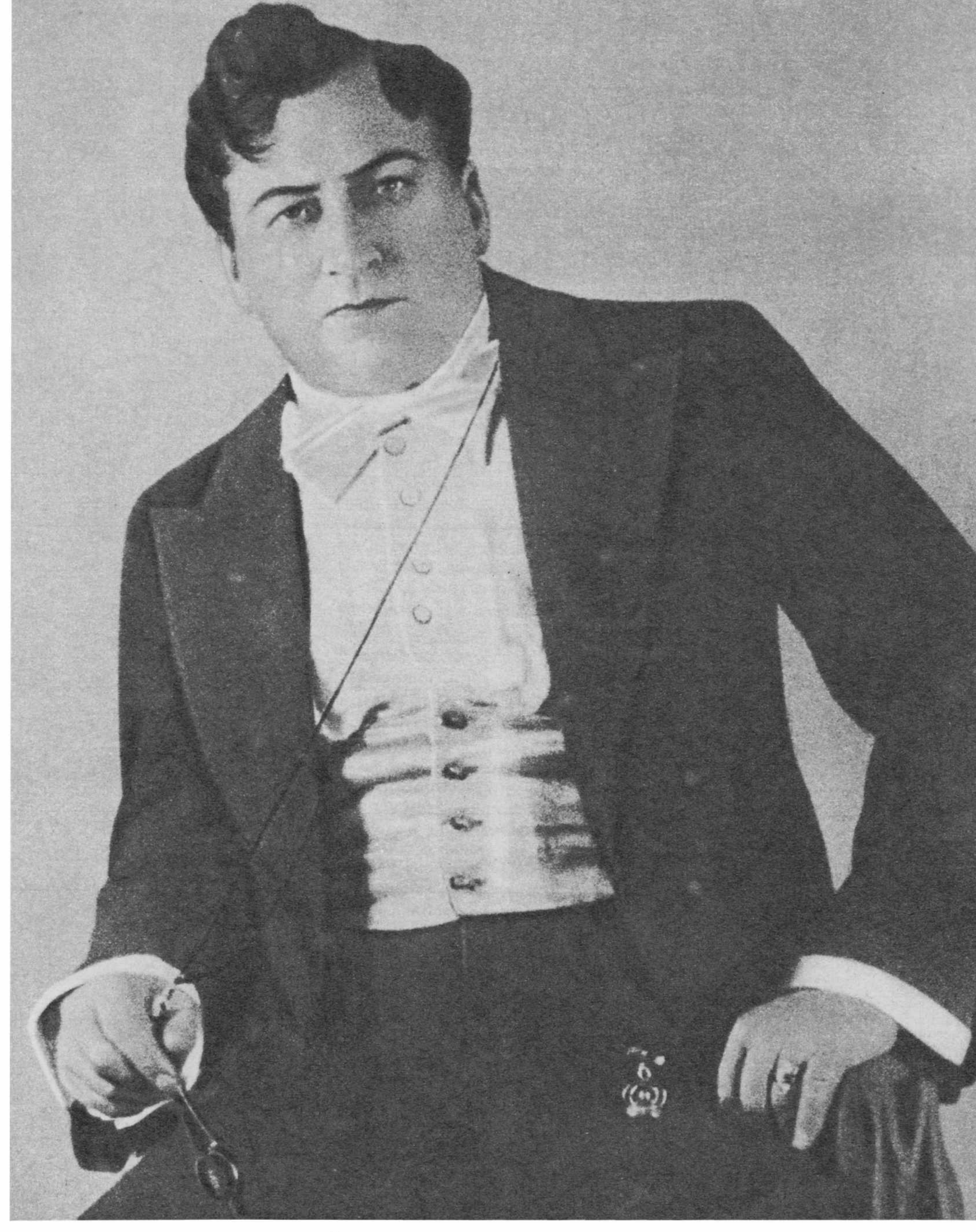
После получения письма я имел несколько бесед с Юрием Михайловичем. Мы решили еще раз просмотреть работу молодого коллектива, и новая авторитетная комиссия вновь пришла к выводу о нецелесообразности создания еще одного передвижного театра в Ленинграде, в то время как в артистических силах остро нуждалась периферия... Предложение Ю. М. Юрьева было отвергнуто. Питомцы его разбрелись по разным театрам; наиболее способных приняли в Александринку.

В 1928 году на смену Юрьеву в качестве художественного руководителя Ленинградского академического театра драмы пришел Н. В. Петров. Вскоре Юрий Михайлович решил переехать в Москву, и тут мы вновь с ним встретились — уже в начале 30-х годов, в период его пребывания в Малом театре. Юрьев стал частым посетителем клуба мастеров искусств и охотно откликался на приглашения выступить на клубной эстраде с художественным чтением, показом сцен из «Маскарада» и других спектаклей... Выступал он и с беседами об актерском мастерстве.

Почти вся артистическая жизнь Юрьева была связана с б. Александринским театром. На этой сцене он дебютировал в 1893 году в роли Милона в комедии Фонвизина «Недоросль». На его актерском счету были роли Чацкого, Ромео, Уриэля Акосты, Карла Моора, Дон Жуана, Арбенина, Кречинского, Отелло, царя Эдипа, маркиза Позы... Мало кому из мастеров театра удалось в течение своей жизни создать такую блистательную галерею образов героев мировой классики.

Как и всякому талантливому художнику, Юрьеву были свойственны искания, трудно осуществимые в обстановке рутины императорских театров. Едва ли не исключением в этой атмосфере застывших традиций явились встречи Юрьева с Мейерхольдом в «Дон Жуане» Мольера и «Маскараде» Лермонтова, доказавшие возможность новой режиссерской трактовки классической драматургии.

Из книги воспоминаний «Как я стал „Домовым“», подготовленной к печати изд-вом «Искусство».

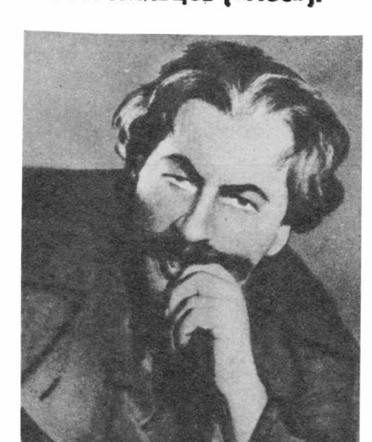

Ю. М. Юрьев в роли Арбенина.

Брызгалов («На берегу Невы»).

Несчастливцев («Лес»).

Вершиной актерского творчества Ю. М. Юрьева была роль Арбенина. Именно в этом спектакле артисту удалось достигнуть глубокого психологического проникновения в образ, придать ему живые, реалистические черты. Интересно, что премьера спектакля состоялась в тот самый день, когда началась Февральская революция. Спектакль совпал с чествованием Ю. М. Юрьева по случаю 25-летия его работы в театре. Юбилейное торжество затянулось далеко за полночь, а когда зрители покидали театр, на Невском гремели выстрелы: народ восстал против самодержавия...

Мне удалось побывать на «Маскараде» весной 1917 года, спектакль еще считался премьерным. В моей памяти Юрьев — Арбенин остался как одно из самых сильных впечатлений театральной юности. Стремление к новаторству было свойственно Юрьеву; известны его попытки вынести театральное зрелище за пределы обычной сценической коробки. Для постановки «Царя Эдипа» и «Макбета» Юрьев замыслил использование цирковой арены. Он мечтал о создании «Театра трагедии», участвовал в организации романтического театра, крестными отцами которого были А. М. Горький и Александр Блок.

На одной из встреч с театральной молодежью столицы Юрий Михайлович говорил:

— Моя задача — поделиться опытом работы над высокой классикой. Современный репертуар вам легче играть потому, что современники у вас на виду. Вы можете наблюдать их каждодневно и заимствовать образы, характеры, типы из самой жизни. А Шекспира, Шиллера, Грибоедова, Лермонтова и даже Островского можно играть, обладая не только знанием эпохи — об этом можно прочесть в книгах,— но и владея в совершенстве актерским мастерством: движением, словом, пластикой, умением носить театральный костюм и не путаться в плаще. Носить ботфорты — и не походить на «кота в сапогах». Вы должны помнить, что даже Карл Маркс уважал Шекспира, а вы, актеры, порой относитесь к Шекспиру так, как будто вам поручено играть эстрадный скетч...

Но здесь же артист оговаривался:

— Не поймите меня превратно, я не хочу порочить искусство эстрады. Я и сам выступаю на эстраде, а бывало, и в цирке — правда, не на трапеции, а в «Царе Эдипе» и «Макбете»... Казалось бы, что общего между эпохой Софокла и эпохой Октября! Но, по-видимому, высокие чувства, так же, как и низменные, проходят сквозь века. Поэтому-то нам дороги Шекспир и Шиллер, Байрон и Пушкин. И пройдет еще немало времени, пока зависть, скупость, ревность и тщеславие мы назовем уделом истории. Многие из этих чувств долго будут служить материалом трагедии...

Работа Юрьева в пьесах советских драматургов не оставила по себе, к сожалению, заметного следа, поскольку ему приходилось изображать лишь представителей «великосветского» дореволюционного общества.

Как-то, разговаривая со мной об этом, Юрьев с грустью сказал:

— Подумайте, какие роли мне доставались в современном репертуаре! Либо играю великого князя Сергея Александровича в «Иване Каляеве», либо барона Врангеля в «Штурме Перекопа», либо полковника Брызгалова в пьесе «На берегу Невы»... Я уж думал: не сесть ли самому писать пьесу, ну хотя бы о старом актере, который хоть и не умеет играть роли рабочих и крестьян, но зато находит в их лице зрителя, способного ценить классику гораздо больше, чем зритель-буржуа...

После кратковременного пребывания в Москве Ю. М. Юрьев вновь вернулся в Ленинградский театр драмы имени А. С. Пушкина, где и закончил свой жизненный путь.

Честное служение народу, искренняя преданность искусству получили высокую оценку... Народный артист СССР, лауреат Государственной премии, Юрий Михайлович Юрьев вошел в историю русского театра как выдающийся актер, органично соединивший в своем лице две эпохи, принесший в советский театр горение души, большую культуру и благородные творческие традиции.

Эдуард Чаус, тренер: — Главное, мечтать о воде!

ФОРМУЛА

Начинается все на суше...

А. ЩЕРБАКОВ
Фото А. Бочинина.

Если говорить языком сказок, этот дворец можно назвать настоящим водным царством. Красивый, нарядный, он волшебно заманивает под свои своды сотни и сотни людей. Заманивает и не отпускает.

...Рано. Даже через огромную стеклянную стену утренний свет еще не высвечивает водное пространство, но тут уже людно и шумно. Первые посетители — мальчишки и девчонки. Одни только учатся плавать, другие, уже постигнув азы брасса и кроля, штурмуют воду, третьих манит вышка для прыжков.

«Лягушатник» полон новобранцами тренера Эдуарда Станиславовича Чауса. Свисток. Команда: «Первые номера, пошли!», «Вторые — пошли!» «Номера» с дерзкой решимостью колотят по воде руками и ногами, а со скамеек для зрителей несутся мудрые советы пап, бабушек, мам: «Вова, обращай внимание на носок!», «Олежка, дыши как следует...»

Тренер опытен и терпелив. Он научит и плавать, а потом отберет из них самых способных в детскую спортивную школу и сделает все, чтоб они ушли в большое плавание.

В вестибюле дворца собирается группа здоровья. Строится и уходит заниматься на улицу, а директор школы закаливания Евгений Аркадьевич Сергеев рассказывает о школе. Она первая такая в стране. Существует с марта 1970 года. Сочетает теоретические занятия с активнейшей практикой — три раза в неделю 45 минут занятий общефизической подготовкой на улице и 45 минут в открытом бассейне. Срок — полтора месяца, а для желающих стать инструкторами-общественниками — 10 месяцев. Наплыв колоссальный. Поначалу планировали набрать 250 человек, а записалось 700 да еще 300 «моржей», у которых своя программа и своя акватория.

В школе своеобразный контингент. Здесь профессора занимаются вместе со студентами, рабочие усваивают ту же программу, что ученые. Ограничений в возрасте нет. Приезжают из других городов, из районов.

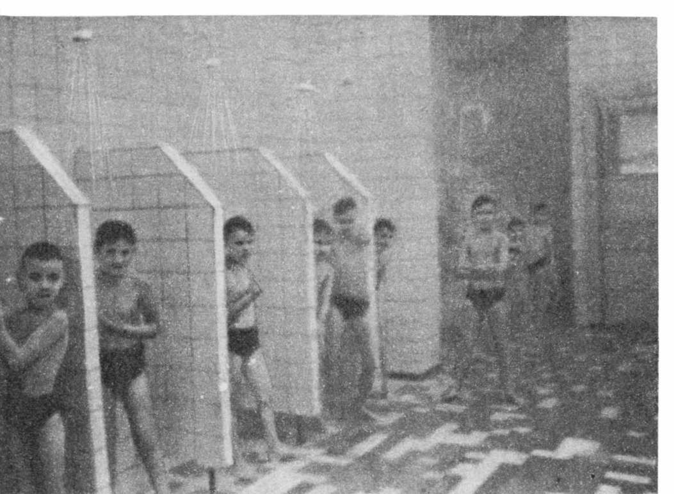
Владимиру Петровичу Новику 75 лет. Был членом Компартии Западной Белоруссии, сидел в тюрьмах панской Польши, отбывал каторгу. Сейчас пенсионер. Живет в Гродненской области. С годами начало сдавать здоровье, захворал так, что ходил с большим трудом. Лекарство признал единственное — физкультуру. Сам разработал себе упражнения. Начал заниматься. И ожил.

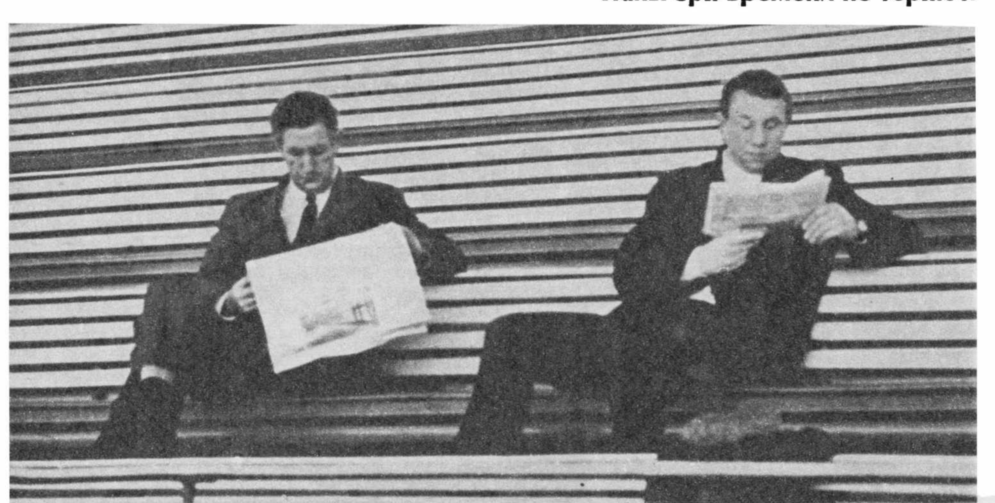
Как-то, оказавшись в Минске, узнал про школу закаливания при Дворце водного спорта. Пришел на консультацию. Запасся советами и уехал к себе в Сморгонь. А через некоторое время приехал в Минск на побывку и попросился в школу. Его, конечно, приняли. Энтузиазмом и прилежностью он превзошел многих своих «однокашников».

...С утра до позднего вечера кипит бассейн. Приходят учиться, тренироваться, просто насладиться возможностью поплавать и обрести бодрость тела и духа. Директор бассейна Яков Исаакович Жевелев, ссылаясь на статистику, говорит, что за год минчане делают в бассейн около миллиона визитов. Узнавшие формулу минской воды и убедившиеся, какой высокий процент здоровья она содержит, уже не забывают сюда дорогу.

Сегодня! А может, в следующий раз!!

МИНСКОЙ ВОДЫ

А кончается под душем.

Папы зря времени не теряют.

ИЗ КАБИНЕТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Змеиное жало

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Рисунок И. БЛИОХА.

По звонку секретаря прокуратуры Полины Васильевны я прошел в приемную и открыл тяжелую, обитую потертым коричневым дерматином дверь.

— Профессор Кошелев — преподаватель консерватории,— представил мне прокурор Алексей Тимофеевич начинающего седеть мужчину в добротном модном пиджаке.— Вот послушайте...

Суть дела сводилась к следующему.

В юности Кошелев жил в нашем городе, отсюда уехал в Москву учиться, там и остался. Нынешним летом приехал к нам ненадолго и вернулся в столицу к приемным экзаменам. Среди поступающих в консерваторию оказался выпускник нашей пятой средней школы Миша Пряхин, который по специальности получил на экзамене двойку.

Спустя две недели в консерваторию пришло письмо от отца Пряхина, где, кроме прочего, было написано буквально следующее: «Мишу провалили потому, что профессор Кошелев еще летом, когда приезжал в наш город, требовал две тысячи рублей за экзамен, а так как деньги не были переданы, моего сына специально завалил».

Парень был из рабочей семьи. Сам проректор провел переэкзаменовку и установил, что Пряхин — юноша не без таланта. В консерваторию его зачислили, а чтобы избежать назревающих неприятностей и не желая ссориться с Кошелевым, руководство консерватории приняло, как им казалось, мудрое решение: профессора временно отстранили от преподавательской работы, вручили ему письмо отца Пряхина и посоветовали приехать к нам для разбора дела. Вчера вечером он встретился с Пряхиным-старшим, и тут его ждала первая неожиданность: Пряхин не был автором письма, очень удивился, что к нему обращаются с таким делом, и вообще знать ничего не знает ни об успехах сына, ни о профессоре Кошелеве. Таким образом, налицо была клевета, и клевета анонимная.

Когда за Кошелевым закрылась дверь, первым моим побуждением было бросить бумажки в корзинку.

«Это же анонимка. Стоит ли этим заниматься? — подумал я.— Теперь ясно, что Кошелев даже и незнаком с Пряхиным, доброе имя профессора восстановлено, а на приемном экзамене просто вышла ошибка».

Алексей Тимофеевич явно не разделял моего оптимизма: какие же это пустяки, когда заслуженного человека отстранили от работы, да и клевета клевете рознь, тут его обвиняют в тягчайшем преступлении — во взяточничестве.

«Ну хорошо,— не сдавался я,— с чего начать, где этого анонимщика найдешь?»

Беседа с Кошелевым ничего нового не дала. Прожил он в тот раз в городе всего три дня, останавливался в гостинице, никаких визитов не делал, был у него здесь знакомый, старый учитель, но в то время уехал в отпуск, застать его не удалось. Других знакомых не было, врагов тоже. Получив от профессора официальное заявление с просьбой привлечь клеветника к ответственности, я распрощался с ним и стал поджидать Пряхина-старшего, которому по моей просьбе курьер понес повестку.

Был конец сентября, но похоже, что осень всерьез взялась за дело: с утра шел мелкий, надоедливый дождь, все вокруг как-то сразу посерело. От меланхолического созерцания улицы меня отвлек какой-то шум у двери. Первое, что бросилось в глаза, были старые, видавшие виды ботинки, которым требовалась если уж не замена, то по крайней мере срочный ремонт. Потом протиснулся и владелец ботинок, довольно крупный, преждевременно постаревший мужчина. Перехватив мой взгляд, Пряхин-старший начал бодрой скороговоркой:

— Вот я и говорю: ножки мои ножки, вам винца или сапожки? А они знай свое: винца, винца. Вы опять про то, как у Мишки делишки? Отвечу так...— продолжал он, поместившись на стуле.— Человек я заблудший, как жена померла три года тому назад, жизнь моя пошла наискосяк. Да и сын стал как чужой. И то сказать: выбрал себе какую-то несерьезную специальность по музыкальной части. Но, заметьте, хотя со стези я сбившийся, душа моя чиста. Никаких подметных писем я не писал, да и к чему бы это. О сыне ничего не знал: не пишет мне. А не приняли бы его, так и лучше, на завод бы устроился, серьезную бы специальность заимел.

Вот, собственно, этим монологом наша встреча и закончилась. Оставалось посмотреть бумаги. Одна надежда: может, они что подскажут. Прежде всего конверт. Ничего вроде бы примечательного, стандартный типографский, в правом верхнем углу наклеена красивая марка. Так сказать, анонимщик со вкусом. Судя по штемпелю, отправлено в Москву 9 августа с Центрального почтамта. Любой житель мог подъехать в центр и отправить это послание. Вот, правда, марка, точнее, не сама марка, а что под ней. Если допустить, что автор письма сам ее клеил (что, заметим, весьма вероятно), то на обороте должна быть высохшая слюна. Она, конечно, не ядовита даже у анонимщиков, но вот установить группу крови по ней можно. Это уже кое-что, может пригодиться. Завтра отправлю на экспертизу.

Теперь письмо; написано на листе из ученической тетради в клетку аккуратным, довольно твердым, слегка закругленным почерком. Грамотно, ошибок нет, выражения точные, местами даже изысканные.

В конверт вместе с письмом вложена вырезка из областной газеты «Знамя» от 24 июля. Вырезка весьма характерная, со смыслом. Фельетон местного журналиста по материалам о взяточнике в педагогическом институте. Это дело в свое время успешно расследовал наш Суровцев. Вырезка, конечно, в подкрепление основной идеи и для руководства к действию. Взяточников к ответу! Неплохо придумано, совсем неплохо. Что еще? А вот тут на обороте вырезки, на полях, карандашом колонка каких-то цифр. Посмотрим, что это. Да, не очень-то понятно.

1765
1710
55—2,2

Какие-то данные, возможно, о владельце газеты и авторе письма. Если бы понять, что это такое, мы были бы на шаг ближе к цели.

Теперь могу признаться, что думал я об этих цифрах довольно долго, даже когда пришел домой — не сразу расслышал, как хозяйка, у которой снимал комнату, позвала пить чай.

На следующий день захлестнули обычные дела. Так что о цифрах я почти и не вспоминал. Но где-то подспудно они все же беспокоили меня.

Надо что-то предпринимать. И тогда я решил посоветоваться со своими товарищами.

Первым в комнату заглянул оперуполномоченный Зотов, который зашел по делу о пожаре. Я ему показал колонку цифр. Поразмыслив, Дмитрий Николаевич сказал:

— До прихода в милицию я работал на стройке, был плиточником. Случалось так: мастера подсчитывают расход материала. Если же взять 55 плиток размером 20 × 20, то как раз хватит покрыть 2,2 квадратных метра стены или пола. Правда,— немного подумав, добавил он,— есть тут кое-какие сомнения, цифры уж больно неподходящие.

У нашего стажера Васи Носова сомнений не было. Как человек с романтической жилкой, он дал такой вариант:

— Сверху — это номера телефонов (тогда еще они у нас были четырехзначные), внизу номер комнаты — 55 и время встречи — 2 часа 20 минут.— Сказал, и тут же хотел набрать один из номеров.

Суждения Суровцева были более обстоятельными:

— Часто так бывает в торговле: подсчитывают остатки каких-нибудь товаров, скажем, по цене 2 рубля 20 копеек за штуку. Правда, обычно это делается не на газете, да и цифр бывает побольше.

На этом разговор закончился, я так и не узнал, кого искать — строителя-плиточника или работника торговли. Поскольку никаких других соображений высказано не было, с тем я и отправился домой. На этот раз, прежде чем позвать меня к чаю, хозяйка попросила снять показания счетчика — конец месяца, и пора было платить за коммунальные услуги. Списал расход электроэнергии в киловатт-часах на сегодня, потом нашел запись за прошлый месяц и столбиком произвел вычитание. Получилось 95.

— На сколько надо умножить? — спросил хозяйку и услышал в ответ:

— На четыре копейки.

И тут я сделал небольшое открытие: если из большего числа отнять меньшее и разницу, скажем, в 55 помножить на 4, то получится 2,2 рубля.

— Что же ты тут написал? — обиделась хозяйка. — У нас нагорело 95, а ты считаешь 55.

Тут только и заметил свою ошибку, увлекшись догадкой. «Ничего,— подумал я,— зато у меня в другом месте нагорело как раз столько».

Теперь поиски владельца газеты приобрели более определенный характер. Выпросив себе в помощь все того же стажера Васю, я на несколько дней углубился в изучение лицевых счетов квартиросъемщиков и владельцев домов.

Дело сводилось к тому, чтобы выявить все семьи, которые в июле израсходовали 55 кило-

ватт электричества и заплатили по жировке 2 рубля 20 копеек. Тем более мы имели дополнительные условия, значительно облегчавшие наш поиск,— были точно известны показания счетчика: на 1 июля — 1 710 квтч, на 1 августа — 1 765.

И действительно, спустя несколько дней мы уже точно знали, что такая жировка есть и выписал ее некто Нефедов, проживающий на Садовой улице.

Перед встречей с ним я навел некоторые справки. Живет с женой в собственном доме, работает много лет в локомотивном депо. Жена на пенсии, дети разъехались. По моей просьбе из депо прислали кое-какие бумаги, написанные Нефедовым, и эксперт почти не сомневался, что цифры на газете написаны его рукой.

Как мне казалось, к допросу Нефедова я подготовился неплохо. Вася Носов вполне разделял эту точку зрения и рвался в бой. Поговорив с Нефедовым немного о работе и семье (кстати, ничего нового для себя не узнав), я выложил на стол вырезку из газеты и приступил к основному делу.

Надо сказать, что Нефедов сначала никак не мог взять в толк, о чем идет речь, путано отвечал на вопросы, а услышав о цифрах и рассмотрев их, очень удивился и все хотел выяснить, как и зачем газета попала ко мне. Когда же я вскользь упомянул о профессоре Кошелеве, старик вообще стал в тупик и твердил одно:

— Путаете вы что-то, товарищ следователь, себя запутали и меня хотите замотать.

Так и шел у нас битый час этот диалог глухих, и каждый говорил свое, и не продвинулись мы ни на шаг.

Я заставил себя остановиться, собрался с мыслями и зашел с другой стороны:

— Может быть, у вас в доме кто-нибудь живет постоянно или летом снимал комнату?

И тут дело явно пошло веселей.

— Как же, как же,— ответил Нефедов,— у нас полтора года снимала комнату учительница Нина Федоровна и еще бы, наверное, пожила, место-то свободное есть, да этот артист голову ей замутил, так она перед первым сентября и съехала.

Кажется, мы выходили на цель. Я даже не удержался, спросил:

— А она случайно не в пятой школе работает?

— Там, там, английский преподает, молоденькая, собой недурна да и не глупая ведь, а вот спуталась с этим прыщом из Дворца культуры — и все у нее неладно пошло.

Так на горизонте появилось новое лицо, точнее, даже два: учительница школы, где учился Пряхин-младший, Нина Федоровна Панфилович и художественный руководитель Дворца культуры Борис Александрович Осмолов.

Панфилович я пригласил на следующий день, но пришла она значительно позднее — только на третий. Пришла, как мне показалось, подготовившись к разговору, внутренне собравшись и приняв определенное решение. Какое — это мне предстояло выяснить.

Что я знал тогда о ней? Не очень много. Три года назад в Москве окончила институт иностранных языков, приехала работать в школу. С коллегами держалась несколько отчужденно, хотя могла и умела, когда хотела, повеселиться вместе со всеми. Был у нее небольшой голос, пела в ансамбле Дворца культуры. И вот она сидит напротив. Весьма недурна — это бросилось в глаза сразу, одета со вкусом, хотя в одежде и в манере держаться проскальзывает излишняя вольность — для учительницы по крайней мере.

Решение ее оказалось весьма для меня благоприятным. Едва выслушав первый вопрос, она сказала, что письмо действительно написала она. Мишу Пряхина учила два года, мальчик очень способный, но вот в школе пошли разговоры, что его несправедливо засыпал на экзаменах Кошелев, а потом стало известно, что он раньше вымогал взятку: она обо всем и написала в консерваторию, чтобы восстановить справедливость. До этого Кошелева не знала, кто именно ей сказал про взятку, сейчас не помнит, почему написала от имени Пряхина-отца, а не от своего, объяснить затрудняется, но думала: так верней. Отвечая на мои вопросы, пояснила, что не только написала письмо сама, но сама и отправляла, купила конверт, наклеила марку и опустила в ящик около школы. Когда я попытался задать несколько разведывательных вопросов об Осмолове, Нина Федоровна сразу насторожилась, сухо сказала, что знает его очень мало по Дворцу культуры, и ничего другого добавить не захотела.

Вот тут я пожалел, что не запасся сведениями об Осмолове, а они мне очень были нужны: без них разговор дальше просто не получился. А он мне очень нужен, очень был нужен этот откровенный разговор. По крайней мере три обстоятельства заставляли весьма критически отнестись к признанию Панфилович. Во-первых, как мне уже было известно, в школе никто не знал ни о приезде Кошелева, ни о провале Пряхина. Во-вторых, в разговоре Нина Федоровна дважды назвала профессора Ковшовым, оговорка весьма характерна. В-третьих, она не могла сама наклеить марку, так как эксперты установили, что это сделал человек, у которого группа крови вторая, а у нее была кровь первой группы. Да и письмо опущено не там, где сказала Панфилович.

Теперь уже можно признаться, что было еще одно обстоятельство, которое работало за нее: мне ее было просто жалко, жалко отдавать под суд, такую молодую и красивую. Правда, все эти сомнения я оставил при себе, сухо с ней распрощался и отпустил. Зато с тем большим рвением принялся выяснять, что же за человек Осмолов. Не без активной помощи Дмитрия Николаевича Зотова вскоре я получил самые разнообразные сведения, и все они были весьма поучительны.

Прежде всего Осмолов считал себя неудавшимся артистом. В свое время он кончал школу вместе с Кошелевым, тоже пытался поступить учиться в Москве, но не прошел по конкурсу. С тех пор он решил, что его жизнь загублена. В семье отношения сложились неудачно, жену свою не любил, хотя и побаивался. Она знала о его похождениях и однажды призвала его к порядку, так сказать, публично. Тогда-то его и сняли с должности заведующего отделом культуры. Последнее увлечение — Панфилович, у которой он дневал и ночевал в доме Нефедова и от которого пришлось Нине Федоровне съехать, так как старик пригрозил скандалом. И, наконец, еще некоторые важные детали: жил он недалеко от Центрального почтамта, и, как явствовало из истории болезни, у него была вторая группа крови.

Чем больше я раздумывал над всей этой историей, тем больше во мне зрело убеждение, что донос — дело рук Осмолова. Главной пружиной всей истории была зависть. Если слегка поскрести внешне респектабельную персону художественного руководителя, внутри окажется злобное ничтожество, трусливый мещанин, который даже себе не может признаться, насколько он мелок. Такие люди во всех своих неудачах винят кого угодно, только не себя. Чувство настолько разъедающее, что они обычно теряют голову и готовы сводить счеты с целым светом, особенно с более удачливыми, и неважно, кто это — друзья в прошлом или малознакомые люди. Видимо, приезд Кошелева всколыхнул старые обиды, а случай с Пряхиным дал повод свести счеты якобы за неудавшуюся карьеру артиста. Но убеждения сами по себе еще не дают основания посылать дело в суд, нужны доказательства, а их-то явно не хватало. А тут еще эта Панфилович с ее признанием.

Мой служебный кабинет был смежным с тем, где работал Вася Носов. Каждая комната имела отдельный выход в коридор, в то же время мы могли заходить друг к другу через смежную дверь. Именно это обстоятельство и было в дальнейшем использовано.

Часов в 10 утра я позвонил на работу жене Осмолова и пригласил ее зайти. Пятью минутами раньше звонил и в школу, где работала Нина Панфилович. Эти женщины раньше не встречались и не знали друг друга. В коридоре против двери был оставлен один маленький деревянный диван, все стулья мы заблаговременно вынесли. Придя по вызову и услышав просьбу немного подождать, женщины сели на диван в коридоре, и между ними завязался какой-то разговор, как это бывает у незнакомых людей, которых вместе заставляют ждать. Тем временем Вася Носов внизу дождался художественного руководителя Дворца культуры и провел его ко мне. Увидев жену и любовницу, мирно беседовавших, Осмолов хотел было что-то сказать, но поперхнулся. Вася, строго следуя инструкции, быстро провел его в мой кабинет.

Пока Борис Александрович усаживался, видимо, мучительно раздумывая, о чем говорят женщины и чем все это может кончиться, Вася, не теряя времени, ввел жену Осмолова и мимо моего стола, через смежную дверь, провел к себе в комнату.

Я начал с обычных вопросов—«фамилия, имя, отчество, год рождения, образование, род занятий» и так далее, на что ушло примерно минут десять. За это время Осмолов, как ему казалось, окончательно усвоил сложившуюся ситуацию, включая мой нарочито громкий голос и открытую дверь в смежную комнату, где сидела его жена. И не только усвоил, но и принял твердое решение дать отпор попыткам разоблачить его неблаговидную роль в истории с Ниной. Правда, он не принял во внимание вторую дверь, а она-то его и подвела. Пока я вел неторопливый разговор про Кошелева, про их знакомство в юности, о чем, кстати, Борис Александрович охотно рассказывал и даже не скрывал, что случайно встретил профессора нынешним летом, Вася, выяснив в двух словах какие-то формальности, потихоньку через дверь своего кабинета выпроводил жену Осмолова в коридор и также незаметно пригласил Панфилович, так как наш

дальнейший разговор с Осмоловым предназначался именно для нее.

А беседа наша дальше пошла так.

— Мне бы хотелось выяснить некоторые подробности ваших отношений с Панфилович,— громко начал я, мимоходом взглянув на открытую дверь в смежную комнату. Осмолов принял условия игры и не менее громко (полагал, что жена его хорошо услышит) ответил:

— Что касается Панфилович, то эту, с позволения сказать, даму я почти не знаю да и знать не хочу.

— Но вы оказывали ей всяческие знаки внимания, дарили цветы, встречались,— еще громче продолжал я.

— Какая чушь! Вас просто сбила с толку сама эта истеричка. Это она приносила мне цветы, возомнив себя талантом и желая попасть в ансамбль. Я люблю свою жену, семью,— голос Осмолова гремел, как на митинге,— считал бы для себя унизительным путаться со всякими...

— Но вот Нефедов говорил...— начал было я.

— Ради бога,— взревел Борис Александрович,— не слушайте его бред, если он что и говорил, то со слов самой квартирантки, а женщине, которая неразборчива в связях, могло прийти в голову что угодно. Разве он не говорил, что там дневал и ночевал один певец из ансамбля? Или про учителя физкультуры, поинтересуйтесь, он там был тоже своим человеком...

Кончилось это значительно раньше, чем я предполагал. В самый разгар тирады в соседней комнате что-то стукнуло, и на пороге появилась Нина Панфилович. Внешне она показалась мне почти спокойной, только вот губы, обычно ярко выделявшиеся на миловидном лице, на этот раз были совсем белыми.

— Ну вот что, Бобби,— бросила она, подойдя почти вплотную к впавшему в транс Борису Александровичу,— я давно догадывалась, что этим все должно и кончиться. Так чем скорей, тем лучше. Одна подлость всегда рождает другую, не случайно вы насочиняли про Кошелева. Только вот не учли, что черновики вашего доноса, с которого вы просили списывать, у меня до сих пор сохранились, и теперь они следователю пригодятся.

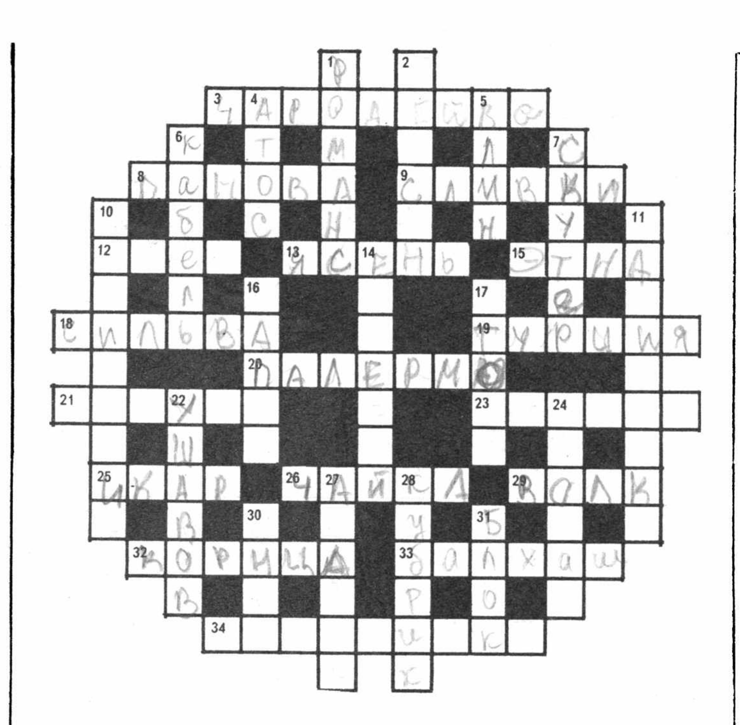
Следствие можно было считать в основном законченным. Одним змеиным жалом стало меньше.

Следователи обычно не ходят в суд, не всегда есть время выбраться. Однако на этот процесс я пришел. И не пожалел: процесс оказался весьма поучительным. Как вы, наверное, знаете, новый закон значительно усилил ответственность за клевету, особенно если она, как в случае с Осмоловым, связана с обвинением в тяжком преступлении.

Председательствовал пожилой судья, видимо, немало повидавший на своем веку. Но даже он как-то подался вперед, когда в зал вызвали свидетеля Кошелева. Заметно волнуясь, профессор начал глуховатым голосом:

— Я долго раздумывал: почему Осмолов опустился до клеветы и почему именно меня избрал мишенью своего доноса? Ведь мы когда-то были друзьями, но для него, видимо, это и сыграло решающую роль. Вспоминается один случай. Как-то я встретился с Осмоловым на улице. Возможно, что эта встреча и не была такой неожиданной... После обмена ничего не значащими фразами Осмолов, который, как я понял, был отлично осведомлен, где и чем я занимаюсь, вдруг попросил об одном, как он выразился, пустяковом одолжении. Дочка его начальника собирается поступать в консерваторию, и... не мог бы я поспособствовать. Мне всегда претили подобные просьбы, я отказал решительно. Мы перебросились еще двумя-тремя фразами и расстались. Тогда я не придал никакого значения этой встрече, и, видимо, зря...

И вот теперь, рассматривая Осмолова на скамье подсудимых, особенно когда в зал вошел Кошелев и начал давать показания, я понял, что вот такая встреча анонимщика с человеком, другом которого он считался и которого гнусно оклеветал,— это даже страшнее тюрьмы. Видно было, что Осмолов желал только одного — скорее бы все кончилось, и, как мне показалось, он даже вздохнул с облегчением, когда судьи наконец огласили свой приговор — три года лишения свободы.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Опера П. И. Чайковского. 8. Советская писательница. 9. Молочный продукт. 12. Рыба семейства карповых. 13. Лиственное дерево. 15. Действующий вулкан на острове Сицилия. 18. Оперетта И. Кальмана. 19. Государство, расположенное в Азии и Европе. 20. Порт в Италии. 21. Морское животное. 23. Самый крупный остров Курильской гряды. 25. Герой древнегреческой мифологии. 26. Пьеса А. П. Чехова. 29. Хищное животное. 32. Пряность. 33. Озеро в Казахстане. 34. Картина В. Е. Маковского.

По вертикали: 1. Музыкально-поэтическое произведение. 2. Приспособление для работ под водой. 4. Персонаж романа А. Дюма «Три мушкетера». 5. Город в Московской области. 6. Электрический изолированный провод. 7. Спортивное судно. 10. Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты. 11. Птица отряда воробьиных. 14. Химический элемент. 16. Овощное растение. 17. Роман Т. Драйзера. 22. Русский флотоводец. 24. Горный хребет в Читинской области. 27. Река в Якутии. 28. Помещение на судне. 30. Французский композитор. 31. Автор поэмы «Двенадцать».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 7. Гафуров. 8. Нейтрон. 10. Бега. 11. Роза. 12. Триер. 13. Цитата. 16. Кресло. 19. Конферансье. 20. Тритон. 23. Шишкин. 25. Остап. 26. «Эдип». 28. Азия. 29. Бинокль. 30. Цилиндр.

По вертикали: 1. Качели. 2. Щука. 3. Вольта. 4. Ремарк. 5. Фтор. 6. Вокзал. 9. Университет. 14. Тикси. 15. Танго. 17. Росси. 18. Снейк. 21. Рудник. 22. Нобиле. 23. Шпагин. 24. «Илиада». 27. Плот. 28. Ария.

На первой странице обложки: Лунный грунт, доставленный автоматической межпланетной станцией «Луна-20», на лотке рабочей камеры специальной приемной лаборатории Академии наук СССР. Оператор готовится к выдаче внеземного вещества для исследований.

Фото В. Шеффера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

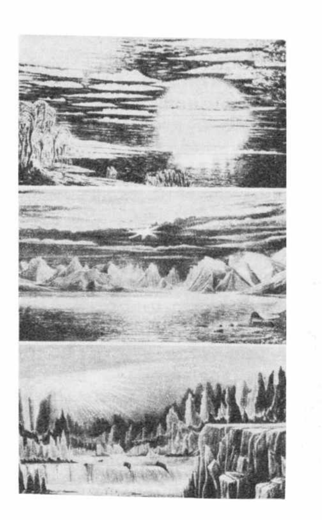
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/III-72 г. А 00657. Подп. к печ. 4/IV-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 671. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2739.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

См. IV стр. обложки.

ХУДОЖНИК-ФАНТАСТ

Словно в иллюминаторе звездолета, видятся удивительные пейзажи космических планет. Хаотические нагромождения скал сменяют диковинные растения. Дрожат и вспыхивают звезды в черном небе, и, недосягаемо-далекая, проплывает мимо голубая добрая Земля.

Пятнадцать лет напряженной работы затратил Георгий Иванович Курнин на то, чтобы создать более двух десятков картин своей космической эпопеи. Вначале он подсматривал таинственное на Земле: этот рассеянный, призрачный свет, и багровые блики невидимого закатного солнца его «земных» картин, и мужественный профиль юноши с пытливым взглядом. Трудно отрываясь от Земли, художник затем все же силою воображения увидел космос, его неповторимые фантастические краски. Увидел — и захотел показать другим.

Но проверить себя по-настоящему он смог тогда, когда посмотреть его картины пришел человек, видевший космос воочию, действительно, в двух шагах от себя,— Герой Советского Союза космонавт Виталий Севастьянов.

«Меня поразило и убедило в правдивости фантазии художника,— пишет В. Севастьянов,— точно переданное переплетение света и тени, мягкий переход от одного тона к другому. Именно такая переливчатая гамма цветов видится человеку, впервые побывавшему в космосе. Я верю, что годы труда и упорного творческого поиска принесут заслуженное признание сочинскому фантасту».

Валентина САAKOBA

Рисунки Б. Боссарта.

На птичьем рынке.

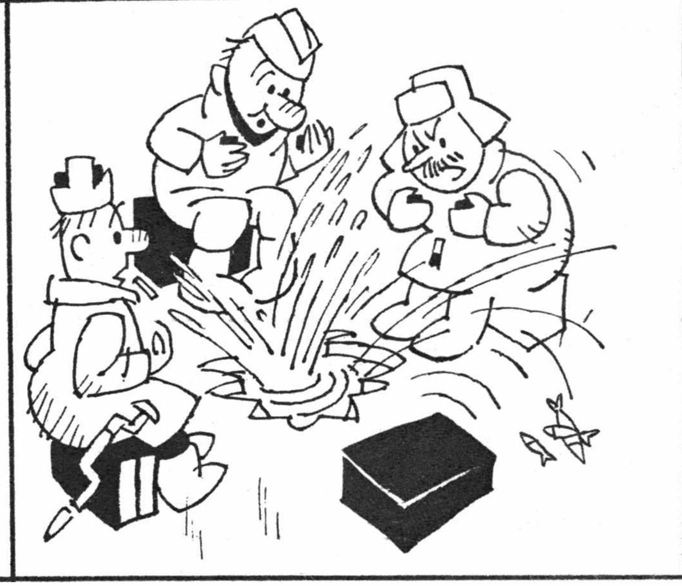
— Со мной!

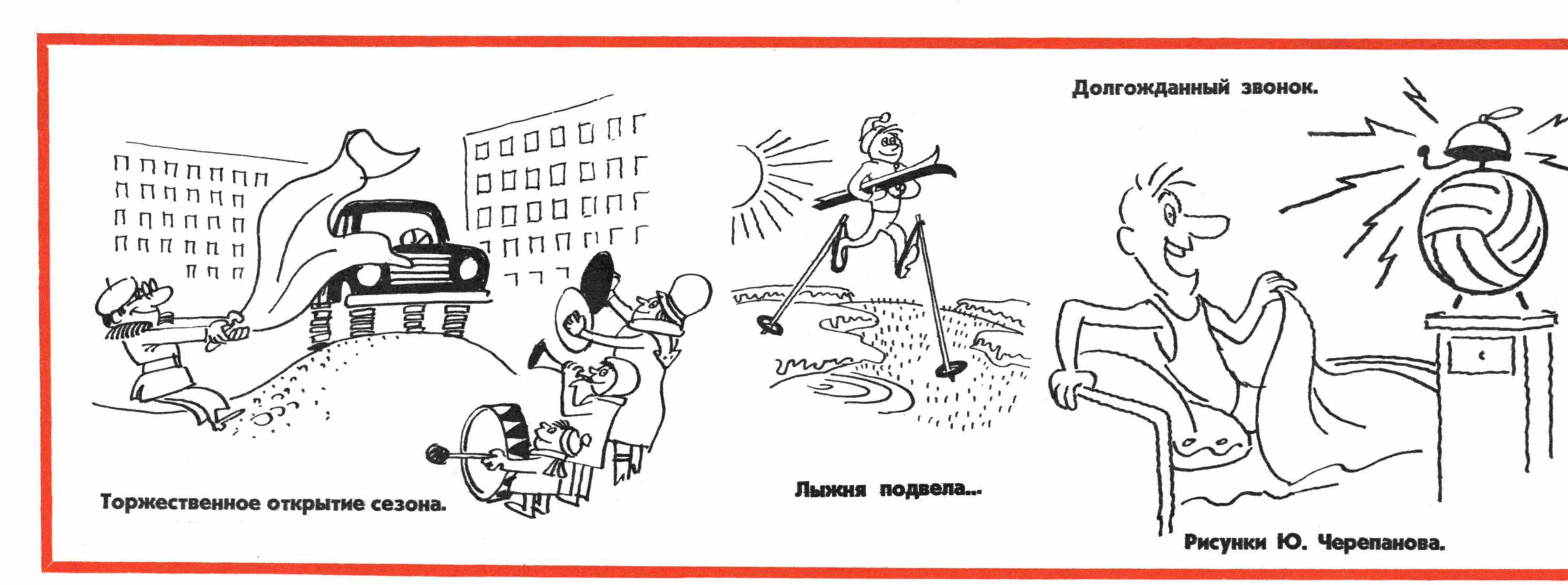

— Сколько раз я тебе говорила: не покупай яйца в гастрономе возле зоопарка!

Весна...

Торжественное открытие сезона.

Лыжня подвела...

Долгожданный звонок.

Рисунки Ю. Черепанова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.